

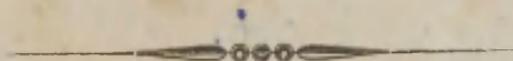

ПУТЕВЫИ ЗАМѢТКИ.

ПУТЕВЫЯ

ЗАМѢТКИ

ДАВИДА МАЦКЕВИЧА.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1856.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Кіевскій Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 1856 г. Марта 19 дня.

Ценсоръ *Ор. Новицкій.*

МАРЬЯ ИВАНОВНА

ЖАРШОВОЙ,

Разсказъ о странствіяхъ, приведшихъ подъ
сѣнь благодатной, тихой пристани,

посвящаетъ

АВТОРЪ.

28 Марта 1856.

КІЕВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вошедшія въ составъ этой книжки статьи объемяютъ замѣтки о поѣздкахъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, совершенныхъ мною въ разное время, начиная съ 1846 г.— Статьи эти, въ слѣдъ за поѣздками, являлись въ С. Петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ.— Большая часть замѣтокъ напечатана была въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*; прочія въ *Сѣверной Пчелѣ*, *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* и въ *Иллюстраціи*, издававшейся подъ редакцію А. П. Башуцкаго.

Въ нынѣшнемъ изданіи не сдѣлано ни какихъ противъ прежняго измѣненій.

Хотя положеніе посѣщенныхъ мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстностей, послужившихъ предметомъ замѣтокъ, съ тѣхъ поръ могло въ чемъ либо измѣниться; но не имѣя подъ рукой относящихся къ этимъ измѣненіямъ данныхъ, я предпочелъ оставить разсказъ въ томъ видѣ, какъ было напечатано прежде, означивъ только при каждой статьѣ годъ, когда совершена поѣздка, держась порядка хронологическаго.

Д. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Г Л А В А I.

Ревель. Гельсингфорсъ.

Отплытіе въ Кронштадтъ. Почтовый пароходъ «Владиміръ». Освященіе этого парохода. Отплытіе въ море. Зрѣлище восходящаго солнца. Островъ Гохландъ. Любознательный пасторъ Гохланда. Ревель. Графъ Гейденъ. Церковь Св. Олая. Панорама Ревеля. Общество Черноголовыхъ Церковь Св. Николая. Дюкъ де Кроп. Екатериненталь. Мысь Лагсбергъ. Лютеранская церковь въ Вышгородѣ. Фаль, мыза Графа Бенкендорфа. Могила Графа. Свеаборгъ. Гельсингфорсъ. Обсерваторія. Купальни. Загородный домъ Кн. Юсуповой. Университетъ и Сенатъ. Православная церковь. Общественная жизнь. Возвращеніе чрезъ Кронштадтъ въ Петербургъ 1.

Г Л А В А П.

М ы з а Ш а л к и.

Финская церковь. Озеро съ двумя островами. Mont-Olympe. Ключъ живой воды. Брусовая гора. Сельское Кладбище. Господскій домъ. Церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы. Садъ. Кедры. Бельведеръ. Исторія Шапокъ. Остатки Женскаго монастыря. 29.

Г Л А В А Ш.

Д е р п т ь.

Вступленіе. Отъѣздъ изъ отдѣленія Почтовыхъ Каретъ. Мои спутники. Нарва. Водопадъ. Почтовая линейка. Балтійское море. Сравненіе ямщика Русскаго съ Эстляндскимъ. Видъ Дерпта. Его исторія. Мостъ на Эмбахъ. *Dom.* Развалины Римско-Католич. церкви. Университетъ съ принадлежностями. Ботаническій Садъ. *Мусса.* Кладбище. Площади. Карлово. Значеніе Университета. Литографическое заведеніе. Происхожденіе *Оленьихъ роговъ.* Извошники. Климатъ . 39.

Г Л А В А IV.

П с к о в ь .

Отъѣздъ на параводъ «Юліана-Клементи-на». Расторопность русскаго шкипера. Чудское озеро. Талапскіе острова. Приѣздъ во Псковъ. Гостиница и ея половой. Исторія Пскова. Троицкій Соборъ. Благовѣщенскій Соборъ. Кремль. *Царство женщинъ*. Свѣтогорскій монастырь. Дѣтскій пріютъ. Карета Іоанна Грознаго. Общественный садъ. Домъ Дворянскаго Собранія. Литографированные виды Пскова. Встрѣча съ Савояромъ 73.

Г Л А В А V.

Святогорскій Монастырь и сельцо Михайловское.

Островъ. Тригорское Святогорскій монастырь. Могила Пушкина. Исторія монастыря. Сельцо Михайловское. Садъ. Домикъ Пушкина. Картина запусѣнія. Буря на озерѣ. Возвраще-ше въ Дерить 115.

Г Л А В А VI.

Грузино, Новгородъ, Боровичи, Устюжна.

Чесма. Средняя Рогатка. Шушарское болото. Славянка. Ижора. Ямщики. Исторія Ингерманландіи. Чудово. Грузино. Его исторія и памятники. Воспоминаніе о Суворовѣ и Державинѣ. Откуда произошли *почты* и *ямы*. Рѣчка Пидьба. Военныя поселенія. Новгородъ. Софійскій Соборъ. Волховъ. Боровичи. Мста и ея пороги. Устюжна. Ея исторія 147.

Г Л А В А VII.

Отъ Петербурга до Витебска.

Мой спутникъ и его попугай. Обѣдъ въ Гатчинѣ. Изящная почтовая гостиница въ Горкахъ. Починка тарантаса. Островъ Новое бѣлорусское шоссе. Опочка. Приключеніе съ попугаемъ. Городокъ. Еврейское народонаселеніе. Оригинальное письмо о Городкѣ. Бѣлорусскіе ямщики 195.

ГЛАВА VIII.

В и т е б с к ъ.

Его исторія и статистика. Воксальная гора. Благовѣщенская церковь. Николаевскій Соборъ. Успенскій Соборъ. Домъ Генераль-Губернатора. Заводы. *Кожсемяки*. Ремесленники. Театръ. Кан-дистерскія. Публичный Садъ. Домъ Дворянскаго собраія. Картина «Снятіе со Креста». Костель Св. Антошя. Преданіе о *Заклятой царевнѣ*. Евреи и извозчики. Вывѣски. 213.

ГЛАВА IX.

О р ш а.

Исторія Орши. Церковь Св. Пророка Иліи. Уираздненные Римско-Католическіе монастыри. Православный Покровскій монастырь. Женскій Пансіонъ. Торговля известью 231.

Г Л А В А X.

Могилевъ Рогачевъ.

Польза путешествій по Россіи. Нашествіе жидовъ на мою гостинницу въ Могилевъ. Исторія этого города. Городкой Садъ. Исторія водворенія Евреевъ въ Бѣлоруссіи. Обѣдъ въ Могилевъ. Исторія Рогачева. Нынѣшнее его состояніе. Издѣлія рогачевской жидовской кухни. Рѣка Березина. Ночлегъ въ Дубовичахъ и особенность тамошней прислуги 241.

Г Л А В А XI.

М о з ы р ь . О в р у ч ь .

Новый Селифанъ. Исторія Мозыря. Уѣздное Дворянское Училище. Пансіонъ благородныхъ дѣвиць. Промышленность и торговля. Статистика города. Въѣздъ въ Волинь. Распятія и другіе предметы поклоненія. Исторія Волини. Овручъ. Развалины церкви Св. Василія . 263.

Г Л А В А XII.

Искорость или Коростень.

Рѣка Уна. Ольгины Купальни. Зеркало Ольги.
Чертово плечо. *Городище*. Колодезь *Древлян-*
скій. Древнія могилы. Курганъ надъ прахомъ
Игоря. Корчмы. Село Топорищи. Случай изъ
жизни аистовъ 285.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

РЕВЕЛЬ. ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.

Отплытіе въ Кронштадтъ. Почтовый пароходъ «Владимиръ». Освященіе этого парохода. Отплытіе въ море. Зрѣлище восходящаго солнца. Островъ Гохландъ. Любознательный пасторъ Гохланда. Ревель. Графъ Гейденъ. Церковь Св. Олая. Панорама Ревеля. Общество Черноголовыхъ. Церковь Св. Николая. Дюкъ де Крои. Екатериненталь. Мысъ Лагсбергъ. Лютеранская церковь въ Вышгородѣ. Фаль, мыза Графа Бенкендорфа. Могила Графа. Свеаборгъ. Гельсингфорсъ. Обсерваторія. Купальни. Загородный домъ Кн. Юсуповой. Университетъ и Сенатъ. Православная церковь. Общественная жизнь. Возвращеніе чрезъ Кронштадтъ въ Петербургъ.

(1846.)

Наблюдающій за движеніемъ современныхъ событій въ Россіи, съ чувствомъ удовольствія и народной гордости, видитъ полезныя усовер-

шенствованія, непрерывно совершающіяся тихо, непримѣтно, безъ усилій, по разнымъ отраслямъ Государственнаго Управленія, усовершенствованія, возвеличивающія славу, благоденствіе и образованіе народныя. Къ числу улучшеній послѣднихъ лѣтъ, польза которыхъ въ особенности ощутительна, относятся мѣры, принятыя между прочимъ по части Почтоваго Управленія. Просвѣщенное, заботливое почтовое начальство, въ непрерывномъ вниманіи къ пользѣ общественной, шествуетъ быстро на пути усовершенствованій, и учрежденіе превосходныхъ способовъ сообщенія, которыми путешественники обязаны попеченіямъ сего вѣдомства, займетъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто въ исторіи нашего образованія. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ явленій послѣдняго времени по сей части есть учрежденіе постоянного почтоваго пароходства между Кронштадтомъ и Штеттиномъ. Опытомъ заведенія почтовыхъ каретъ, соединяющихъ въ себѣ условія быстроты, исправности и спокойствія для проѣзжающихъ, доказаны ясно преимущества учрежденія казеннаго предъ частными заведеніями этого рода. Вотъ почему слухи о томъ, что построенный въ Ан-

глии почтовый пароходъ «Владимірз», предъ отправленіемъ въ Штеттинъ, совершитъ пробный рейсъ въ Ревель и Гельсингфорсъ, возбудилъ во мнѣ желаніе видѣть это судно, и принять участіе въ назначенной ему морской поѣздкѣ. 10-го Мая, въ 12 часовъ утра, я поспѣшилъ на Англійскую Набережную, къ новой почтовой пристани. Спустя четверть часа, мы на палубѣ Бертовскаго парохода; отчалили, быстро проплыли Неву, вошли въ заливъ, и непримѣтно приближались къ Кронштадту при звукахъ взятой на пароходъ прекрасной музыки Лейбъ-Гвардіи Коннаго Полка. Вотъ уже видѣется лѣсъ корабельныхъ мачтъ, тамъ каменные твердыни, и наконецъ громады кораблей и пароходовъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ, изящностью въ частяхъ и стройною гармонією въ цѣломъ, отличался отъ другихъ пароходъ «Владимірз». Приставъ къ нему, мы взошли на палубу. Всѣ любовались великолѣпною постройкою парохода, его обширностью и удобствами; все носитъ печать новѣйшаго вкуса, тщательной, изящной отдѣлки въ малѣйшихъ подробностяхъ. Мы сошли въ каюты, и великолѣпное ихъ убранство — зеркала, бархатъ, ковры, всѣ

малѣйшя удобства для безопасности и спокойствія пассажировъ—привело насъ въ новое удивленіе.— Начался обрядъ освященія парохода, сопровождаемый молебствіемъ о предстоявшемъ благополучномъ плаваніи. Слова Церкви, исполненныя смиренія, кротости и упованія на покровительство Всевышняго Промысла, произнесенныя надъ грозною стихією, которой мы готовились ввѣриться, и мысль о предстоящемъ морскомъ путешествіи, которое я предпринималъ впервые—произвели на душу мою впечатлѣніе сильное, неизгладимое.— Послѣ церковнаго обряда, около четырехъ часовъ, начался обѣдъ, веселый и оживленный.

Въ девять часовъ вечера мы снялись съ якоря. Погода была тихая; отдаленные берега едва были примѣтны въ прозрачномъ сумракѣ сѣверной ночи. Шумъ волнъ, разбиваемыхъ могучими колесами парохода, и клубящіеся каскады, ежеминутно и быстро смѣняющіеся одними другими, и игривыя измѣненія цвѣта воды, и безпредѣльная даль, сливающаяся съ безпредѣльнымъ небомъ, и, среди этихъ чудесъ творенія, пароходъ—геніальное произведеніе чловѣческаго ума—вотъ картины, которыя за-

ставятъ поникнуть голову, не совсѣмъ неспособную къ размышленію, заставляютъ сильнѣ биться сердце, проникнутое чувствомъ благоговѣнія къ величію природы.

Ничто не можетъ сравниться съ движеніемъ и жизнію, которыя одушевляютъ военное судно. Тутъ безъ особенныхъ происшествій переходишь отъ ощущенія къ ощущенію. Предметъ самый незначительный—облако, рыба, птица, вѣтерокъ, скала, — все здѣсь возбуждаетъ живѣйшее вниманіе и любопытство. Безпечная веселость матросовъ и измѣненія моря имѣютъ прелесть неизъяснимую. Чтобъ постигнуть привязанность моряковъ къ своему кораблю, надобно совершить съ ними плаваніе. Они какъ будто сроднились съ нимъ; они преданы ему и тѣломъ и душою. Корабль ихъ — это ихъ отчизна, ихъ семья, ихъ будущность, ихъ существованіе — это часть ихъ самихъ. Ни въ одномъ сословіи нѣтъ столько истинно религіозныхъ людей, какъ между моряками: картины величія природы, ужасы опасностей, которымъ они часто подвергаются, все это развиваетъ въ нихъ чувство религіозное, и сообщаетъ характеру ихъ какую-то безнечность, спокойствіе, веселость, и

вмѣстѣ съ тѣмъ энергію, прямоу и искренность.

Съ непривычки я не могъ спать всю ночь, и провелъ ее на палубѣ; за то я былъ вознагражденъ очаровательнымъ зрѣлищемъ восходящаго солнца. Пурпуровые его лучи разстигались во всю длину необъятныхъ водъ. Море слегка волновалось, и въ волненіи своемъ принимая впечатлѣнія великолѣпнаго свѣтила, рисовало дивные, непрерывно измѣнявшіеся узоры, которые въ состояніи передать развѣ кисть Айвазовскаго. Около семи часовъ утра палуба начала мало по малу оживляться. Пассажиры выходили изъ своихъ душныхъ каютъ на свѣтъ Божій. Вдругъ направо, въ туманной дали, я увидѣлъ едва примѣтную для невооруженнаго глаза точку. Одинъ изъ пассажировъ, знакомый съ тамошнею мѣстностію, сказалъ мнѣ, что это островъ Гохландъ, и рассказалъ о немъ слѣдующія подробности: На Гохландѣ только двѣ деревни, т. е. два мѣста, въ которыхъ разбросаны бѣдные рыбацьи шалаши. Одна деревня называется Киркикулла, и заключаетъ въ себѣ 32 хижины; другая Суркулла, состоящая изъ 42 избъ. Жители острова держатъ лоша-

дей, овецъ и рогатый скотъ; но чѣмъ питать этихъ животныхъ? Растительность острова, состоящаго изъ дикихъ скалъ и камней, слишкомъ для того недостаточна. За то судьба этихъ жалкихъ твореній приводитъ въ содроганіе. Одинъ взглядъ на нихъ производитъ въ зрителѣ чахотку. Сторожевыя собаки, берегущія стадо, частехонько лакомятся мясомъ невинныхъ животныхъ, за безопасностью которыхъ они должны имѣть смотрѣніе. Гохландскіе рыбаки встарину жили долгое время безъ пастырей и властей, покоряясь однимъ естественнымъ законамъ природы. Въ семейной жизни они слѣдовали обычаямъ патріархальнымъ, ни сколько не размышляя о томъ, что такой порядокъ вещей былъ непрочень и неудобень. Только изрѣдка (по истеченіи двухъ или трехъ лѣтъ) ихъ посѣщаль пасторъ, который благословлялъ совершенные до пріѣзда его браки, и крестилъ новорожденныхъ младенцевъ. Но все это, какъ я сказалъ, было прежде: теперь же на островѣ есть постоянный пасторъ, облеченный и духовною и свѣтскою властію. Это единственный правитель Гохланда. Онъ живетъ въ Суркулмъ, гдѣ построена и протестантская кир-

ка. Необразованность людей, съ которыми ему суждено жить, удаленіе отъ большихъ городовъ и лишенія всякаго рода, не истребили въ почтенномъ пасторѣ природной любознательности. Вотъ оригинальная, но вмѣстѣ съ тѣмъ похвальная черта его характера. Не имѣя средствъ выписывать ни газетъ, ни журналовъ, но движимый любопытствомъ знать все, что происходитъ въ области современной политики и литературы, онъ заключилъ съ однимъ изъ Ревельскихъ трактирщиковъ условіе, по которому послѣдній, за рубль серебромъ, доставляетъ ему по зимнему пути и при вѣрной оказіи, къ Рождественскимъ праздникамъ, *полное* годовое изданіе какой-то Финской газеты, выходящей два раза въ недѣлю, по Средамъ и Субботамъ. Получивъ это драгоцѣнное сокровище, пасторъ нашъ ждетъ съ нетерпѣніемъ первой Среды послѣ Новаго Года и въ этотъ вождельный день читаетъ съ любопытствомъ и наслажденіемъ № 1-й газеты, которой мѣсяць и число, хотя прошлогодніе, обманываютъ воображеніе этого оригинальнаго читателя, и сообщаютъ всему читаемому свѣжесть и животрепещущій интересъ. Этому очарованію не мало содѣйствуетъ и слѣ-

дующее его разсужденіе: «Мнѣ бы только знать, говоритъ онъ, все что дѣлается въ свѣтѣ, а что за бѣда, если я узнаю это ровно годомъ позже: для меня все равно». Затѣмъ въ слѣдующую Субботу читаетъ онъ № 2-й, носящій мѣсяцъ и число этого дня; № 3-й читается въ наступающую за тѣмъ Среду, и т. д. въ продолженіе цѣлаго года. Иногда встрѣчается интересная исторія съ означеніемъ въ концѣ «окончаніе *впередь*», но терпѣливый пасторъ, чтобы не нарушать принятой системы и не разрушать очарованія, чтеніе конца заманчиваго разсказа отлагаетъ до мнимаго выхода слѣдующаго номера, т. е. до будущей Субботы.

Островъ Гохландъ не лишенъ воспоминаній историческихъ. Во время войны съ Швеціею, Адмиралъ Грейгъ, 6-го Іюля 1788, бодро встрѣтилъ Шведскій флотъ подъ начальствомъ Герцога Зюдерманландскаго, недалеко отъ Гохланда. Бой былъ жестокій. Грейгъ одолѣлъ, отбилъ Герцога, и загналъ его въ Портъ Свеаборгскій, откуда онъ, при наступленіи осени, уплылъ къ берегамъ Швеціи.

Но довольно о Гохландѣ. Я не успѣлъ выслушать о немъ всего, что передаю теперь

читателямъ, какъ онъ скрылся въ отдаленнѣ, и вмѣсто того, передъ нами на далекомъ горизонтѣ показались высокія башни Ревеля (*). Приближаясь къ Ревелю, я былъ удивленъ невиданнымъ мною дотолѣ цвѣтомъ воды: въ ней преобладалъ какой-то зеленоватый бирюзовый отливъ; это обыкновенный цвѣтъ морской воды.

Мы вошли въ военную гавань. Вслѣдъ затѣмъ посѣтилъ нашъ пароходъ Ревельскій Военный Губернаторъ, Адмиралъ Графъ Гейденъ, одинъ изъ героев Наваринскихъ. Онъ осматривалъ въ подробности устройство парохода, и не могъ достаточно нахвалиться всѣмъ, что видѣлъ. Съ чувствомъ невольнаго уваженія смотрѣлъ я на почтеннаго ветерана, котораго имя перейдетъ къ отдаленному потомству на бессмертныхъ листахъ Исторіи.

Мы поспѣшили видѣть достопримѣчательности города, и начали обозрѣніемъ Лютеранской Церкви Св. Олая, первой въ Ревелѣ по

(*) Извѣстно, что Ревель носитъ Русское названіе *Колывань*. Споры ученыхъ о происхожденіи этого имени до сихъ поръ еще не рѣшены.

вышинѣ и третьей по древности. Первоначальное построение церкви относится къ XIV вѣку; но пожары восемь разъ ее истребляли и заставляли давать ей новый видъ. Послѣднему пожару отъ молніи она подверглась въ 1820 г. Теперь на башнѣ церкви устроены громовой отводъ. Готическая архитектура церкви прекрасная; мнѣ понравились и гордые, легкіе стрѣльчатые своды, и свѣтлый, величественный просторъ ея внутренности, и длинныя узкія окна, составленные изъ безчисленнаго множества маленькихъ стеклышекъ. Мы всходили на вершину Олая, и за этотъ трудъ вознаграждены были прелестною панорамой Ревеля и его окрестностей. Глядя на эти остроконечныя черепичныя крыши, кривыя, узкія улицы, на всю эту безобразную грудю здапій, надъ которыми вѣки пронеслись, въ которыхъ пережило столько поколѣній, я переносился воображеніемъ къ отдаленной старинѣ, ко временамъ, ознаменованнымъ кровавыми подвигами войнолюбивыхъ рыцарей, и обращаясь къ пастоящему, видѣлъ только мирныхъ гражданъ, флегматически и прозаически отпращивающихъ свои хозяйственныя и торговыя дѣла, да кой-гдѣ на улицѣ двухко-

лесную тельгу Эстонца, медленно вдушаго по плохой каменной мостовой.

Налюбовавшись видами Ревеля, мы посетили домъ, принадлежащій Обществу Черноголовыхъ (Schwarzenhäupter), въ которомъ теперь помѣщается клубъ. Домъ этотъ построенъ въ 1597 году, и украшенъ различными барельефами. Огромная сѣни съ дубовою лѣстницей, ведущею въ верхній этажъ, слѣдующая затѣмъ большая комната, украшенная портретами Монарховъ Дома Романова—все носитъ видъ оригинальности и старины. Во второмъ этажѣ замѣчательна зала общества, украшенная портретами старинной живописи многихъ Державныхъ Особъ. Особенное мое вниманіе обратили на себя изображенія Іоанна III, Іоанна Грознаго и Карла XII. Въ члены братства принимаются исключительно люди купеческаго сословія и притомъ неженатые. Они слѣдуютъ извѣстному уставу, и имѣютъ особую парадную одежду. Общество это составляетъ здѣсь, можно сказать, единственные остатки обычая Среднихъ Вѣковъ.

Поспѣшимъ теперь въ Церковь Св. Николая. Наружность церкви этой мрачна, и но-

ситъ печать древности. Она построена въ началѣ XIV вѣка. Внутреннія стѣны ея украшены старинными картинами, въ числѣ коихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія неизвѣстно какъ какимъ образомъ попавшая сюда часть картины Гольбейна: *Танецъ смерти*. Въ одномъ изъ предѣловъ церкви лежитъ знаменитость Ревеля — иссохнѣй трупъ Дюка де Кроп, сохранившійся болѣе 140 лѣтъ. Кому не извѣстна любопытная его исторія? Повторяю ее вкратцѣ. Герцогъ де Кроп принятъ былъ Петромъ Великимъ въ Русскую службу. Командуя войсками нашими, осаждавшими Нарву, онъ отдался въ плѣнъ Шведамъ, и жилъ въ Ревелѣ, гдѣ велъ жизнь довольно роскошную. Хотя онъ получалъ отъ Карла XII самое незначительное денежное вспомошествованіе, однако о пирахъ его далеко было слышно. Говорили даже, что, при шумныхъ возмѣненіяхъ Бахусу, котораго онъ былъ усерднымъ поклонникомъ, онъ могъ прогонять винные пары мгновенно, тогда какъ товарищи его оставались въ состояніи совершеннаго безчувствія. Ему стоило только снять свой широкій парикъ à la Louis XIV, и голова его мгновенно освобождалась отъ винныхъ

испарений, такъ что онъ могъ предаваться новымъ вакхическимъ наслажденіямъ. При такомъ образѣ жизни не мудрено, что Дюкъ надѣлалъ множество долговъ, и когда его застигла смерть, онъ оставилъ ихъ незаплаченными. Когда сбились погребать его, многіе его кредиторы тому воспротивились; они имѣли полное на то право, на основаніи древняго мѣстнаго закона, по которому несостоятельные должники лишаются погребенія. Въ слѣдствіе этого трупъ де Крои былъ положенъ въ гробъ до того времени, пока наслѣдники или родственники не заплатятъ его долговъ. Никто, однако, не хотѣлъ подражать Египтянамъ въ выкупѣ тѣла, и забытый прахъ де Крои оставался въ этомъ положеніи до 1819. Тогдашній Генераль-Губернаторъ Остзейскихъ Губерній, Маркизь Пауллуччи, желая положить конецъ слишкомъ продолжительной мѣрѣ взысканія, приказалъ предать тѣло Герцога погребенію. Но когда вынули его изъ временнаго гроба, всеобщее изумленіе было неописанно: тѣло Герцога найдено въ совершенной цѣлости. Одежда его и самое бѣлье не подверглись ни малѣйшему поврежденію. Онъ какъ будто не умиралъ вовсе. Маркизь Паул-

луччи велѣлъ положить трупъ де Крои подъ стеклянный навѣстъ, и въ такомъ видѣ онъ служить теперь предметомъ любопытства. Причиною сохраненія этого трупа полагають свойство цемента, связывающаго камни Церкви Св. Николая.

Съ чувствомъ отвращенія смотрѣлъ я на мертвое тѣло. Это лице, обезображенное рукою смерти, тѣло окостенѣвшее и почернѣвшее, и въ особенности неуважительное съ трупомъ обращеніе церковнаго стража, который безъ дальнихъ околичностей обнажаетъ его предъ глазами любопытныхъ, и треплетъ его и постукиваетъ по немъ, все это произвело на меня какое-то непріятное, грустное впечатлѣніе.

Вечеромъ мы гуляли въ саду Екатериненталя. Оставивъ въ Петербургѣ деревья, едва начинавшія распускаться, я былъ обрадованъ и удивленъ, найдя въ Ревелѣ густую, свѣжую зелень; множество яркихъ благоуханныхъ цвѣтовъ веселили взоры.— Я ходилъ по одной изъ густыхъ аллей, ведущихъ къ заливу, освѣжая грудь благораствореннымъ весеннимъ воздухомъ; вдругъ раздалось нѣніе соловья..... Столько лѣтъ эти чудные звуки не касались моего

слуха, и теперь, внезапно ими очарованный, я невольно перенесся воображеніемъ къ другой веснѣ, къ другому небу; вспомнилъ садъ, въ которомъ гулялъ когда-то, во время счастливаго, беззаботнаго дѣтства, гдѣ я такъ часто до глубокой ночи заслушивался соловья, и мнѣ грустно стало, и сердце болѣзненно сжалось, и слезами невольно оросились рѣсницы..... Въ омутѣ ежедневныхъ заботъ, въ тревогахъ дѣятельной свѣтской жизни проходятъ дни, мѣсяцы, годы; сердце черствѣетъ, голова занята дѣломъ. Отъ трудовъ мы отдыхаемъ на Невскомъ Проспектѣ, въ театрѣ, на вечерѣ, за преферансомъ. Вотъ отъ чего, когда случай насъ заброситъ далеко отъ шумнаго многолюднаго города, когда мы свергаемъ съ себя тяжелыя оковы свѣтскихъ условій, подавленное чувство просится на просторъ, мы ощущаемъ прелесть неизяснимую въ созерцаніи природы, сердце принимаетъ живѣе впечатлѣнія того, что напоминаетъ намъ дѣтскіе годы, первую молодость и этотъ нераздѣльный съ ними міръ поэзіи и счастья.

Изъ Екатиринаенталя ходилъ я на мысъ Лагсберга, и съ высоты его мнѣ представилась чудная картина: внизу зеленѣется дуброва; про-

глядываютъ домики, полусокрытые въ густыхъ садахъ, освѣщаемыхъ заходящимъ солнцемъ; вдали возвышается Вышгородъ, пестрѣющійся домами и башнями; подлѣ него, какъ гигантъ на стражѣ, чернѣется Олай. Острова Вульфъ и Наргенъ кажутся тонкими зелеными полосами, и лодки рыбаковъ скользятъ у берега..... Голубое море тихо и свѣтло, какъ сливающееся съ нимъ небо; на немъ виднѣются два, три серебряныя облачка, и солнце огненнымъ шаромъ спускается въ море.....

На другой день, въ Воскресенье, мы были въ Вышгородской Лютеранской Церкви, построение которой относится къ XIV вѣку. Внутреннія стѣны испещрены кудрявыми гербами погребенныхъ здѣсь дворянъ; здѣсь же покоится прахъ извѣстнаго де ла Гарди. Послѣ того мы любовались видами Ревеля съ террасы одного изъ домовъ, построенныхъ на отвѣсной скалѣ и стоящихъ на огромной высотѣ, какъ будто надъ пропастью. Тутъ замѣчательны древнія городскія укрѣпленія и башни, во многихъ мѣстахъ раздавленныя временемъ.

Намъ хотѣлось видѣть Фаль, извѣстную мызу Графа Бенкендорфа, лежащую въ 30-ти

верстахъ отъ Ревеля. Взявъ почтовыхъ лошадей, мы пустились въ дорогу, идущую по довольно хорошему шоссе. Устройство мызъ и помѣщичьихъ замковъ и все, что ни попадалось на пути, напомнило мнѣ западныя губерніи; но природа здѣсь бѣднѣе: не видно нигдѣ ни горъ, ни возвышеній, ни положеній живописныхъ; все какъ-то дико, печально, угрюмо. Насъ было шестеро: мы ѣхали въ линѣйкѣ, устроенной наподобіе тѣхъ, какія употребляются въ Петербургѣ для загородныхъ прогулокъ. Время въ разговорахъ проходило непримѣтно, и вотъ мы видимъ башни Фаля. Черезъ четверть часа онъ представился намъ во всемъ блескѣ. Прелестное зданіе замка (напомнившее мнѣ дачу Графа Орлова въ Стрѣльнѣ) построено гениальнымъ Штакеншнейдеромъ. Всѣ постройки, къ этому замку принадлежащія, расположеніе оранжерей, цвѣтниковъ и прочее, носитъ печать вкуса, простоты и изящества. Здѣсь обратили на себя вниманіе наше прелестныя чугунныя скамейки, украшенныя гербами и разставленныя въ разныхъ частяхъ сада. Нашъ чичероне объяснилъ намъ, что онѣ поставлены въ воспомнаніе посѣщенія Фаля раз-

личными особами, гербами которыхъ онѣ украшены. — Съ чувствомъ благоговѣнія приближались мы къ могилѣ покойнаго Графа А. Х. Бенкендорфа. Она лежитъ на завѣщанномъ имъ мѣстѣ, у подножія поставленнаго имъ простаго деревяннаго креста (*). Вокругъ скромной могилы его судьба чудно соединила все, что онъ любилъ въ жизни. Кругомъ густой зеленый лѣсъ; далѣе шумитъ рѣчка, а за нею красуется замокъ, въ которомъ, среди милыхъ сердцу, онъ находилъ отдыхъ отъ бремени заботъ и трудовъ служебныхъ; налѣво, вдали, сквозь чашу, едва примѣтны волны залива. — Фаль достойнъ своей знаменитости. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, на одной изъ академическихъ выставокъ, многіе восхищались его видами; но надобно видѣть ихъ въ натурѣ, чтобы постигнуть ихъ дивную красу, ихъ неизъяснимую прелесть. Огромный наркъ раздѣленъ широкимъ ручьемъ или рѣчкою, шумно и стремительно переливаю-

(*) Могила, гдѣ покоится прахъ Графа, теперь окружена простою деревянною рѣшеткой; на могилѣ земляная насыпь. Здѣсь будетъ, говорятъ, воздвигнутъ монументъ и поставлена чугунная рѣшетка.

щеюся по камнямъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены плотины и шлюзы, съ высоты которыхъ вода ниспадаетъ пѣнистыми брызжущими волнами. Рѣчка эта, возникающая изъ горныхъ ключей въ 15-ти верстахъ отъ Фаля, течетъ извилинами, и пробиваясь сквозь чашу, теряется вдали, и наконецъ впадаетъ въ заливъ. Берега рѣчки, покрытые деревьями, безконечны въ своемъ разнообразіи. Они то круто ниспадаютъ къ ней, то образуютъ плоскія возвышенности, то представляютъ овраги и стремнины. Но все, что я сказалъ о красотѣ этого единственнаго мѣста, не можетъ дать и слабаго понятія о томъ дивномъ сочетаніи природы и искусства, о той изумительной роскоши, съ какою щедрая природа разсыпала здѣсь дары свои. Если бъ кто хотѣлъ описать прелесть женской красоты, то, разумѣется, началъ бы изображеніемъ, правильныхъ чертъ, свѣжихъ ланитъ, блеска глазъ, длинныхъ рѣсницъ; но самый подробный анализъ отдѣльных частей лица рѣшительно сухъ и мертвъ, и вашему чувству не говоритъ ни о благородствѣ профиля красавицы, ни о выраженіи ея лица, ни о томъ соединеніи всѣхъ частей, которое даетъ истинный характеръ фізіономіи,

словомъ, по описанію вы не поймете, или, лучше сказать, не почувствуете того, что мы условились называть красотою. Это правило можно примѣнить и къ изящному въ природѣ въ другихъ ея видахъ. По этому того, что подлежитъ области зрѣнія, не должно описывать словами: они въ этомъ случаѣ невыразительны и бессильны.

Вечеромъ мы возвратились въ Ревель, и попали на шумное гулянье въ Екатериненталѣ. Тутъ было все народонаселеніе Ревеля, чудная смѣсь

Одеждъ и лицъ,

Племень, нарѣчій, состояній.

Но я чувствовалъ усталость, и не въ состояніи былъ принять дѣятельное участіе въ гуляньѣ. Я поспѣшилъ на пароходъ, гдѣ было объявлено, что мы оставляемъ Ревель въ два часа утра.

Ревель понравился мнѣ своею старинною, оригинальною фізіономіею, своею простотою и безпритязательностію. Онъ подобенъ человѣку, испытавшему на своемъ долгомъ вѣку многія превратности судьбы, и у котораго сохранилось какое-то религіозное уваженіе къ обычаямъ и преданіямъ отцевъ. Онъ не гоняется за успѣ-

хами нововведеній. не обольщается ихъ ложнымъ блескомъ; у него свои понятія, свой особый взглядъ на вещи. Онъ любитъ кафтанъ стариннаго покроя, наслѣдіе предковъ, и чуждается причудъ щепетильной моды; оттого лице его, покрытое морщинами, слѣдствіемъ не бурныхъ страстей а вліянія лѣтъ, носитъ печать того, что Французы называютъ *aggrégé*, т. е., показываетъ человѣка, отставшаго отъ современныхъ обычаевъ и образованія. Бродя по тѣснымъ, извилистымъ улицамъ, я любилъ встрѣчать эти безмятежныя, тихія лица, это наружное благочиніе, опрятность и порядокъ. Я не видѣлъ ни пьяныхъ, ни нищихъ. Это даетъ весьма выгодное понятіе о нравственности жителей города, которые избавлены отъ этихъ язвъ общества, къ сожалѣнію, глубоко вкоренившихся почти во всѣхъ большихъ городахъ.

На другой день, часу въ седьмомъ утра, мы увидѣли грозныя твердыни Свеаборга. Крѣпость построена на семи островахъ, укрѣпленныхъ бастіонами, пересѣкаетъ заливъ, какъ желѣзная опора, защищаетъ берега и городъ, и открываетъ огромный рейдъ военнымъ судамъ. Сооруженіемъ своимъ (1749) она обязана Швед-

скому Фельдмаршалу Графу Эренсверду, который въ ней и похороненъ.

Послѣ завоеванія Выборга и Ингерманландіи Петромъ Великимъ, крѣпость эта служила Швеціи единственнѣмъ оплотомъ противъ Россіи. Въ 1808 г., послѣ двухъ — мѣсячной блокады, она сдалась Русскимъ.

Мы проѣзжали узкій проливъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ. Онѣ состоятъ изъ природнаго гранита, въ которомъ прорублены отверстія для пушекъ. На берегахъ залива, пересѣкающихся и исчезающихъ во многихъ мѣстахъ, видно множество прелестныхъ загородныхъ домовъ и картинныхъ мѣстоположеній; едва успѣете налюбоваться однимъ ландшафтомъ, уже передъ вами другой, лучше прежняго. Вы какъ будто въ странѣ волшебствъ, въ краю невѣдомомъ, о которомъ часто будете вспоминать, увидѣвъ однажды его дивную и печальную красу.

Четверть часа спустя, мы въ Гельсингфорсъ. Передъ нами длинные ряды великолѣпныхъ домовъ прекрасной архитектуры; площадь, на ней памятникъ, далѣе бульваръ, магазины, вывѣски; словомъ, городъ Европейскій, современный.

Начало Гельсингфорса относится къ XVI вѣку. Онъ построенъ въ 1550 г., по повелѣнію Густава Вазы. Въ 1639 г., всѣ жители города оставили мѣсто, первоначально избранное ихъ предками, и перенесли свои деревянные домики туда, гдѣ лежитъ нынѣшній городъ. Новый городъ сохранилъ прежнее названіе, и Королева Христина пожаловала ему значительныя привилегіи. Война и моръ, голодъ и пожары не разъ опустошали его; онъ возвышался и обогащался съ трудомъ. Сто лѣтъ спустя послѣ переселенія, въ Гельсингфорсѣ было не болѣе 5,000 жителей. Нынѣ число ихъ простирается до 16,000. Это одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ и оживленныхъ городовъ; онъ радостно взпраетъ на свою настоящую судьбу, и говоритъ съ довѣріемъ о своемъ грядущемъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ вдѣлъ въ своихъ стѣнахъ, какъ будто волшебствомъ возникшія, сотни жилищъ и роскошныхъ зданій, возвысившихся на почвѣ еще недавно голой и бесплодной. Улицы здѣсь широкія, длинныя и правильныя, площади четвероугольныя, и на всемъ своемъ пространствѣ Гельсингфорсъ весьма похожъ на города, воздвигнутые вдругъ, при со-

дѣйствиі высшихъ властей. Онъ вытяпуть въ струнку, кокетливъ и наряденъ какъ женщина, ищущая побѣдъ. Хотя и есть еще кое-гдѣ остатки простыхъ построекъ, какая нибудь убогая хижина, послѣднія развалины другаго времени, однако они смиренно склоняютъ голову передъ окружающими ихъ пышными высокими домами, какъ бѣднякъ, стыдящійся своей скромной одежды, посреди богатыхъ сосѣдей.

Прежде всего я посѣтилъ обсерваторію. Ее показывала мнѣ старуха, исправляющая здѣсь должность швейцара и смотрителя. Она не понимала ни одного изъ извѣстныхъ мнѣ языковъ, и я долженъ былъ прибѣгать къ пособію знаковъ, употребляемыхъ глухонѣмыми, которые она понимала превосходно, и предупреждала ихъ отвѣтами: ю, ю!

Купальни, которыя я вслѣдъ затѣмъ видѣлъ, приготовлялись для принятія посѣтителей. Возлѣ купальень, на нѣкоторомъ возвышеніи, недавно построенъ прелестный загородный домъ Княгини Юсуповой. Съ террасы этого дома я смотрѣлъ на картину угрюмой Финляндіи. Эти дикія, обнаженные скалы утомляютъ взоръ и наводятъ на душу меланхолю. Цвѣ-

ты, деревья, здѣсь величайшая рѣдкость и принадлежать къ предметамъ роскоши. Кто хочетъ завести у себя садикъ, тотъ долженъ создать прежде всего почву. Для этого на гранитномъ грунтѣ образуютъ насыпь изъ земли, которую привозятъ за 15 верстъ. Квадратная сажень такой искусственной почвы стоитъ 8 р. сер. Довольно большой ботаническій садъ и соединяющійся съ нимъ садъ общественный столи, вѣроятно, огромныхъ трудовъ и издержекъ.

Зданія Университета и Сената великолѣпны. Они стоятъ одно противъ другаго, и съ строящеюся церковію и другими зданіями, образуютъ прекрасную четвероугольную площадь. Я всходилъ на вершину церкви, и былъ восхищенъ видами окрестностей разнообразныхъ и живописныхъ. Городъ лежитъ на широкомъ полуостровѣ, покрытомъ дикими холмами и зелеными долинами; со всѣхъ сторонъ оцъ окруженъ моремъ, какъ сребристымъ поясомъ, испещреннымъ узорами лѣсовъ и гранитныхъ скалъ. Здѣсь морской песчаный берегъ склоняется въ уровень съ волнами моря, которыя съ тихимъ шепотомъ бросаютъ къ нему кружева цѣны и бахраму перламута и лазури; тамъ

возвышаются пирамидальные камни; далѣе берегъ увѣнчанъ сосновымъ лѣсомъ. На набережной, на улицахъ, на площадяхъ, вездѣ жизнь, движеніе, а шаговъ сто далѣе — дикое безмолвіе, далекій сводъ неба, и только раздается шумъ волнъ да завыванье вѣтра.

Общественная жизнь въ Гельсингфорсѣ получила большое развитіе. Гостинницы и кофейни могутъ удовлетворить самому взыскательному вкусу. Магазины отличаются тѣмъ, что въ нихъ заключается пестрое собраніе всякой всячины. Тутъ найдете хозяйственную посуду и галантерейныя вещи, сукна и вина, конфеты и полотно. Общество отличается образованностью и гостепріимствомъ, которое распространяющаяся цивилизація вытѣсняетъ въ другихъ мѣстахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Зимой здѣсь бывають общественныя балы и вечера; лѣтомъ, подобно жителямъ Петербурга, многіе переселяются на дачи въ окрестностяхъ города. Остающіеся въ городѣ услаждаютъ свое одиночество, глядя на безнрерывное движеніе пароходства, на множество пріѣзжающихъ купаться или подышать морскимъ воздухомъ.

Въ девять часовъ вечера мы оставили Гель-

сингфорсъ. Въ часъ по полудни на другой день мы бросили якорь въ Кронштадтѣ; оттуда въ семь часовъ вечера возвратились въ Петербургъ.

Такъ провелъ я пять дней, оставившихъ во мнѣ много пріятныхъ, неизгладимыхъ впечатлѣній. Въ этомъ маленькомъ промежуткѣ времени все такъ полно жизни, новыхъ явленій, событій, ощущений. И какъ не любить путешествія? Что иное можетъ доставить столько пищи наблюдательному уму, столько полезныхъ уроковъ опытности? Что, кромѣ путешествія, можетъ познакомить насъ съ нравами и обычаями чуждыхъ, далекихъ странъ, придать обращенію эту общительность и пріятность, которыя насъ очаровываютъ въ людяхъ путешествовавшихъ? Я постигаю, что можно пристраститься къ путешествіямъ: они удваиваютъ, такъ сказать, жизнь, разнообразятъ ее до безконечности, доставляютъ страннику богатый запасъ воспоминаній веселыхъ, пріятныхъ и наставительныхъ; словомъ, путешествіе есть высшее наслажденіе въ жизни: оно занимательно для каждаго, кто любитъ природу, и радуется успѣхамъ челоуѣчества на пути образованія.

II.

МЫЗА ШАПКН.

Финская церковь. Озеро съ двумя островами. МОНТ-ОЛУМРЕ. Ключь живой воды. БРУСОВАЯ ГОРА. СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ. ГОСПОДСКИЙ ДОМЪ. ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ПОКРОВА ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ. САДЪ. КЕДРЫ. БЕЛЬВЕДЕРЪ. ИСТОРИЯ ШАПОКЪ. ОСТАТКИ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(1847.)

Коренной житель Петербурга хорошо знакомъ съ окрестностями своего роднаго города; лѣтомъ онъ нерѣдко посѣщаетъ ихъ. Но кругъ его путешествій очень ограниченъ: вдаль онъ не пускается. Парголово, Царское Село, Павловскъ, Петергофъ, иногда Ораніенбаумъ, — но не далѣе. Версть за пятьдесятъ отъ столицы для него уже начинаются Африканскія степи, terra incognita. Между тѣмъ стоило бы пуститься и подальше. Вокругъ нашей прекрасной сто-

лицы, если не въ самыхъ близкихъ ея окрестностяхъ, есть живописныя мѣста, богатая помѣстья нашихъ вельможъ. Мы укажемъ на одно изъ нихъ. Въ восьмидесяти вестахъ отъ Петербурга есть счастливый уголокъ, гдѣ съ дарами щедрой природы соединенъ трудъ чело-вѣка, положившій на все печать прекраснаго. Я разумѣю здѣсь мызу Шапки

Приближаясь къ Шапкамъ, въ нѣсколькихъ отъ нихъ верстахъ я увидѣлъ золотой крестъ церкви, озаренный яркими лучами вечерняго солнца. Нельзя желать ничего лучше для первой встрѣчи. Но вотъ я у самой мызы и передо мной развилась прелестная картина: представьте себя на высокомъ холмѣ; у вашихъ ногъ большое озеро; на одномъ изъ его высокихъ береговъ длинная полоса зрѣющей жатвы (*); на противоположной сторонѣ косогоръ, покрытый густымъ лѣсомъ; изъ темной его зелени выступаетъ красивая бесѣдка. Въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ Финская церковь изящной полуготической архитектуры. Взгляните на право: передъ вами

(*) Писано въ Юль.

безконечная даль холмовъ, полей, лѣсовъ. Вы спускаетесь и мимо водяной мельницы въѣзжаете въ паркъ. И вотъ вы у господскаго дома. Мимо покрытой зеленью площадки вы сходите къ озеру, украшенному двумя островами. Посидѣвъ у озера на сельскомъ березовомъ диванѣ, вы продолжаете прогулку. Выходите опять на возвышеніе и тѣнистой, извилистой аллеей (allée Alexandre) доходите до деревянной бесѣдки въ видѣ горъ, какія устроены на Крестовскомъ островѣ. Здѣшняя гора называется Олимпъ (Mont Olympe) и ея вершина украшена трехъ-цвѣтнымъ флагомъ. Видъ отсель на разстилающуюся предъ вами окрестность, истинно очарователенъ. Спустясь съ горы въ устроенной для того колясочкѣ, вы на обширномъ лугу, откуда къ озеру, о которомъ говорено выше, ведетъ аллея, идущая по крутизнѣ, напоминающей нѣкоторыя мѣста Парголова. За Олимпомъ, въ концѣ парка, есть прелестное уединенное мѣсто: у подножія пустынной горы небольшая круглая площадка, украшенная сельской березовой мебелью; изъ горы бьетъ ключъ, раздѣляясь на двое и опоясавъ кругъ площадки, свѣтлыя струи его ниспадаютъ съ кроткимъ ропотомъ въ ру-

чеекъ, стремительно несущійся въ долину. Отдыхъ здѣсь, въ жаркій часъ полудня, имѣетъ прелесть невыразимую.

Теперь перемена декораціи: вы въ густотѣ непроницаемыхъ дикихъ лѣсовъ; окружающее васъ безмолвіе и таинственный сумракъ переносятъ васъ къ отдаленной древности, ко временамъ языческимъ, когда въ подобныхъ мѣстахъ совершались религіозные обряды; воображенію вашему предстаютъ величественныя тѣни Друидовъ и въ душѣ возникаютъ торжественныя звуки Нормы..... Вы идете по едва пробитой тропинкѣ: съ одной стороны стремнина, покрытая лѣсомъ, а съ другой крутой спускъ, оканчивающійся лѣсной равниной, тянущейся на безпредѣльномъ пространствѣ. Картина печальная и величественная! Съ высоты горы (названной Брусовою) вашъ взоръ обнимаетъ неизмѣримое пространство лѣсовъ, небольшихъ холмовъ и далекихъ деревушекъ. На пути нашемъ встрѣчаются стремнины, овраги, крутизны, достойныя Швейцаріи. И дѣйствительно, есть мѣста до такой степени дикія и гористыя, что одинъ Швейцарецъ, бывший въ нашемъ обществѣ, былъ пораженъ сходствомъ ихъ съ нѣ-

которыми мѣстами своей отчизны. Глядя на эти огромныя, стройныя деревья, на эту роскошную растительность, нельзя согласиться съ Грибофдовымъ, что *сѣверная природа производитъ съ величайшимъ усиленіемъ одни вѣники.*

За Финской киркой лежитъ сельское кладбище. Безмолвіе, которое здѣсь царствуетъ и мрачная дикость окружающей васъ природы и эти полуразрушенныя гробницы, все это возбуждастъ въ душѣ вашей думы грустныя и поучительныя. Здѣсь предѣлъ всѣхъ нашихъ тревогъ, заботъ, желаній и надеждъ. Видъ кладбища,—этой нивы божіей,—производитъ сильное впечатлѣніе на каждого, у кого въ груди бьется сердце; размышленія, которыя возникаютъ при видѣ тлѣнія и гробовъ, мирять насъ съ жизнью и придають силы къ совершенію труднаго земнаго странствованія. На кладбищѣ мы почерпаемъ высокіе уроки мудрости: его безмолвное краснорѣчіе доходитъ прямо къ сердцу. Съ кладбища возвращаемся съ успокоенною душою, чувствуемъ себя чпще, добрѣе.

Теперь проникнемъ въ долину, которая разстиляется передъ нами. Окрестныя холмы, раскидываясь живописно, представляютъ то дикія,

то великолѣпныя картины; здѣсь тихія и таинственныя сѣни, тамъ безпредѣльная даль, которой легкіе очерки сливаются съ лазурью неба или отражаются въ тихихъ волнахъ озера.— Выше, разбросанныя хижины уединенной деревни, предсталяютъ видъ тишины и порядка. Кругомъ обработанныя поля, покрытыя обильной жатвой; между тѣмъ какъ въ глубинѣ долины тучныя стада бродятъ по просторнымъ пастбищамъ. Здѣсь пріютъ мирнаго спокойствія и невинныхъ радостей. Но вотъ раздаются далекіе звуки русской пѣсни, то игривой какъ беззаботная дѣтская радость, то заунывной и грустной какъ ропотъ страждущаго сердца. Пѣсни смѣняются хоромъ. Въ этихъ мощныхъ, дружныхъ звукахъ слышится сила, величіе и удалъ могучаго народа. Звуки эти переносятъ васъ воспоминаніемъ къ годамъ счастливаго дѣтства, ваше Русское сердце бьется сильнѣе и радостнѣе на откликъ пѣсенъ вашей великой родины.

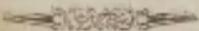
Архитектура здѣшняго господскаго дома благороднаго, простаго стиля. Предъ нимъ раскинулся просторный дворъ, раздѣленный на два сквера. Далѣе огромная поляна; на ней озеро съ островомъ; на лѣво длинный рядъ

крестьянскихъ домиковъ; еще далѣе, на значительномъ возвышеніи каменная церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Наружный видъ ея украшенъ пятью куполами. На внутреннихъ стѣнахъ утверждены шесть прекрасныхъ мраморныхъ досокъ, на которыхъ золочеными буквами написаны имена погребенныхъ здѣсь въ послѣднее десятилѣтіе членовъ фамиліи Балашевыхъ. Церковь эта стоитъ на одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ и господствуетъ надъ всею окрестностію. Куда бы вы отсель ни удалились, въ какой бы части лѣса или поля ни были, вы видите ея главы, то въ концѣ длинной лѣсной просѣки, то вѣнчающими вершину лѣса на отдаленной синевѣ неба. Она вездѣ сопутствуетъ вамъ какъ вѣрный стражъ святыни. Съ противоположной стороны дома, выходящей въ садъ, видъ еще прекраснѣе: съ террасы его вашъ взоръ покоится на пространномъ зеленомъ лугу; кругомъ огромныя деревья, между которыми на право вы отличаете два величавые кедра, гордо несущіе къ облакамъ свои густыя роскошныя вѣтви. Предъ вами, вдали, Финская кирка, на лѣво отъ нея Бельведеръ; выше, поля и деревушки.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ исторіи Шапокъ. Въ отысканіиомъ въ Шведскихъ архивахъ планъ 1682 г., онѣ названы *Саписки*. Послѣ завоеванія края и водворенія здѣсь Русскихъ, Шведское названіе оскорбляло Русскій слухъ и въ слѣдствіе того Саписки перекрещены въ Шапки. Въ послѣдствіи, при возведеніи здѣсь православной церкви въ 1786 г. Шапки получили названіе села Покровскаго. Имѣніе это входило въ составъ огромныхъ помѣстій, пожалованныхъ Императрицею Елисаветою Петровною духовнику своему Дубянскому, котораго она удостоила здѣсь однажды посѣщеніемъ въ нынѣшнемъ помѣщичьемъ домѣ, съ тѣхъ поръ во многомъ измѣнившемся. Въ нѣсколькихъ отсель верстахъ есть остатки фундамента какого-то зданія. Мѣстное преданіе гласитъ, что здѣсь въ старину былъ женскій монастырь, при которомъ погребена Евфимія, супруга Царя Юанна Грознаго. На возвышенной полянѣ, окруженной картинной мѣстностію, донинѣ сохранились, въ оградѣ, остатки надгробнаго камня съ надписью, подтверждающею преданіе. Оно доходило до свѣдѣнія Графа Н. П. Румянцова, которому отцемъ нынѣшняго вла-

дѣльца Шапокъ, А. Д. Балашевымъ, сообщены были подробныя по сему предмету свѣдѣнія. Послѣдствія неизвѣстны. Вотъ предметъ для изысканій нашихъ ученыхъ археологовъ!

Попечительный и просвѣщенный владѣлецъ Шапокъ, избравъ это село мѣстомъ своего лѣтняго пребыванія, украсилъ его достойнымъ образомъ. Многое возстановлено и возобновлено; все вообще подверглось улучшеніямъ. Садъ и паркъ содержатся въ примѣрномъ порядкѣ; теплицы и оранжереи изобилуютъ рѣдкими цвѣтами и плодами. Объ умственной пищѣ забыто: здѣшняя библіотека снабжена большимъ количествомъ книгъ; произведенія лучшихъ Русскихъ писателей занимаютъ въ ней почетное мѣсто. Эта деревенская библіотека будетъ постоянно пополняться и составитъ современемъ богатое умственное сокровище.— Это осуществленіе одной изъ тѣхъ прекрасныхъ патриотическихъ цѣлей, о которыхъ наши ревностные дѣятели на полѣ Русской Словесности такъ много заботятся.

III.

Д Е Р П Т Ъ .

Вступленіе. Отъѣздъ изъ отдѣленія Почтовыхъ Каретъ. Мои спутники. Нарва. Водопадъ. Почтовая линейка. Балтійское море. Сравненіе ящика Русскаго съ Эстляндскимъ. Видъ Дерпта. Его исторія. Мостъ на Эмбахѣ. *Dom.* Развалины Римско-Католич. церкви. Университетъ съ принадлежностями. Ботаническій Садъ. *Мусса.* Кладбище. Площади. Карлово. Значеніе Университета. Литографическое заведеніе. Происхожденіе *Оленьихъ роговъ.* Извощики. Климать.

(1848.)

Есть въ Петербургѣ время, самое неопредѣленное, самое скучное и печальное. Это конецъ сентября и начало октября. Многіе только что простились съ загородной жизнью, которая, замѣтитъ кстати, нынѣшнее лѣто, — какъ и всегда почти, — обманула надежды всѣхъ; шумные пароходы несутъ къ берегамъ Невы заноздавшихъ странниковъ; зимнія удовольствія не во-

шли еще въ свой характеръ, не получили развитія; объ нихъ идутъ одни неопредѣлительные толки, возбуждающіе то надежды, то сомнѣнія. Хлопоты объ устройствѣ зимнихъ помѣщеній, о водвореніи въ нихъ комфорта, о перемѣнѣ и возстановленіи мебели, разоренной временнымъ *кочеваньемъ* въ окрестностяхъ Петербурга — все это сильно озабочиваетъ тѣхъ, за которыми, съ легкой руки А. П. Башуцкаго, утвердилось наименованіе *дачниковъ*. Дань общественнымъ условіямъ — визиты, которыми возобновляются и скрѣпляются прервавшіяся лѣтомъ знакомства, или довязываются на дачѣ сдѣланныя, еще не окончены..... Петербургское небо представляетъ въ это время картину вовсе не привлекательную: оно, большею частію, покрыто клочками тучъ. Хотя разгоняемая порывами морскаго вѣтра, тучи эти упорно скрываютъ однакожь нашего рѣдкаго гостя — солнце, почти лишенное живительной теплоты своей. Созерцаніе этого неба невольно наводитъ на душу тоску и уныніе, отъ которыхъ не можетъ излечить перспектива грядущихъ наслажденій, ожидаемыхъ въ блистательныхъ балахъ, въ упонительныхъ звукахъ италіянскихъ пѣвцовъ, въ очаровательныхъ танцахъ Фанни

Эльслеръ. Въ самой одеждѣ Петербургцевъ,— всегда исполненной строгаго приличія, въ этой одеждѣ замѣтно, въ сентябрѣ, болѣе небрежности, смѣси и разнообразія, нежели во всякое другое время года: встрѣчаются и лѣтнія пальто и теплые салопы, легкіе бурнусы и серебрящіеся бобры, и коротенькіе мужскіе плащи и волнистыя дамскія муфты, и даже тяжелыя шубы.

Но ничего не можетъ быть лучше длинныхъ, темныхъ, сырыхъ вечеровъ Петербургскаго сентября для тихихъ семейныхъ бесѣдъ вокругъ пылающаго камина, для непринужденныхъ, беззаботныхъ пирушекъ искреннихъ друзей, празднующихъ радостное свиданіе послѣ долгой разлуки, послѣ лѣта, проведеннаго одними въ глуши деревни, другими подъ прекраснымъ небомъ чуждыхъ странъ, и наконецъ иными подъ сѣнью шатровъ Краснаго Села.

Было около 8 часовъ вечера. На дворѣ погода самая петербургская: и темнота, и дождь, и завыванье осенняго вѣтра. Въ небольшой комнатѣ, отличавшейся простымъ, изящнымъ убранствомъ и уставленной кругомъ книжными полками, за чайнымъ столомъ сидѣло трое молодыхъ людей: двое военныхъ и одинъ статскій.

Связанные почти съ дѣтства узами дружбы, они разлучены были обстоятельствами на довольно продолжительное время и теперь, свидѣвшись, мѣнялись рассказами о тѣхъ мѣстахъ, которыя каждому изъ нихъ суждено было видѣть.

«Вы знаете, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — сколько было сборовъ и приготовленій къ моему выѣзду, сколько толковъ, сколько надеждъ! Вы не поскучаете, если вмѣсто разказа я прочту вамъ нѣсколько строкъ изъ записной тетрадки, за нѣсколько минутъ до отъѣзда мною написанныхъ: «Наконецъ я ѣду. Оставляю Петербургъ въ самомъ грустномъ расположеніи духа. Десять лѣтъ почти безвыѣзднаго пребыванія въ шумномъ, меркантильномъ городѣ, въ сферѣ ежедневныхъ дѣловыхъ, прозаическихъ заботъ, утомили душу, притупили воображеніе и чувство до такой степени, что отсутствіе новыхъ, живыхъ впечатлѣній, свѣжей пищи для ума и сердца, отозвалось тяжелою, убійственною скукой. Мною овладѣло какое-то непонятное безпокойство, какая то жажда переменъ мѣстъ. Найдутъ ли развлеченіе и успокоеніе утомленной души, найдутъ ли ей живительную, благотворную пищу въ предстоящемъ путешествіи? При нынѣшнемъ

настроениі моемъ даже отчужденіе отъ ежедневныхъ, утомительно-скучно-прозаическихъ занятій, удаленіе отъ ненавистныхъ шумныхъ тревогъ городской суеты не производитъ на меня такого сильнаго и живаго впечатлѣнія, какъ это бывало. Я вижу въ этомъ приближеніе печальнаго полдня моей жизни и съ чувствомъ грусти говорю «прости» быстро мелькнувшей порѣ пылкихъ страстей, всему, что прежде такъ радовало, возбуждало живые, истинные восторги, и что теперь, охлажденный благоразумнымъ опытомъ, я готовъ назвать безумствомъ, увлеченіемъ, ослѣпленіемъ пылкихъ лѣтъ! ... Пора разстаться съ очарованными, обманчивыми призраками юности. Прости, прекрасная весна моей жизни! Я не измѣнялъ тебѣ, не унотреблялъ во зло высокихъ даровъ твоихъ. Я зналъ горе, но пилъ и изъ чаши высокихъ, чистыхъ наслажденій. Трудный, желѣзный опытъ жизни не охолодилъ во мнѣ любви къ высокому, прекрасному, благородному. Въ дали отъ суетливой, многолюдной столицы, въ тиши благодатнаго уединенія, подъ безмятежнымъ небомъ деревни, займусь усовершенствованіемъ самаго себя; подвергну строгому разбору прошедшую жизнь мою, изберу себѣ цѣль

въ будущей.... Между тѣмъ во время путешествія стану обращать вниманіе на все достопримѣчательное, буду изучать нравы и обычаи народа, о которомъ постоянные безвыѣздные жители столицъ такъ рѣдко имѣютъ основательное понятіе». Вотъ что писалъ я до отъѣзда, правильнѣе, въ минуту отъѣзда. Теперь готовъ повести рѣчь о выѣздѣ и о самомъ путешествіи. Вы знаете, что путешествія въ томъ смыслѣ и значеніи, какъ ихъ понимаютъ и предпринимаютъ западные Европейцы, у насъ еще не существуютъ. — «Какіе мы путешественники, — говоритъ Василій Ивановичъ своему спутнику, сидя въ своемъ пресловутомъ *тарантасѣ*: — путешествуютъ только Шьмцы, а мы просто ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасы». — И дѣйствительно, въ Россіи собственно никто не путешествуетъ. Мы ѣздимъ по казенной надобности, ѣздимъ получать наслѣдства, для женитьбы и для свиданія съ богатымъ дядюшкой или тетушкой. Тутъ путешествіе не цѣль, а средство. Вотъ, можетъ быть, одна изъ главныхъ причинъ, по которой мы мало знаемъ Россію со стороны возможности путешествовать, и тѣ изъ насъ, которые хотятъ постранствовать, ѣз-

дятъ всегда въ чужіе края, въ западную Европу, преимущественно во Францію, такъ недавно еще служившую предметомъ изученія и подраженія, нынѣ представляющую позорище безпорядка и анархіи. Между тѣмъ у насъ путешествія не только возможны, но и пріятны. Радъ буду, если разсказъ мой убѣдитъ въ томъ хоть нѣсколько тѣхъ, которые не перестаютъ твердить противное и восклицать:

«Ахъ, Франція! нѣтъ въ мірѣ лучше края!»

Мнѣ хотѣлось видѣть сосѣдку нашу Лифляндію. Запасясь заблаговременно мѣстомъ въ почтовой каретѣ (отправляющейся въ Нарву два раза въ недѣлю), я поспѣшилъ въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ и въ ожиданіи отправления въ дорогу любовался великолѣпнымъ, изящнымъ зданіемъ, недавно построеннымъ для этого учрежденія. Парадная, свѣтлая и обширная сѣни, общая зала для пассажировъ, украшенная превосходными диванами, коврами, зеркалами, наконецъ прилегающія къ этой залѣ отдѣльныя туалетныя комнаты, — все запечатлѣно тѣмъ вкусомъ и изяществомъ, которыми отличаются всѣ учрежденія почтоваго вѣдомства; все предумотрѣно и придумано для удобства и спокой-

ствія путешественниковъ. Заботливость о нихъ была до того внимательна, что даже дворикъ, на которомъ они садятся въ экипажи, покрытъ стеклянною крышей. Такихъ удобствъ, по единогласному свидѣтельству бывавшихъ за границую, рѣшительно нѣтъ *нигдѣ* и мы можемъ съ гордостью указать на это новое, единственное, образцовое созданіе попечительнаго почтоваго начальства, постоянно, неутомимо ведущаго всѣ отрасли своего вѣдомства къ видимому совершенству. Но пробило пять часовъ и мы заняли наши мѣста. — Всѣхъ мѣсть внутри кареты (устройствомъ и легкостію напоминающей *городскія* кареты Царскосельской желѣзной дороги) десять. Общество, среди котораго я очутился, было чистое нѣмецкое. Два лица обратили на себя мое особенное вниманіе: чувствительная тощая Нѣмка, которая, при прощаніи съ провожавшими ее, вопила раздирающимъ голосомъ, потомъ не переставала проливать горькія слезы до Триумфальныхъ Воротъ, начиная отъ которыхъ нюхала разные спирты до Стрѣльны включительно. Наконецъ она рѣшилась успокоиться и уже до самой Нарвы все въ отношеніи къ ней обстояло благополучно. Напро-

тивъ ея сидѣлъ, какъ будто для контраста, толстый и молчаливый Нѣмецъ, необыкновенно равнодушный ко всему его окружавшему, исключая пива и буттербродовъ, подвергавшихся съ его стороны немилосердому истребленію на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ. Послѣ утоленія жажды и голода Нѣмецъ предавался въ каретѣ сладкому сну, успокоивая тяжеловѣсную главу свою, — «ума пространную столицу,» — на плечѣ несчастнаго сосѣда, который сносилъ этотъ гнетъ съ стоическою твердостью. Представителемъ русской молодежи былъ осьмилѣтній кадетъ Александровскаго Корпуса, прекрасный какъ ангелъ и веселый какъ птичка. Онъ былъ отпущенъ къ матери своей въ Нарву. Съ свойственною его возрасту беззаботностью и искренностью онъ рассказывалъ о своихъ учебныхъ занятіяхъ, играхъ, о радости и восторгѣ, которые онъ и товарищи его ощущаютъ при посѣщеніяхъ Августѣйшаго ихъ Покровителя.... На вопросъ мой, гдѣ ему веселѣе: въ Нарвѣ или въ Царскомъ Селѣ, онъ отвѣчалъ: въ Царскомъ Селѣ.

Мы ѣхали чрезвычайно скоро. Лошади вездѣ были отличныя; кондукторъ проворный, ловкій и вѣжливый. Но тутъ кстати: avis aux voу-

ageurs. Любителямъ природы и свѣжаго, чистаго воздуха совѣтую для поѣздокъ лѣтомъ брать мѣсто не внутри, а *снаружи* кареты и преимущественно на имперіалѣ, если впрочемъ имъ не страшень свѣжій ночной воздухъ. Почтовые гостиницы до Нарвы чисты, просторны, опрятны и снабжены всѣмъ нужнымъ для утоленія голода проѣзжающихъ, хотя сравнительно съ Петербургомъ, не за самую умѣренную цѣну Впрочемъ и то надобно сказать:

On est beureux quand on trouve en voyage
Un bon souper et surtout un bon lit.

Дѣйствительно: блаженство найти въ дорогѣ стаканъ горячаго чая и *удобоядную* котлетку можетъ вполне оцѣнить только тотъ, кто странствовалъ по Великороссійскимъ, не только большимъ, но *маленькимъ* и въ особенности проселочнымъ трактамъ, гдѣ величайшимъ лакомствомъ почитаются щи съ кускомъ говядины неопредѣленнаго вкуса и цвѣта, гдѣ самоваръ считается совершенною роскошью и нововведеніемъ, почти излишнимъ. Не говорю уже о чаѣ; само собою разумѣется, что чаемъ и сахаромъ проѣзжающему должно запастись самому.

Кромѣ Ропши съ Императорскимъ дворцемъ и садомъ и Ямбурга на рѣкѣ Лугѣ съ остатками древняго землянаго вала, и памятникомъ Бпстрома (*) на всемъ пространствѣ отъ Стрѣльны до Нарвы, ничего нѣтъ замѣчательнаго. Природа, какъ и вообще съ западной стороны Петербурга, бѣдна и однообразна: нѣтъ ни горъ, ни возвышеній, ни крутыхъ береговъ, ни лѣсовъ дремучихъ. За то дорога прекрасная: шоссе гладкое и ровное; карета катится, какъ по паркету, и поперстныя столбы смѣняются быстро. Проѣзжающіе знаютъ только хорошую сторону путешествія; распоряженія, внушенія и понужденія, необходимыя, чтобъ расшевелить довольно иногда тяжелую натуру ямщика, лежать на обязанности кондуктора.

На слѣдующее утро, около шести часовъ, мы подъѣзжали къ Нарвѣ. Ея высокія остроконечныя башни рисовались на далекомъ горизонтѣ. Видъ ихъ напомнилъ ревельскій Выш-

(*) Памятникъ этотъ поставленъ на высококъ, крутомъ берегу Луги: это колоссальный бронзовый (или чугунный) левъ, стоящій на гранитномъ пьедесталѣ. Спускаясь на мостъ, я увидѣлъ памятникъ на рѣво, полузакрытый вѣтвями деревъ.

городъ съ дороги, ведущей въ Фаль: такой-же готическій стиль старинныхъ зданій, такія-же череничныя крыши и полуразрушенныя высокія укрѣпленія. И надъ Нарвою, какъ надъ Ревелемъ, пронеслись вѣка и рука времени наложила на нее сокрушительную печать свою. Видѣ старины переноситъ васъ воображеніемъ къ былому и предъ вами возникаютъ тѣни Іоанна Грознаго и Петра Великаго; вы припоминаете, что Грозный взялъ Нарву въ 1553 году, но 28 лѣтъ спустя припужденъ былъ по жребію войны уступить ее Шведамъ: наконецъ послѣ претерпѣннаго нами въ 1700 г. подъ стѣнами ея пораженія она взята Петромъ I въ 1704 году приступомъ и присоединена къ Россіи. Мимо древнихъ башенъ и бойницъ Иванъ-города мы переѣхали чрезъ Нарову по прекрасному мосту на гранитныхъ устояхъ. Здѣсь видѣ утесистыхъ, крутыхъ, высокихъ береговъ съ фантастическими домиками, окаймленными рядомъ деревьевъ или палисадниками; съ другой стороны полуразвалившіяся, почернѣвшія отъ времени бойницы и стѣны, подобно стоящимъ на стражѣ гигантамъ, внимающимъ шумному говору Наровы,—производятъ на васъ впечатлѣніе тѣмъ

болѣе сильное, что передъ тѣмъ часовъ за двѣнадцать (изъ которыхъ не менѣе половины посвящены были сну) вы оставили Петербургъ съ его многолюдными улицами, громадными зданіями, щеголеватыми и выкрашенными, гдѣ все такъ ново, такъ свѣжо, такъ дышитъ современностью. Остановясь въ домѣ почтовой конторы, гдѣ, благодаря похвальной заботливости нарвскаго почтмейстера, г-на Геца, устроено для проѣзжающихъ чистое и удобное помѣщеніе съ буфетомъ, я поспѣшилъ, не смотря на проливной дождь, къ водопаду. Я ѣхалъ на дрожкахъ по берегу Наровы, мѣстами картинному и прекрасному. Еще за версту отъ водопада слышенъ его шумъ и ревъ, увеличивающійся по мѣрѣ приближенія къ нему. Наконецъ я увидѣлъ его бѣлые пѣнящіеся валы. Не стану описывать самаго водопада, потому что это невозможно. Что поймете вы, если я скажу, что рѣка, шириною съ Неву противъ Кунсткамеры, раздѣленная довольно большимъ островомъ, вдругъ низвергается однимъ широкимъ уступомъ съ вышины 3—4 сажень, въ паденіи своемъ образуетъ разнообразныя и безконечныя узоры, которые клубятся въ поглоща-

ющей ихъ шумной, клокочущей безднѣ; освобождаются изъ нея и, какъ будто утомленные неравною борьбою, несутся въ видѣ бѣлоголовыхъ чудовищъ, а потомъ далѣе, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ. Первое впечатлѣніе водопада сильно и, какъ самое паденіе его, скоротечно. Васъ поражаетъ голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны. Человѣкъ, склоняясь надъ бездной, съ восторгомъ смотритъ на кипящія волны и сверкающія брызги и съ благоговѣніемъ къ дивному явленію природы жадно прислушивается къ дикому говору волнъ, хочетъ разобрать тотъ чудный языкъ, который природа утаила отъ него подъ печатью своего безмолвнаго величія и, встрѣчая въ огромномъ созданіи какъ бы отголосокъ собственныхъ страстей, радуется симъ невнятнымъ таинственнымъ звукамъ. Для одного водопада стоитъ предпринять поѣздку въ Нарву. Онъ такъ близко отъ Петербурга, а многіе-ли изъ Петербургцевъ его видѣли? Меркантильное направленіе вѣка отразилось и тутъ: силу бурной, могущественной стихіи оно подчинило своимъ пользамъ: лѣсопильный заводъ нисколько не гармонируетъ съ величіемъ окружающихъ его видовъ, но при-

носить вѣроятно большіе барыши, — расчетливые хозяева поэзію предпочли своимъ торговымъ видамъ. Перенося взоры отъ безконечно-разнообразныхъ узоровъ, образуемыхъ паденіемъ волнъ на стоящій среди нихъ островъ, мнѣ было неприятно встрѣчать на немъ безобразныя груды щепы, опилокъ и полусгнившихъ бревенъ и досокъ, которыми заваленъ островъ этотъ, брошенный рукою природы среди самаго бурнаго теченія шумной рѣки..... Я посѣтилъ нарвскіе историческіе памятники. Ихъ описывали многіе. Нѣкоторые изъ нихъ любопытны и драгоценны въ особенности по воспоминаніямъ о незабвенномъ, великомъ нашемъ Преобразователѣ. И тутъ, какъ вездѣ, слѣды его могущества, его генія и непреклонной воли.

Въ Нарвѣ мы пересѣли изъ кареты въ экипажъ болѣе скромный. Это такъ называемая *почтовая линейка* на рессорахъ, длинная, чрезвычайно легкая и закрытая со всѣхъ сторонъ. Въ ней садятся, въ четыре ряда, по два человека. вмѣсто кондуктора насъ сопровождалъ почталіонъ. Въ пяти верстахъ отъ Нарвы шоссе оканчивается и дорога отсюда до Дерпта усыпана и укатана изобилующими въ этихъ мѣ-

стахъ мелкими камешками съ верескомъ (Heidekraut), удобно замѣняющими матеріалъ для настоящаго шоссе. Тутъ же, за Нарвой, граница Эстляндской Губерніи и почтовый трактъ идетъ по морскому берегу. Мы вышли изъ нашей линейки и, пройдя нѣсколько шаговъ, очутились надъ бездною моря. Мы стояли на страшной обрывистой скалѣ, возвышающейся надъ моремъ по крайней мѣрѣ на 80 сажень. Представилась картина величественная и прекрасная: безпредѣльная, необъятная даль моря сливается съ горизонтомъ, кой—гдѣ бѣлѣются едва движущіяся точки корабельныхъ парусовъ, съ обѣихъ сторонъ отъ насъ крутые каменные берега, увѣнчанные густымъ сосновымъ лѣсомъ, подернутымъ туманною дымкой. Море гнѣвно и шумно бросаетъ на берегъ широкіе, бѣлоголовые валы свои. Они разбиваются о каменную грудь земли и образуютъ безконечные кружевные узоры, блестящіе жемчугами и брилліантами.... мнѣ пришли на мысль стихи Языкова:

Балтійскія воды!

На вольной лазури своей

Носили вы часто, въ старинные годы,

Станицы норманскихъ ладей,

Носили вы дровле и грузы богатства

На Русь изъ нѣмецкой земли.

Сколько отъ Петербурга до Нарвы дорога ровна, гладка и утомительно-однообразна, столько отъ Нарвы, по мѣрѣ приближенія къ Лифляндіи, путь становится разнообразнѣе, картиннѣе. Такой разительный переходъ изумляетъ и радуетъ путника; онъ съ жадностью вперяетъ любопытный взоръ въ развивающуюся передъ нимъ даль утопающихъ въ туманѣ холмовъ, привѣтно и весело смотритъ на тучные луга, пажити и долины, на густые лѣса, окаймляющіе извилистый берегъ рѣки или озера. Со всѣхъ сторонъ красивыя мызы, построенныя, большею частію, на возвышеніяхъ, окруженныя густою зеленью садовъ, дополняютъ картину. Одного не достаетъ здѣсь, именно церквей; — на Руси Православной высокія колокольни ихъ и золотые кресты издалека привѣтствуютъ странника и, подъѣзжая къ храму Божию, онъ благоговѣнно снимаетъ шапку, осѣняетъ себя знаменіемъ креста, и творитъ тихую, теплую молитву — и на душѣ его отраднѣе. Что касается до удобствъ путешествія по здѣшнему краю, справедливость требуетъ сказать, что здѣсь умереть съ голоду

нельзя: на станціяхъ водится съѣстное и даже вино. Но ѣздить здѣсь медленно: сонные, неповоротливые, флегматическіе здѣшніе ямщики приводятъ въ отчаяніе своею неподвижностью. То-ли дѣло русскій ямщикъ, проворный, ловкій, молодцеватый: онъ надѣнетъ шляпу на бекрень, наматываетъ возжи на руки, гаркнетъ по всѣмъ по тремъ, присвиснетъ, прикрикнетъ: «ахъ, вы, соколки!» и, послушные его знакомому голосу, легкіе кони мчатся съ быстротою вихря, пыль столбомъ несется въ слѣдъ за ними, колокольчикъ гудеть заунывно и однообразно, и сердце путника бьется радостно. Эстляндецъ разсчитливъ, первую половину подлежащаго пути онъ ѣдетъ обыкновенно маленькою рысцой; на половинѣ дороги начинаетъ ее немного ускорять, такъ что къ концу перегона, или по крайней мѣрѣ къ станціонному двору онъ подѣзжаетъ почти порусски, быстро, шумно, *эффектно*. На послѣдней станціи къ Дериту я проспѣлъ нашего Автомедона спѣть пѣсню. Онъ долго отговаривался; наконецъ мнѣ удалось склонить его общаніемъ на водку и онъ сталъ мурлыкать про себя что-то, до того однообразное и печальное и наведшее на меня тоску, что я радъ былъ,

когда онъ замолчалъ. Пѣніе не далось Эстляндцу: рожденный подъ сѣнью своей курной хижины, онъ вѣчно молчаливъ, печаленъ, унылъ: никогда спокойное, неподвижное лице его не оживляется радостію, никогда огонь не горитъ въ его безжизненныхъ очахъ.

Мы подъѣхали къ Дерпту. Налѣво прекрасная мыза Ратсгофъ г. Липгарта, окруженная пространнымъ паркомъ. Далѣе, направо, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дороги, кладбище. Мы стали спускаться и въѣхали въ улицы Дерпта. Чистотою и малолюдствомъ улицъ, домами опрятными и за-ново выкрашенными, Дерптъ похожъ на Царское Село. Но архитектура зданій и черепичныя крыши, нѣмецкія надписи, вывѣски и названія улицъ, вездѣ раздающіяся нѣмецкія фразы, нигдѣ «ни звука русскаго, ни русскаго лица», все это поражаетъ васъ своею оригинальностью, вы перенесены въ новый міръ, въ край, вамъ чуждый и незнакомый. По крайней мѣрѣ на меня произвелъ такое впечатлѣніе первый взглядъ на Дерптъ. Теперь, когда я познакомился съ нимъ и слѣдовательно полюбилъ, (знать Дерптъ и не любить его невозможно), позволяю себѣ сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Извѣстно, что Дерптъ основанъ подъ именемъ Юрьева при рѣкѣ Эмбахѣ (*) В. К. Ярославомъ I во время похода его въ Чудскую Землю въ 1030 году. При водвореніи въ Лифляндіи нѣмецкихъ рыцарей Дерптъ перешелъ въ ихъ руки. Въ концѣ XV столѣтія, когда въ Ливонію проникла реформація, лютеранское вѣроисповѣданіе введено было и въ Дерптѣ. Православная церковь существовала здѣсь однакожь отъ незапамятныхъ временъ. Іоаннъ Грозный взялъ обратно Дерптъ, который находился во владѣніи Русскихъ 24 года, потомъ въ 1582 достался Стефану Баторію. Во время войны, возгорѣвшейся между Карломъ IX, Королемъ Шведскимъ, и Сигизмундомъ III, Дерптъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 1600 Шведы отняли его у Поляковъ, которые овладѣли имъ послѣ продолжительной осады въ 1603 году. Густавъ Адольфъ, Король Шведскій, покоривъ Дерптъ, въ 1625, сталъ заботиться о водвореніи въ Ливоніи торговли, и центромъ ея избралъ Дерптъ. Въ 1630 онъ

(*) Русское названіе Эмбаха — Амовжа, въ просторѣчии Омошка.

основаль здѣсь гимназію, а два года спустя университетъ. Въ войну Россіи съ Шведскимъ Королемъ Карломъ X, Царь Алексѣй Михайловичъ вошелъ въ Ливонію, подступль къ Дерпту и взялъ его въ 1656, однако чрезъ пять лѣтъ городъ былъ опять уступленъ Швеціи. Наконецъ спустя 43 года (1704), Дерптъ навсегда присоединенъ къ Россіи. При этомъ завоеваніи городъ и крѣпость до такой степени подверглись разоренію, что представляли одну безобразную кучу развалинъ. Жители уведены были въ плѣнъ, а въ развалинахъ города, даже на большой площади, укрывались хищные звѣри. Послѣ 13-ти лѣтняго плѣна жители Дерпта возвращены на родину и построили бѣдныя хижины на мѣстѣ прежняго богатаго, торговаго города.

Кромѣ частыхъ нападешій и осадъ, которымъ Дерптъ подвергался въ прежнее время, онъ былъ сильно опустошенъ заразою, свирѣпствовавшею въ 1624 году, и совершенно истребленъ пожаромъ 1775 года. Щедротами Екатерины II, а также приношеніями частныхъ лицъ, Дерптъ былъ возобновленъ и въ память сего событія построенъ чрезъ рѣку Эмбахъ превос-

ходный гранитный мостъ, похожій нѣсколько архитектурою на мосты чрезъ Фонтанку въ Петербургѣ. Надпись на аркѣ моста свидѣтельствуетъ о благодарности жителей города къ Императрицѣ Екатеринѣ II. Императоръ Павелъ I положилъ здѣсь начало новому университету, а въ царствованіе Александра Благословеннаго, въ 1802, основано главное университетское зданіе. Тогда въ Дерптѣ было уже до 3534 жителей, 96 каменныхъ домовъ и 454 деревянные дома. Съ тѣхъ поръ благосостояніе Дерпта возрастало безпрестанно, такъ что въ настоящее время населеніе его восходитъ до 15,000. Здѣсь три храма: православный соборъ новѣйшей архитектуры, лютеранская церковь, архитектуры старинной готической, и недавно построенная эстонская церковь съ высокою башнею и шпиремъ. Вскорѣ городъ украсится памятникомъ Фельдмаршалу Князю Барклаю-де-Толли. Превосходный бронзовый бюстъ его уже поставленъ на пьедесталь. Остается только прикрѣпить военную арматуру.

Но лучшая часть Дерпта, его вѣнецъ и краса, — это, такъ называемый, *Dom*, высокая, крутая гора, бывшая нѣкогда укрѣпленнымъ мѣ-

стомъ, слѣды котораго видны еще и донинѣ. Интересна та часть *Дома*, на которомъ находится Университетская Астрономическая Обсерваторія, съ башни которой, составляющей самый высокій пунктъ, открываются самыя дальнія окрестности Дерпта.— Здѣсь, на *Домль*, большая часть университетскихъ заведеній: анатомическій театръ, обширное удобное зданіе, вполне соотвѣтствующее своему назначенію. Къ нему принадлежитъ небольшое строеніе, окруженное рѣшеткою (*das Knochen-Häuschen*), въ которомъ выставляютъ для просушки кости, изъ которыхъ составляются потомъ скелеты. Вновь перестроенное въ нынѣшнемъ году зданіе Клиники носитъ печать изящной новѣйшей архитектуры и составляетъ разительную противоположность съ представляющимися въ нѣсколькихъ шагахъ оттолъ развалинами бывшей римско-католической соборной церкви (*Domkirche*), старинной готической архитектуры, безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ памятникомъ вѣковъ минувшихъ. Церковь сія построена была Дерптскимъ Епископомъ Германомъ I, 1223 — 1230 г., опустошена пожаромъ въ 1598 году. Въ южной половинѣ зданія, въ сдѣланной въ 1804 — 1806

г пристройкѣ, помѣщается богатая университетская бібліотека, содержащая въ себѣ болѣе 80,000 книгъ, относящихся преимущественно до богословскихъ и медицинскимъ наукъ и расположенныхъ съ рѣдкимъ удобствомъ и порядкомъ.

Назначеніе *Дома* измѣнено временемъ. Тамъ, гдѣ нѣкогда раздавались грозные клики враждующихъ, свистѣли пули и картечи, гремѣли орудія смерти, лилась кровь, — нынѣ мирные юноши стекаются для удовлетворенія, въ разсадникѣ наукъ, благородной жажды знаній, изучаютъ глубокія тайны природы, врачуютъ недужныхъ, наблюдаютъ теченіе свѣтилъ небесныхъ.

Виды отсюда во всѣ стороны очаровательные: у подножія горы городъ, въ пространной долинѣ пересѣкаемый рѣкою, вьющеюся какъ голубая лента и теряющеюся въ дали. Передъ вами башни, крыши, дома, улицы въ живописной смѣси; вездѣ движеніе; по ту сторону рѣки деревянные домики, полузакрытые густою зеленью садовъ; далѣе луга, красивыя мызы, деревушки, синева лѣса и неопредѣленная даль, сливающаяся съ горизонтомъ. Но красоть и разнообразія видовъ, которыя представляются взо-

ру съ высоты *Дома*, изобразить невозможно: ихъ надобно видѣть.

Въ ознаменованіе послѣдняго посѣщенія Дерптскаго Университета Графомъ Сергіемъ Семеновичемъ Уваровымъ, обворожившимъ всѣхъ своею привѣтливостію и ласками, бывшій профессоръ того университета Моргенштернъ принесть въ даръ университету принадлежавшій ему садъ. Садъ этотъ прилегаеть къ Дому и теперь составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Положеніе сада на крутомъ склонѣ горы весьма живописно. Тутъ видно нѣсколько стройныхъ южныхъ тополей, чрезвычайно рѣдкихъ въ сѣверной полосѣ.

Ботаническій университетскій садъ съ оранжереями и домомъ директора замѣчательнъ по своему прекрасному мѣстоположенію и снабженъ рѣдкими экзотическими растеніями. Тутъ есть ключъ чистой, свѣжей, здоровой воды. Садъ этотъ служитъ мѣстомъ гулянья, въ особенности по воскресеньямъ, послѣ обѣдни.

На противоположномъ *Дому* берегѣ Эмбаха находится небольшой общественный садъ клуба, или *Мусса*. Тутъ есть отдѣльная красивая бесѣдка; вы найдете въ ней журналы и газеты,

конечно нѣмецкіе, между которыми изъ русскихъ Инвалидъ, а изъ франц. Journal des Debats. Отсюда видъ на городъ, на *Домз* и на окрестности восхитительный, едва ли не лучше вида съ самага *Дома*.

Недалеко отъ сада *Муссы* кладбище, о которомъ упомянуто выше. Проведены правильныя, прямыя дорожки между могилами и памятниками, осѣненными густыми вѣтвями липъ, березъ и т. п. Могилы обложены тщательно дерномъ, покрыты и обставлены прекрасными живыми цвѣтами. У каждой могилы, обыкновенно окруженной рѣшеткою, поставлена скамейка. Сюда, въ тихій часъ вечера, приходятъ грустить добрыя, мечтательныя обитательницы Дерпта надъ прахомъ друга, брата, отца, матери, дѣтей. Онѣ поливають свѣжею водою цвѣты, на которыя нерѣдко падаютъ и чистыя слезы ихъ любви, дружбы и воспоминанія.... Траурное платье удивительно гармонируетъ съ бѣлокурыми локонами, голубыми глазами, стройнымъ станомъ. Женщина на балѣ — проза, хоть часто проза растрепанная; женщина на могилѣ — поэзія, и поэзія высокая!

Въ центрѣ города двѣ обширныя площади:

первая — Marktplatz, окруженная лучшими зданиями: ратуша съ высокою остроконечною башнею, въ нижнемъ этажѣ которой помѣщается гауптвахта, налѣво отъ нея (а направо отъ зрителя) прекрасный домъ Липгарта и рядъ другихъ красивыхъ частныхъ домовъ; вторая площадь — *Promenaden-Platz*, на которой воздвигнутъ памятникъ Барклаю-де-Толли (еще не открытый). Отъ этой площади, мимо двухъ-этажнаго обширнаго дома, въ короромъ помѣщается лучшая гостинница въ городѣ, *Hôtel de Londres*, — начинается Карловская улица, въ концѣ которой находится каменная садовая ограда мызы Карлово, принадлежащей ветерану нашей литературы, Ѳ. В. Булгарину. Самая мыза возвышается на горѣ, за садомъ, и принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ замѣчательныхъ и изящныхъ зданій въ окрестностяхъ Дерпта.

Расположенный частію на возвышеніи, городъ этотъ подверженъ ударамъ грозы. Вотъ отчего здѣсь на большей части домовъ устроены громоотводы, обращающіе на себя вниманіе прѣзжаго. Это одна изъ особенностей Дерпта. Другая особенность, достойная всякихъ похвалъ, примѣрное трудолюбіе: здѣсь всѣ заняты

съ утра до вечера, и оттого и на *дачѣ*, и въ садахъ пусто. Если на улицѣ встрѣтѣшь студента или гимназиста, то непременно въ рукахъ съ книгами или съ тетрадью, въ которыя они иногда и дорогою посматриваютъ. Въ домахъ книги, чучелы птицъ и другихъ животныхъ, или ряды баночекъ съ разными веществами для химическихъ разложеній, кучи тетрадокъ, испещренныхъ цифрами или геометрическими фигурами,—украшенія здѣсь самая обыкновенныя. Посѣщая заведенія университета, я въ химической лабораторіи видѣлъ, какъ профессоръ химіи дѣлалъ опыты предъ двумя слушателями, людьми весьма почтенныхъ лѣтъ. Мнѣ сказали потомъ, что одинъ изъ нихъ богатый здѣшній помѣщикъ, а другой профессоръ по юридическому факультету. Черта похвальная и достойная подражанія!

Что здѣсь продолжаютъ обогащаться знаніями и люди пожилые и ученые, нисколько не удивительно. Здѣсь все живетъ университетомъ и для университета. Подобно благотворному свѣтилу, онъ сообщаетъ всему свѣтъ, жизнь и движеніе. Поединки, духъ своевольства, непустовыя оргіи необузданной молодежи—древняя

исторія. Нынѣшніе университетскіе студенты выбриты и причесаны, ведутъ себя тихо и скромно, какъ красныя дѣвицы, и отличаются прекраснымъ, вполне благороднымъ соревнованіемъ въ наукахъ.— Въ нравственности самаго ремесленнаго сословія произошли благія перемены.

Въ Дерптскомъ Университетѣ получили образование многіе замѣчательные люди, сдѣлавшіеся въ послѣдствіи извѣстными на разныхъ поприщахъ службы. Изъ писателей нанихъ учились здѣсь поэтъ Языковъ и графъ В. А. Соллогубъ. Здѣсь нѣсколько лѣтъ своей жизни провель В. А. Жуковскій, а Даль пріобрѣлъ въ Дерптскомъ Университетѣ ученую медицинскую степень.

Господствующій языкъ—нѣмецкій. На немъ говорятъ всѣ безъ исключенія. Даже Русскіе, не исключая купцевъ и ремесленниковъ, живущіе здѣсь постоянно, до такой степени *олимпичиваются*, что говорятъ между собою не иначе, какъ по-нѣмецки.

Впрочемъ, между учащеюся молодежью изученіе русскаго языка идетъ блистательно. Всѣ они, и также служащіе чиновники, объясняются по-русски довольно свободно, хотя въ оборо-

тахъ рѣчи замѣтна непривычка практическаго употребленія языка разговорнаго.

Въ Дерптѣ есть весьма замѣчательное литографическое заведеніе г-на Шлятера, которому я обязанъ приобрѣтеніемъ видовъ Дерпта. Рисунки его и въ особенности акварельные портреты — верхъ совершенства. Г. Шлятеръ состоитъ въ должности учителя рисованія при дерптскихъ учебныхъ заведеніяхъ и все свободное отъ службы время посвящаетъ искусству, которое любитъ, какъ истинный художникъ. Въ Дерптѣ нѣтъ замѣчательнаго вида, мѣста или зданія, которыя бы не воспроизвелъ его мастерской карандашъ.

Тамъ издаются двѣ газеты на нѣмецкомъ языкѣ: «*Inland* и *Dörptsche Zeitung*». — Впрочемъ кругъ извѣстности ихъ ограничивается «своимъ пчельникомъ». — Три книжные магазина: Клуге, Каррова и Модесы, снабжены книгами, большею частію ученаго содержанія, почти на всѣхъ языкахъ.

Бываютъ театральныя представленія любителей (разумеется, на нѣмецкомъ языкѣ). Играютъ зимою и, какъ я слышалъ, съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Въ провинціи, гдѣ обществен-

ная жизнь сжата въ такія тѣсныя рамки, домашніе спектакли составляютъ почти необходимую потребность: придавая разнообразіе общественнымъ увеселеніямъ, они не только содѣйствуютъ распространенію любви къ изящному, но даже весьма часто представляютъ обильный источникъ для благотворительности. Драматическія представленія въ пользу бѣдныхъ, благодаря распространяющейся филантропіи, въ провинціальныхъ городахъ нашихъ весьма нередки. Дай Богъ по больше!

Но обратимся къ разсказу о Дерптѣ. Тутъ три кандитерскія, гдѣ за бутылкою нива читаютъ газеты. Тутъ *Инвалидъ*, и то не вездѣ, единственный представитель русской литературы.

Здѣшній гостиный дворъ изобилуетъ всѣмъ, отъ гвоздей и муки до бронзы и бархата. Одна особенность обратила на себя мое вниманіе,— это прибитые къ дверямъ лавокъ огромные *оленьи рога*. Исторія этихъ роговъ довольно любопытна. Одинъ Эстонецъ совершалъ свои *городскія* покупки въ одной и той-же лавкѣ постоянно нѣсколько лѣтъ сряду. И покупатель, и продавецъ были очень довольны другъ другомъ, такъ что

Эстонецъ считалъ обязанностію оставаться вѣрнымъ своей привычкѣ. Но случилось, что послѣ долгаго отсутствія, пріѣхавъ въ городъ, онъ пошелъ въ гостиный дворъ отыскивать своего пріятеля — купца, не могъ узнать лавки его и попалъ въ другую.

«Попалъ, или хотѣлъ попасть?»

Исторія умалчиваетъ; дѣло въ томъ, что, накупивъ всего нужнаго въ хозяйствѣ, онъ пробирался мимо рядовъ домой.

— Ба, здорово пріятель! — говоритъ ему купецъ, старый его знакомый, — гдѣ ты накупилъ этой дряни? Отчего-же насъ забылъ? Не помнишь пословицы: старый другъ лучше новыхъ двухъ?

— Да я прежде всего васъ отыскивалъ, — говоритъ крестьянинъ, — да никакъ не могъ узнать вашей лавки; вѣдь онѣ всѣ одна на другую похожи. Я ходилъ, ходилъ и рѣшился войти въ другую.

— Чтобъ ты впередъ зналъ куда итти ко мнѣ, — вотъ тебѣ знакъ. Съ этимъ словомъ купецъ схватилъ лежавшіе случайно на скамейкѣ вѣтвистые олени рога и прибилъ ихъ гвоздемъ къ наружной двери своей лавки.

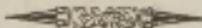
Такъ прошла зима. Весной Эстонецъ нашъ, которому опять понадобились и серпы, и долоты, и буравы, является въ гостиный дворъ, ищетъ знакомую лавку, украшенную оленьими рогами. О чудо! онъ не вѣритъ собственнымъ глазамъ: не находитъ почти ни одной лавки, которая не была-бы рогата.— Дѣло объясняется просто: гостинодворцамъ была не понугру *монопольная* выдумка ихъ собрата, — они поспѣшили послѣдовать его примѣру. Вотъ единственная причина такого множества роговъ въ Дерптѣ.

Заклучимъ рѣчь объ элементахъ здѣшной городской и общественной жизни. Прибавимъ, что публичные экипажи въ Дерптѣ довольно хороши и несравненно лучше нашихъ петербургскихъ извозничьихъ дрожекъ. Это просторныя (иногда даже черезъ чуръ) дрожки въ родѣ линеекъ, запряженныя парюю изрядныхъ лошадей въ дышло. Но ѣздить на нихъ не много и вообще тишина улицъ рѣдко возмущается стукомъ экипажей. Къ сожалѣнiю тротуаровъ почти нѣтъ. Для привыкшаго къ роскошнымъ, ровнымъ петербургскимъ тротуарамъ, прогулка по улицѣ, мощеной булыжными камнями, по ко-

торымъ иногда приходится прыгать съ одного на другой, — вовсе не привлекательна. Оттого походка у большей части проходящихъ лишена свободы движеній и граціозности, въ особенности у женщинъ.

Здѣшній климатъ былъ, говорятъ, лучше московскаго; но въ послѣднее время ему вздумалось измѣниться необыкновенно. Нынѣшнее лѣто было въ особенности замѣчательно холодною и непостоянною погодой, тогда какъ прежде жары почти равнялись итальянскимъ.

Вообще Дерптъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ не только Лифляндіи, но и Россіи. Кто любитъ науки, трудъ, тишину, уединеніе и природу, тотъ не можетъ найти лучшаго уголка для жизни. О пребываніи моемъ тамъ подъ сѣнію спокойствія и независимости я сохранию на всегда самое милое, свѣтлое воспоминаніе.

IV.

Псковъ.

Отъездъ на пароходъ «Юліана-Клементина». Гасторопность русскаго шкипера. Чудское озеро. Талапскіе острова. Приездъ во Псковъ. Гостиница и ея половой. Исторія Пскова. Троицкій Соборъ. Благовѣщенскій Соборъ. Кремль. *Царство женщинъ*. Свѣтогорскій монастырь. Дѣтскій приютъ. Карета Іоанна Грознаго. Общественный садъ. Домъ Дворянскаго Собранія. Литографированные виды Пскова. Встрѣча съ Савояромъ.

(1848.)

Въ одно прекрасное Іюльское утро, пристань въ Дерптѣ и весь правый берегъ Эмбаха оживлены были необыкновенно. Сюда, казалось, собралось все народонаселеніе мирнаго, однообразно спокойнаго города. Площадь кипѣла народомъ; у самой пристани съ трудомъ можно было протолпиться. Общее вниманіе было обращено на пароходъ «Юліана-Клементина», готовый въ отправленію. Этотъ пароходъ, не-

давно возобновившій свои рейсы по рѣкѣ Эмбаху и озеру Пейпусу, на сей разъ готовился пуститься во Псковъ съ большимъ, и, какъ вскорѣ оказалось, веселымъ обществомъ. Подобныя плаванія называются здѣсь *Lustfahrt*. Общество состояло изъ Псковскихъ Нѣмцевъ: торговцевъ, ремесленниковъ и т. п. Дамы, принадлежавшія къ этому обществу, чинно сидѣли на палубѣ, подъ парусиннымъ навѣсомъ, для охраненія бѣлизны лица отъ палящихъ солнечныхъ лучей; иныя изъ нихъ, вѣроятно болѣе другихъ заботившіяся о сохраненіи своей красоты, и не питавшія полного довѣрія къ прочности парусины, пропускавшей нѣсколько враждебныхъ нѣжности лица лучей, укрывались подъ надежнѣйшею сѣнью своихъ зонтиковъ. Что касается до мужчинъ, то кромѣ нѣсколько усиленныхъ и повторенныхъ прощальныхъ тостовъ, при разставаньи съ Дерптскими друзьями, они вели себя тихо и солидно. Но лишь только пароходъ отчалилъ отъ берега, первый взмахъ колесъ ознаменованъ былъ общимъ, громогласнымъ восклицаніемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, пассажиры затянули хоровую пѣсню, и подъ звуки ея стали маршировать по-одиначкѣ, вокругъ дамъ, дер-

жась за концы своихъ носовыхъ платковъ. Съ этой минуты, до самаго прїѣзда во Псковъ, т. е. съ утра до ночи, на пароходѣ не переставали раздаваться то хоры пѣсень, то громкій дружный смѣхъ, то звонъ стакана о стаканъ.

Верстахъ въ пяти отъ Дерпта, въ томъ мѣстѣ гдѣ Эмбахъ становится уже, мы встрѣтили маленькую помѣху въ нашемъ плаваніи. Тутъ, у берега, стояла огромная барка, нагруженная солью. Между ею и противоположнымъ берегомъ, у котораго, къ вѣщней бѣдѣ нашей, лежалъ въ рѣкѣ огромный камень, оставалось для прохода парохода слишкомъ мало пространства. Шкиперъ (котораго всѣ величали *капитаномъ*) увидѣлъ опасность не прежде, какъ по приближеніи нашемъ къ баркѣ на нѣсколько шаговъ. Тутъ онъ пришелъ въ совершенное отчаяніе, потерялся, бѣгалъ, суетился и обращаясь къ рулевому, вопль испуганнымъ голосомъ: «*Михайло, сто намъ дѣлать!?*» Рулевой, статный мужикъ съ окладистой бородой, въ красной рубахѣ, спокойно и твердо поворачивалъ въ это время своимъ рулемъ. Онъ бросилъ опытный, быстрый взглядъ на берега, на барку и повелительно произнесъ: «назадъ!» Капитану оста-

валось привести это въ исполненіе. По командѣ его, пароходъ въ минуту остановили, повернули въ сторону, потомъ назадъ. Михайло былъ душею и распорядителемъ всѣхъ этихъ движеній, и какъ хорошъ онъ былъ въ это время на своемъ посту! Никогда не забуду его отрыгаго, спокойнаго лица, въ которомъ нельзя было не видѣть сознанія своего превосходства предъ трусливымъ капитаномъ, повелительно-граціознаго движенія его правой руки, между тѣмъ, какъ лѣвая мощно и твердо направляла медленныя, осторожныя движенія судна. Среди беспорядочной, пестрой толпы людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ взяться не за свое дѣло, Михайло являлся олицетвореніемъ порядка, силы, хладнокровія и знанія дѣла. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества Русскихъ людей, и въ этомъ случаѣ былъ достойнымъ ихъ представителемъ. Когда все пришло въ порядокъ и мы вышли въ ширь рѣки, я благодарилъ Михаила за распорядительность его и сказалъ ему, что безъ него намъ не избѣжать бы беспорядковъ и даже опасности. «И, баринъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, какая тутъ опасность! Я вотъ, слава Богу, двѣнадцать лѣтъ ѣзжу по морямъ,

и на Бѣломъ бываль, такъ ко всему присмотрѣлся. Такіе ли случалось видать виды!»

Нѣсколько времени спустя, мы приближались къ Пейпусу, т. е. Чудскому Озеру. Широко и свободно оно раскинулось; далекіе берега его едва видны....

«Свѣтиломъ дня озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежить равнина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣсть,
Едва колышутся лѣса,
Какъ блески золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса»....

Со стороны Пскова, берега озера, дотолѣ терявшіеся въ синей дали, и представлявшіе однѣ однообразныя, прямыя линіи, начинаютъ мало по малу оживляться. Самое озеро (принимающее здѣсь названіе Псковскаго) сѣуживается. Въ 24-хъ верстахъ отъ Пскова, на лѣво, увидѣли мы острѣва, облитые заревомъ заходящаго солнца. При помощи подзорной трубы, можно было различить *три* острова съ высокими, обрывистыми, песчаными берегами. На одномъ изъ нихъ видны были довольно порядочныя деревянныя зданія, надъ которыми

возвышалась бѣлая каменная церковь, съ высокою колокольнею. Одинъ пассажиръ сказалъ мнѣ, что это Острова *Талапскіе*; одинъ изъ нихъ заселенъ рыбаками, которые ведутъ значительный рыбный промыселъ и отличаются необыкновенною неустрашимостію: въ величайшую бурю, они, на своихъ утлыхъ ладьяхъ, предаются смѣло и безопасно на произволъ своею нравной стихіи. На противоположномъ берегу, противъ Талапскихъ Острововъ, есть другой небольшой островъ: это островъ *Семскій*, заселенный также рыбаками. На немъ двѣ или три хижины, изъ которыхъ въ одной родъ постоялаго двора, съ питейнымъ домомъ. Островокъ этотъ составляетъ крайній предѣлъ Гдовскаго Уѣзда С. Петербургской Губерніи. Здѣсь же сосредоточиваются границы Псковской, Эстляндской и Лифляндской Губерній. — Между тѣмъ вечерѣло: озеро, на всемъ необъятномъ своемъ пространствѣ, было гладко и неподвижно, какъ зеркало; въ немъ отражалось небо съ розовыми облаками, образовавшими безконечно разнообразныя фантастическіе узоры. По мѣрѣ того, какъ солнце скрывалось, облака теряли живость и яркость своихъ цвѣтовъ, и блѣднѣя

постепенно, исчезали въ мракѣ. Такъ спутникъ величавой планеты блеститъ заемнымъ блескомъ; но отторгнутый отъ ея торжественнаго шествія, теряется во мракѣ ничтожества и забвенія.

Но вотъ мы вошли въ рѣку Великую. Ея высокіе берега, заселенные деревнями, оглашались далекими звуками живой, могучей Русской пѣсни. Въ нѣсколько часовъ изъ тихой, печальной Ливоніи, вы перенесены совершенно въ другой міръ,

«Гдѣ Русскій духъ,
Гдѣ Русью пахнетъ»....

Когда мы приближались къ городу, было уже совершенно темно; черныя тучи висѣли надъ нами; поэтому первое ясное впечатлѣніе новаго города было для меня потеряно; стоя на палубѣ, тщетно напрягалъ я взоръ: мнѣ удалось увидѣть только возвышавшійся надъ нами Свѣтогорскій Монастырь, далѣе огромный соборъ, да еще два, три зданія, бѣлѣвшіяся въ неопредѣленныхъ, неясныхъ очеркахъ. Наконецъ мы у пристани. Накрапывавшій дождь не мѣшалъ собраться здѣсь густой толпѣ. На первомъ планѣ какой то господинъ краснорѣчиво дока-

зывалъ любопытнымъ, болѣе другихъ рвавшим-ся впередъ, необходимость, чтобъ прежде всего пароходъ былъ утверждёнъ на пристани посредствомъ веревки, которая въ эту минуту, въ самомъ дѣлѣ, брошена была соннымъ Чухонцемъ, прямо на головы суетливыхъ зрителей. Отъ пристани мы направили стопы черезъ мостъ, городскую площадь, мимо присутственныхъ мѣстъ, въ рекомендованную намъ гостиницу Вельца; но здѣсь, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, узнали, что она вся занята. Оставалось низойти до второстепенной гостиницы, содержимой Д...ромъ. Отведенный намъ номеръ могъ бы служить типомъ тѣхъ городскихъ провинціальныхъ гостиницъ, въ которыхъ проѣзжіе находятъ *ночлеги безъ постелей*; хотя впрочемъ въ нихъ всегда бываетъ кровать съ неизбѣжною ширмой, обитою зеленымъ каленкоромъ, но это болѣе для формы, чѣмъ для употребленія. Самаго поверхностнаго осмотра достаточно было для убѣжденія въ томъ, что кровать была уже занята своими обычными, постоянными обитателями. Не имѣя привычки входить съ кѣмъ бы то ни было въ состязаніе, и любя превыше всего спокойствіе, я распоря-

дился объ устройствѣ отдѣльнаго ложа, изъ душистаго сѣна. Помня приключеніе Ивана Васильевича (*), я ложился въ мягкую свою постель съ нѣкоторою недовѣрчивостью; но, къ чести Пскова вообще и половаго нашего Степана въ особенности, долженъ сознаться, что опасенія мои были совершенно неосновательны: покой мой не нарушался ни малѣйшею тревогой. Поутру явился Степанъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Я обратился къ нему съ нѣкоторыми вопросами; онъ не только отвѣчалъ на нихъ обстоятельно, но еще счелъ нелишнимъ прибавить: «Вамъ, сударь, будетъ здѣсь, у насъ, хорошо: сосѣдство у васъ все смирное; вотъ тутъ направо, за дверью, живетъ чиновникъ *по палатной части*, а налѣво *городовой* учитель, тоже хорошій человекъ: два года у насъ живетъ..... Для васъ, ужъ извѣстно, Петербургскихъ господъ, не все *единственно*, что для нихъ; для нихъ все идетъ *обнаковенно*, какъ ужъ они привыкли, а вамъ надо и свѣчи *сыряновыя* (вѣроятно стеариновыя), да и сапоги не простой какой ваксой чистить, а

(*) См. Тарантасъ Гр. Солмогуба.

надо взять изъ аптеки » (??)— Выходя изъ нашей гостиницы, гдѣ, какъ вы видите, намъ расточали столько знаковъ лестнаго вниманія, я встрѣтилъ въ коридорѣ женщину и мужчину; послѣдній почтительно снявъ фуражку, остановился. Смотрю:

«Ба! знакомыя все лица!».

Узнаю въ одной бывшую на пароходѣ пассажирку, а въ другомъ мужа ея, одного изъ самыхъ рьяныхъ поклониковъ вчерашней *Lustfahrt*: тогда онъ пѣлъ громче всѣхъ, плясалъ, лазилъ по мачтамъ и не вѣсть какія выкидывалъ штуки, а теперь — какая разница! На немъ, впрочемъ тотъ же костюмъ и та же желтая кожаная фуражка; но онъ не л.маетъ уже ея, по-вчерашнему, на бекрень; въ лицѣ, въ голо-сѣ и движеніяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вчерашняго разгула. Теперь онъ мирный и попечительный хозяинъ гостиницы, освѣдомляется съ участіемъ, довольны ли жильцы его помѣщеніемъ, не имѣютъ ли въ чемъ нужды и т. п. Весьма замѣчательная черта Нѣмецкаго характера: спокойный, трудолюбивый, аккуратный Нѣмецъ рѣдко позволяетъ себѣ отступленія отъ нормальнаго своего характера; но разъ увлек-

шись веселостью, онъ предается ей какъ — то безсознательно, восторженно, вдохновенно. Не смотря на то, онъ все таки вѣренъ самому себѣ: когда прошли минуты юношескаго, пылкаго увлеченія, Нѣмецъ какъ ни въ чемъ не бывалъ: забываетъ чадъ веселья, и обращается охотно къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ, которыхъ сознаетъ необходимость и пользу. Посѣтивъ въ теченіе утра нѣкоторые магазины, кандитерскія и проч., я почти вездѣ встрѣчалъ кого нибудь изъ вчерашнихъ своихъ спутниковъ: подобно моему хозяину, всѣ они занимались своимъ дѣломъ, и никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ опохмѣляться.

Прежде посѣщенія здѣшнихъ историческихъ памятниковъ, я припомнилъ исторію Пскова (*).

(*). Нѣмцы называютъ его *Плесковъ*. Татищевъ думаетъ, что Плесковъ происходитъ отъ плесканія воды; но Митрополитъ Евгений не раздѣляетъ этого мнѣнія. Нѣкоторые историки полагаютъ, что Великая Княгиня Ольга, на путешествіи въ Царьградъ, гдѣ видѣла Болгарскій городъ *Плискову*, бывшій потомъ во владѣніи ея сына, Святослава, дала это имя и основанному ею городу. Вѣришь всего, что Псковъ происходитъ отъ рѣки *Псковы*, которая такъ названа, кажется, отъ песчанаго озера и *песковъ*, изъ которыхъ она вытекаетъ, и которые окружаютъ городъ.

Онъ основанъ, какъ извѣстно, Великою Княгинею Ольгою, которая, прибывъ изъ Кіева на родину (въ половинѣ X вѣка), для свиданія съ родителями и введенія Христіанской Вѣры, увидѣла на берегахъ Псковы и Великой свѣтъ, нисходящій съ неба (*). Возвратясь въ Кіевъ, Великая Княгиня вспомнила о видѣніи, и отправилась во Псковъ богатыя сокровища, для основанія храма во имя Пресвятыя Троицы. Храмъ сей былъ основаніемъ поселенія, изъ котораго возникъ потомъ городъ Псковъ. Владиміръ, раздѣливъ владѣнія свои между сыновьями, отдалъ Псковъ въ удѣлъ Судиславу, который былъ первымъ его государемъ. Въ 1036 году этотъ несчастный Князь, въ слѣдствіе нахѣтовъ, былъ низложенъ братомъ своимъ, Великимъ Княземъ Ярославомъ, и заключенъ во Псковъ. Спустя 28 лѣтъ, онъ былъ освобожденъ изъ заключенія племянниками своими, Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, которые обязали его въ вѣрности присягою. Но удрученный бѣдствіями и болѣзнями, Судиславъ удалился въ

(*) На мѣстѣ, съ котораго Княгиня видѣла знаменіе, находится нынѣ каменная часовня, имени ея посвященная.

Кіево Печерскій Монастырь, и тамъ скончался въ 1063 году.— Въ 1060 г. Соолы (народъ Чудскаго племени) вторглись въ предѣлы Псковскіе; но Псковичи, соединясь съ Новгородцами, нанесли имъ жестокое пораженіе. Управление Пскова и Новагорода соединялось болшею частію въ лицѣ одного князя. Подобно Новгороду, во Псковѣ также было вѣче и другія учрежденія народнаго и правленія. Иногда Псковъ, называвшійся *меньшимъ братомъ* Новагорода, отдѣлялся отъ него по зависти къ возраставшему его благосостоянію, но принужденъ былъ съ нимъ мириться, имѣя нужду въ соли, которая добывалась въ предѣлахъ Новгородскихъ. Ганзейскіе города имѣли во Псковѣ контору и церковь своего исповѣданія. Первыя укрѣпленія Псковскія построены около 1266 года. Они были осаждаемы Ливонцами въ 1269, 1271, 1299 и 1367 годахъ. Одинъ изъ мужественнѣйшихъ Князей Псковскихъ, Домантъ, въ 1271 сразился съ воинами, пришедшими изъ Риги. Въ 1406 г. республика Псковская была разорена Витовтомъ, Княземъ Литовскимъ; въ слѣдующемъ году ко Пскову приступили Ливонцы, и умертвили 850 Псковитявъ, вышедшихъ на вылазку. Война эта

продолжалась до 1410 года, когда заключенъ былъ миръ. Народное правленіе существовало во Псковѣ до 1509 года, т. е. до покоренія его Великимъ Княземъ Василюемъ Іоанновичемъ Ш. Городъ этотъ былъ безуспѣшно осаждаемъ въ 1581 году знаменитымъ Королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Разноплеменное войско Баторіево состояло болѣе чѣмъ изъ сорока тысячъ конныхъ и пѣшихъ, исправныхъ и вооруженныхъ столь красиво, что посолъ Оттоманскій, прибывъ въ станъ къ Королю, и смотря на его блестящее войско, сказалъ въ восторгѣ: «Ежели Султанъ и Король захотятъ дѣйствовать единодушно, то побѣдятъ вселенную.»— 7-го Сентября Поляки, устроивъ бойницы, на самомъ разсвѣтѣ открыли сильную пальбу изъ двадцати тяжелыхъ орудій; на слѣдующій день сбили стѣны въ разныхъ мѣстахъ, и Король объявилъ своимъ генераламъ, что путь въ городъ открытъ для героевъ, что Русскіе въ ужасѣ, и время дорого. Генералы, обѣдая въ шатрѣ королевскомъ, сказали Баторію: «Государь! мы будемъ ужинать съ вами въ замкѣ Псковскомъ!» Они спѣшили къ дѣлу, обѣщая вошнамъ всѣ богатства города, корысть и плѣць безъ остатка.

Венгры, Нѣмцы, Поляки устремились къ проломамъ, распустивъ знамена, съ трубнымъ звукомъ и съ крикомъ. Русскіе ждали ихъ; извѣщенные о приступѣ звономъ осаднаго колокола, всѣ граждане простились съ женами, благословили дѣтей, стали вмѣстѣ съ воинами между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, еще не достроенною. Игумень Тихонъ и священники молились въ храмѣ соборномъ. Господь услышалъ эту молитву: 8-е Сентября осталось въ Исторіи славнѣйшимъ днемъ для Пскова.— Враги ворвались въ проломы, рѣзались съ осажденными; изъ башень, занятыхъ непріателемъ, сыпались пули на Русскихъ, слабѣющихъ, тѣснимыхъ. Вдругъ Князь Шуйскій, облитый кровью, сходить съ раненаго коня, удерживаетъ отступающихъ, показываетъ имъ образъ Богоматери и мощи Св. Всеволода Гавриила, несомые Іереями изъ соборнаго храма: узнавъ, что Литва уже въ башняхъ и на стѣнѣ, они шли со святынею въ самый пылъ битвы, умереть или спасти городъ (*). Русскіе

(*) Картина Г. Брюлова, *Осада Пскова*, огромный трудъ, которому посвящено имъ уже нѣсколько лѣтъ, изображаетъ именно этотъ моментъ.

укрѣпились духомъ, стали твердо, и вдругъ Сзинская Башня, въ рѣшительный часъ ими подорванная, взлетѣла на воздухъ съ королевскими знаменами.... Ровъ наполнился трупами Нѣмцевъ, Венгровъ, Поляковъ, а къ нашимъ присѣли новыя, свѣжія дружины. Всѣ твердо сомкнулись, двинулись впередъ, воскликнувъ: «Не предадимъ Богоматери и Св. Всеволода!» дружнымъ ударомъ смяли изумленныхъ враговъ, вытѣснили изъ проломовъ, низвергли съ раскатовъ. Долѣе прочихъ упорствовали Венгры, засѣвъ въ Покровской Башнѣ; ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Кровь лилась до вечера: Стефанъ свѣжимъ войскомъ усилилъ Поляковъ, но уже внѣ крѣпости, гдѣ оставались только больные, старцы и дѣти; самыя жены, узнавъ, что стѣна очищена отъ ногъ Лптовскихъ, что царскія знамена опять стоятъ на раскатахъ, явились на мѣстѣ битвы, однѣ съ веревками, чтобы тащить взятыя орудія въ Кремль, другія съ холодною водою, чтобы освѣжить запекшіяся уста воиновъ, изнемогавшихъ отъ жажды; многія даже съ копьями, чтобы помогать мужьямъ и братьямъ въ сѣчѣ. Наконецъ непріятель отступилъ. Съ нашей стороны было раненыхъ 1626 чело-

вѣкъ, убитыхъ же 863. Непрiятелей легло около пяти тысячъ.— Въ 1615 году Псковъ осаждаемъ былъ Шведскимъ Королемъ Густавомъ Адольфомъ.— (*) Псковъ всегда велъ обширныя торговыя сношенiя съ Нарвою, Ревелемъ и другими городами, такъ что въ началѣ войны Петра Великаго съ Карломъ XII, таможенные сборы его простирались свыше 15,000 рублей.

По свидѣтельству Нестора, Христіанская Вѣра была введена во Псковѣ въ одно время съ Новымъ-городомъ, Св. Іоакимомъ Корсунининомъ, бывшимъ первымъ ихъ Епископомъ. Въ лѣтописи Нестора сказано: «Поставленные Епископы шедши по земли, съ вельможами и вои *Владиміроеы*, учасу люди и крещасу всюду стами и тысящами, коиже гдѣ прилучися, и хотя людіе невѣрши вельми о томъ скорбяху и роптаху, но отрицатися воевъ ради не смѣяху....» По утверженiи въ послѣдствiи Христіанской Вѣры, Псковъ, коего жители всегда

(*) Псковъ, какъ первый оплотъ противъ непрiятеля, подвергался частымъ осадамъ: до 1709 года оны выдержалъ *сто одиннадцать* непрiятельскихъ нападенiй, и былъ покоренъ одинъ только разъ Ливляндцами въ 1240 г., и то измѣною Князя Ярослава и предательствомъ именитаго гражданина Твердила.

отличались набожностью, наполнился монастырями и церквами, такъ что изъ хронологическаго списка древнихъ здѣшнихъ церквей, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и старинныхъ грамотахъ, видно, что число ихъ простиралось до ста (*).

Къ замѣчательнѣйшимъ историческимъ мѣстамъ здѣшнимъ надлежитъ отнести село Лыбуть, или Выбуть (въ десяти верстахъ отъ города), гдѣ родилась Великая Княгиня Ольга. Степенная Книга подробно повѣствуетъ, какимъ образомъ Игорь, въ переѣздъ свой чрезъ рѣку Великую, подъ селомъ Выбутскимъ, замѣтилъ и узналъ Ольгу, въ послѣдствіи свою невѣсту, дававшую на вопросы его благоразумные отвѣты (**).

(*) Высокопреосвященный Назанаилъ, которому наши историческія древности обязаны полезными трудами, при моемъ съ нимъ разговорѣ о древностяхъ Псковскихъ, сказалъ мнѣ, что бывшее встарину большое число церквей (ограничивающееся нынѣ 46-ю), должно отнести къ благочестивой ревности Псковичей: богатые изъ нихъ строили каждый отдѣльную церковь для своего дома. Впрочемъ, въ цвѣтущее время Пскова число обитателей его простиралось до 200,000. Нынѣ только 40,000 жителей.

(**) Село Выбутское, въ просторѣчій Лыбутское, суще-

Нынѣшній Псковъ стоитъ на правомъ берегу рѣки Великой, и раздѣляется на три части: на *Кремль*, *средній* городъ и *большой* городъ. *Кремль* построенъ на лѣвомъ берегу, при впаденіи Псковы, и окруженъ толстыми каменными стѣнами. Укрѣпленіе это называется Домантовою стѣною, по имени своего строителя, Князя Доманта.

Средній городъ заключается въ каменной стѣнѣ, идущей отъ Кремля вверхъ по лѣвому берегу Псковы, и обращающейся наподобіе полулуннаго внутри города, такъ что задній ея

свѣтуетъ и нынѣ, а ниже оваго, $1\frac{1}{2}$ верст. на рѣкѣ Великой, двумя рукавами около лежащаго посрединѣ острова протекающей одной рукавъ мелкій, текущій по каменному дну, называется донынѣ Ольгиными *Слудами* (слуда, подводный камень); другой рукавъ, поглубже, называется Ольгиными Воротами. Ниже сего урочища, на правомъ берегу устья рѣки Кеби, есть урочище, извѣстное подъ именемъ Буденикъ, или Будникъ. Древнее преданіе гласитъ, что здѣсь была также отчизна Ольги и родна внука ея, Великаго Князя Владиміра Святославича. Въ лѣтописяхъ оно называется *Будятно Село*. Недавно еще тамъ была деревня, принадлежавшая фамиліи Графовъ Разумовскихъ. Нынѣ здѣсь остались только нѣкоторыя хозяйственныя строения. Въ 1809 году все сіе имѣніе приобрѣтено было Г. Г. Державинныкъ.

конецъ примыкаетъ вновь, выше Кремля, къ стѣнѣ большаго города.

Большой городъ окруженъ также толстою высокою стѣною; она начинается отъ Кремля, идетъ вдоль по рѣкѣ Великой, переходитъ чрезъ Пскову рѣку, отколь произошла часть города, называемая *Запсковье*, соединенная съ среднимъ городомъ посредствомъ моста (*) и окружаетъ весь городъ, наподобіе неправильнаго четвероугольника.

По повелѣнію Петра Великаго, въ 1701 году, для усиленія обороны отъ мщенія Шведовъ, около всей крѣпости сдѣланы земляныя укрѣпленія, рвы, валы и больверки. Для этого пѣкоторыя церкви были срыты и засыпаны.

Главное, лучшее зданіе во Псковѣ — Троицкій Соборъ. Онъ построенъ (1698 г.) въ Кремлѣ, величественно возвышаетъ главы свои надъ окружными зданіями, и господствуетъ надъ всею окрестностью. Въ соборѣ почиваютъ мощи: 1) Благовѣрнаго Князя *Всеволода* Мстиславича, во

(*) На мѣсто прежняго деревяннаго моста, нынѣ воздвигается великолѣпный, на гранитныхъ аркахъ. Это послужитъ значительнымъ украшеніемъ города.

св. крещеніи *Гавріла*, скончавшагося въ 1138 г.; при гробѣ находится его двуручный огромный мечъ, древней готической работы, съ надписью: *·Nonoget meum nemini dabo·* (чести моей никому не отдамъ). Мечъ этотъ въ длину равняется среднему человѣческому росту. 2) Великаго Князя *Доманта*, во св. крещеніи Тимоѳея. По выходѣ изъ Литвы и по принятіи Христіанской Вѣры, Домантъ, женись на внучкѣ В. К. Александра Ярославича Невскаго, благодѣтеля Пскова, возведенъ былъ на Псковское Княженіе; моєль 33-хъ-лѣтняго мудраго и славнаго правленія, скончался въ 1299 г. 3) *Мощи Николая Юродиваго*. — Въ подвалахъ собора гробница, въ которой погребены Псковскіе Князья и члены ихъ фамилій, а также нѣкоторые здѣшніе епископы. Въ ризницѣ соборной есть многія драгоценныя рѣдкости. Тутъ я видѣлъ, между прочимъ, рукописное Евангеліе, писанное за 400 лѣтъ предъ симъ — трудъ, вѣроятно, какого нибудь смиреннаго инока; но замѣчательнѣе всего Евангеліе, напечатанное въ *Вильнѣ*, по-Славянски, въ 1644 году, слѣдовательно пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ западная Русь возмущена была насильствен-

нымъ введеніемъ Уши. Евангеліе это, напечатанное безъ всякаго измѣненія въ текстѣ, служитъ доказательствомъ, что не смотря на жестокое потрясеніе, произведенное въ нѣдрахъ Православной Церкви, Русь западная хотя составляла отдѣльное княжество, подѣ властью Князей Литовскихъ, но такъ же, такъ и восточная, спасла свою Вѣру, свой языкъ, свои уставы гражданскіе, и что такимъ образомъ самыя крѣпкія узы всегда связывали ее съ восточною Русью. Древнія грамоты, изданныя Археографическою Коммиссіею при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, столь дѣятельно исполняющею возложенное на нее дѣло, бросили яркій свѣтъ на этотъ періодъ Исторіи западной Руси, и удостоверили въ сей истинѣ самыхъ упорныхъ и невѣрующихъ.

Направо отъ большаго собора теплый Благовѣщенскій Соборъ, новѣйшей архитектуры, съ придѣлами Благовѣрной Великой Княгини Ольги и Николая Чудотворца, отстроенный въ 1835 году. Храмъ этотъ украшенъ образами весьма замѣчательной мастерской кисти. По тону и колориту, и въ особенности по выраженію святости, кротости и величія ликовъ святыхъ, бла-

городному, непринужденному ихъ положенію и прекрасной драпировкѣ ихъ одеждъ, живопись этихъ образовъ напоминаетъ превосходные образы Троицкаго Собора въ Измайловскомъ Полку, въ Петербургѣ. Я узналъ, что Псковскіе образы произведеніе кисти художника *Якова Колокольникова*, уроженца города Осташкова, къ сожалѣнію, уже утраченнаго для искусства, которое онъ любилъ съ жаромъ истиннаго артиста (*).

Какъ новый соборъ, такъ и Соборъ Троицкій, окружены полуразрушенною каменною стѣною. Она построена въ XV столѣтіи и называлась *Дѣтинцемъ*, *Кромомъ* или *Кремомъ*. Мѣсто это, весьма удобное для крѣпости, послужило, какъ я уже сказалъ, началомъ населенія Псковитянъ: здѣсь было *вльче* и *впѣлъ* *вльчевой колоколъ*, который, по учрежденіи здѣсь монархическаго правленія, отвезенъ былъ на Снѣтогорскій Дворъ, въ Церковь Іоанна Божіевогослова. При выходѣ изъ Кремля, на лѣво была тиунская или судейская палата. Зданіе это, разрушившееся отъ ветхости, и принадлежащее

(*) Намъ обѣщаны подробныя свѣдѣнія о Колокольниковѣ.

нынѣ частному лицу, въ недавнее время совершенно перестроено: на мѣстѣ древней палаты возникъ очень обыкновенный домъ, котораго нижній этажъ, уцѣлѣвшій отъ древней постройки, занятъ лавками, а верхній, вновь надстроенный, трактиромъ. Отъ этого дома, направо былъ архіерейскій домъ, построенный въ 1535. Этому древнему зданію, занимаемому нынѣ консисторіею, приданъ также видъ новѣйшей архитектуры. Оновываясь на преданіяхъ, полагаютъ, что здѣсь же, въ нижней Домантовой Стѣнѣ, находился дворъ этого Князя; но слѣдовъ постройки не отыскивается. Вотъ главная достопримѣчательности Псковскаго Кремля. Къ этому надобно прибавить колокольню большаго собора, съ вершины которой представляются чрезвычайно живописные и разнообразные виды. Городъ, съ его церквами, домами, улицами и площадями, окруженный древними разрушающимися каменными стѣнами, омываютъ двѣ рѣчки Великая и Пскова. Противоположные берега ихъ являются въ очаровательномъ видѣ: *Завеличье* съ своими монастырями, церквами, часовнями, уединенными домиками, представляетъ прелестную картину, на послѣднемъ,

дальнемъ планѣ которой вы видите великолѣпное помѣстье *Корытово*, принадлежащее Г. Горжанскому. Украшающій помѣстье это каменный двухъэтажный домъ прекрасной архитектуры, бѣлизною своею рѣзко отдѣляется отъ окружающей его густой зелени сада. Калѣво *Зансковъ*, усѣянное деревянными домиками, перемѣшанными съ зеленью сада въ, и изрѣдка колокольными шпицами. Прямо передъ вами, у подножія вашего, площадь, кипящая народомъ, полная жизни, говора, шуму, движенія, а дальѣ, по ту сторону рѣки, безмолвіе поля, обремененныя злаками, синева далекихъ лѣсовъ, увѣчанная вѣчно-прекраснымъ сводомъ неба.

Внутренній видъ Искова во многомъ сходствуетъ съ видомъ другихъ губерскихъ городовъ: вокругъ довольно большой площади и въ то же время рынка присутственныя мѣста, лавки, извозничья биржа. Отсель идутъ двѣ, три главныя улицы, съ балконами, вывѣсками и проч.— Что касается собственно Искова, то кромѣ присутственныхъ мѣстъ, здѣсь лучшія зданія: почтовой конторы, семинаріи, баталіона военныхъ кантоцистовъ, и нѣкоторыя другія. Частныя же дома почти всѣ деревянные, и принадле-

жать, съ немногими исключеніями, дамамъ. Смотришь, надпись гласить: домъ Дарьи Ивановны (если память меня не обманываетъ) *Гусенковой*, домъ Θεκлы Авдѣзны *Хлотрикиной*, и т. п. Откуда это *царство женщинъ*? Миѣ сказали, что у всѣхъ ихъ есть мужья, всѣ очень хорошіе люди, и большіе хозяева. Что городъ, то норовъ!— Другая здѣшняя особенность, обращающая на себя вниманіе пріѣзжаго, это остатки древнихъ зданій; они попадаются вездѣ, во дворахъ, въ садахъ, въ огородахъ, и состоятъ изъ болѣе или менѣе высокихъ стѣнъ старинныхъ домовъ, которыхъ окна и двери всегда обращаемы были во дворъ.— Во многихъ домахъ донинѣ сохранились построенные встарину изъ плиты и гребя со сводами, вѣроятно на случай пожаровъ, или непріятельскихъ нападешій, которымъ Псковъ такъ часто подвергался.

Подобно Новгороду и Кіеву, Псковъ отличается, предъ прочими Русскими городами, церковнымъ велелѣпіемъ; все мірское въ немъ скудно, ветхо, непрочное; духовное же споритъ съ вѣками, возносится къ небесамъ и сіяетъ золотомъ. Здѣшнія церкви почти всѣ Византий-

скаго стиля, и многія обладаютъ чудотворными иконами, для поклоненія которымъ богомольцы стекаются даже изъ дальнихъ мѣстъ. Нѣкоторыя изъ монастырей замѣчательны по своей древности. Я посѣщилъ въ особенности въ отстоящей отъ города въ трехъ верстахъ Снѣтогорскій монастырь, величественно и живописно расположенный на вершинѣ высокой отвѣсной горы. Обитель сія, одна изъ самыхъ древнихъ въ Россіи, была разграблена и сожжена Лифляндскими рыцарями въ 1299 году. Нынѣшняя церковь ея возобновлена въ 1312 году; живопись церковная и вообще иконостасъ также возобновлены въ послѣднее время — Изъ келлій Высокопреосвященнаго Наѳанаила, имѣющаго здѣсь пребываніе, представляются восхитительные виды: рѣка Великая, омывая разнообразныя, извилистыя берега, поворачиваетъ и скрывается въ центрѣ города, въ томъ самомъ пунктѣ, гдѣ образуется дивная панорама Кремля съ соборами и мрачными стѣнами, и Завеличья съ монастырями, церквами и садами. Нельзя найти лучшаго мѣста для тихой иноческой жизни, для подвиговъ уединенія, созерцанія и молитвы

Я посѣтилъ Дѣтскій Пріютъ Св. Ольги. Было около двухъ часовъ пополудни. Дѣти играли въ это время въ саду. Съ безпечною своего возраста, они бѣгали, рѣзвились, смѣялись. Но и въ самыхъ играхъ, одеждѣ, прическѣ, во всемъ видна привычка къ порядку, опрятности и повиновенію. Пріятно было видѣть эти румяныя, свѣжія, веселыя лички, слышать этотъ звонкій, ребяческій, искренній смѣхъ. Нѣсколько минутъ спустя, дѣти собрались въ учебной комнатѣ для молитвы предъ ученіемъ. Они проѣли ее необыкновенно стройно и съ чувствомъ искренняго благоговѣнія; у многихъ изъ нихъ въ глазахъ сверкали слезы. Смотрительница, замѣтивъ, что пѣніе дѣтей произвело и на меня дѣйствіе, велѣла имъ спѣть: «*Боже, Царя храни!*» Величественный, прекрасный нашъ народный гимнъ исполненъ былъ дѣтми съ такимъ поразительнымъ чувствомъ, съ такою изумительною гармонією, совокупностью и силою, что я былъ въ совершенномъ восторгѣ и умиленіи. Смотрительница Пріюта, Е. А. Трофимова, умная, образованная и вполне понимающая свое прекрасное призваніе, обращается съ питомцами своими, какъ иѣжная, заботливая мать

съ любимыми дѣтьми. Мальчики и дѣвочки, по словамъ ея, поступаютъ въ заведеніе иногда въ состояніи полудикомъ, и тутъ, чрезъ нѣскольکو дней, перерождаются совершенно: кора грубости, неряшества и своеволія исчезаетъ сама собою: эта метаморфоза совершается безъ всякихъ усилій и принужденій: кротость, назиданіе, примѣръ — суть единственные орудія для пріученія дѣтей къ новымъ, лучшимъ привычкамъ и понятіямъ. Превосходное, благодѣтельное учрежденіе дѣтскихъ пріютовъ, не смотря на новостъ свою у насъ, при благословеніи Божиемъ, не только нынѣ вполне упрочено, но и безпрестанно распространяетъ благія свои дѣйствія. Примѣръ столицъ — средоточія умственной и нравственной жизни Россіи — дѣйствуетъ благотворно на самые отдаленные края Имперіи, и число пріютовъ увеличивается съ каждымъ годомъ (*). Такое счастливое поло-

(*) Въ настоящее время всѣхъ пріютовъ считается 58, въ томъ числѣ три въ Сибири. Число призрѣваемыхъ во всѣхъ пріютахъ дѣтей простирается слишкомъ до 6000. Капиталы, принадлежащія симъ заведеніямъ, составляютъ до 400,000 руб. сер; сверхъ того пріюты имѣютъ уже до двадцати собственныхъ домовъ.

женіе дѣла, должно, по всей справедливости, отнести къ неусыпной дѣятельности и превосходнымъ распоряженіямъ Комитета Главнаго Попечительства Дѣтскихъ Пріютовъ, постоянно, неуклонно стремящагося къ распространенію и упроченію своихъ благотворныхъ дѣйствій. Мы слышали, что заведенія дѣтскихъ пріютовъ должны вскорѣ увеличиться учрежденіемъ въ С. Петербургѣ *переходнаго пріюта*, т. е. такого заведенія, въ которомъ воспитанники нынѣшнихъ пріютовъ, выдержанные въ правилахъ строгой Христіанской нравственности, будутъ продолжать свое воспитаніе, обучаясь разнымъ ремесламъ, какъ то: граверному, типографскому, переплетному и т. п. Сумму для этого полезнаго учрежденія, въ которомъ у насъ ощущался большой недостатокъ, жертвуетъ, какъ мы слышали, одинъ Русскій вельможа (А. А. Б.), извѣстный своею благотворительностью и любовью къ просвѣщенію. Начальство и управленіе этимъ новымъ заведеніемъ принимаетъ на себя знатокъ этого дѣла А. П. Башуцкій, которому пріюты вообще уже много обязаны своимъ нынѣшнимъ цвѣтущимъ состояніемъ.

Но обратимся ко Пскову. Къ числу его

достопримѣчательностей слѣдуетъ отнести карету, принадлежавшую, по словамъ многихъ Псковичей, Іоанну Грозному. Купецъ Т...въ пріобрѣлъ ее въ какомъ-то монастырѣ, и въ прошедшемъ году, во время катанья на Масляницѣ, развѣзжалъ въ ней по городу, на всеобщее удивленіе. Т...въ очень дорожитъ этою рѣдкостью, и неохотно показываетъ ее любопытнымъ. Узнавъ о ея существованіи, къ сожалѣнію, только наканунѣ отъѣзда изъ Пскова, я отправился въ домъ Т...ва. Тутъ мнѣ объявили сначала, что хозяина дома нѣтъ, потомъ что онъ нездоровъ, наконецъ, что уже поздно (дѣло было къ вечеру) и потому не угодно ли де-скать пожаловать завтра, и проч. и проч. Я принужденъ былъ удовольствоваться, взглянувъ на древнюю колесницу только сквозь щель каретнаго сарая; въ шесть часовъ слѣдующаго утра меня уже не было въ городѣ.

Кромѣ сада при домѣ Губернатора, во Псковѣ до прошедшаго лѣта, не было другаго мѣста для гульбища. Гуляя однажды вечеромъ по улицамъ, я увидѣлъ довольно обширное, огороженное деревянною рѣшеткою мѣсто, съ проведенными на немъ дорожками и жиденькими де-

ревцами. Что это такое? спрашиваю я у полицейского стража.

«Извѣстно что — городской садъ»

Не видя въ саду никого. — «когда здѣсь гуляютъ?» спросилъ я.

«Извѣстно, въ Воскресенье; тутъ балъ бываетъ, ботъ тамъ (показывая на бесѣдку), всякіе напитки; тамъ есть такъ какъ комнаты.»

— Давно ли заведенъ этотъ садъ?

«Извѣстно, въ прошлое лѣто: Генераль К** построилъ, да и уѣхалъ въ Петербургъ.»

Дѣйствительно садъ этотъ, какъ узналъ я потомъ, есть совершенная импровизація. К** однажды, въ обществѣ, выразилъ сожалѣніе, что въ городѣ нѣтъ мѣста для общественнаго гулянья, и прибавилъ, что между тѣмъ это дѣло возможное и легкое.

«Какъ же это сдѣлать?» спросила одна дама.

— Очень просто: я берусь устроить вамъ садъ въ недѣлю, возразилъ К**.

«Какъ это возможно! помилуйте! это неслыханное дѣло! вы шутите», послышалось со всѣхъ сторонъ.

К**, вмѣсто доказательствъ, побился объ

закладъ, что чрезъ недѣлю онъ пригласитъ все общество на гулянье въ новый садъ.

Не теряя на минуты, мѣсто было куплено, огорожено, вырыты пруды, канавки, черезъ нихъ брошены мостики, посажены деревья, (дѣло было по веснѣ). — словомъ, работа кипѣла, и къ назначенному дню все было готово. Торжествующій К** выигралъ закладъ, и создалъ себѣ долговѣчный памятникъ: садъ названъ по его имени К...скимъ

Домъ Дворянскаго Собранія принадлежащій къ числу красивѣйшихъ въ городѣ, носитъ печать новѣйшей архитектуры. Просторными свѣтлыми сѣнями по широкой гранитной лѣстницѣ, вы входите, чрезъ нѣсколько прекрасныхъ боковыхъ комнатъ, въ танцовальную залу: зала эта замѣчательна изящною, благородною простотою, даже ея стѣны безъ обоевъ, но за то обширностью и вышиною зала эта не многимъ уступитъ бывшей концертной залѣ въ домѣ Г-жи Энгельгардъ въ Петербургѣ. Для оркестра устроены хоры. Я слышалъ, что здѣшніе балы бываютъ многолюдные и оживленные. Въ этомъ домѣ есть комнаты биліардная и для карточной игры. Члены Собранія

выписываютъ нѣкоторые изъ Петербургскихъ газетъ и журналовъ. которые, потомъ, разумѣется, кружатъ по городу. и не только читаются. но даже, говорятъ, зачитываются. Независимо отъ этого источника просвѣщенія, во Псковѣ есть и другіе элементы образованности: книжный магазинъ Клуге (того самаго, который производитъ книжную торговлю въ Дерптѣ) снабжаетъ любителей легкаго чтенія Французскими романами, повѣстями и проч. Это главная потребность здѣшняго образованнаго сословія: А. Дюма, Е. Сю, Ж. Сандъ, Бальзакъ — у нихъ въ большой чести. Тутъ есть впрочемъ довольно книгъ и Нѣмецкихъ, но относящихся также къ *пріятному* чтенію. Всего меньше, къ сожалѣнію, книгъ Русскихъ: пять, шесть повѣстей, два, три журнала, да нѣсколько переводныхъ французскихъ романовъ, авторовъ которыхъ я сейчасъ назвалъ, вотъ все, что я здѣсь нашелъ. Вообще чтеніемъ занимаются здѣсь почти исключительно дамы. Мужчины слишкомъ заняты дѣлами или не находятъ въ томъ пользы, чтобъ читать *чужія выдумки*: притомъ и преферансъ отнимаеъ у нихъ много времени.

Освѣдомясь, что здѣсь можно достать виды Пскова, я поспѣшилъ въ указанный мнѣ магазинъ купца Лохова. Тутъ продаются чай, сахаръ, разные бакалейные и галантерейные товары, письменные канцелярскіе припасы и проч. Мнѣ подали гравюры, представляющія виды Пскова и его окрестностей. Художественное исполненіе ихъ, конечно, оставляетъ много желать; но я обрадовался имъ какъ нельзя больше. Въ губернскомъ городѣ, столь богатомъ, какъ Псковъ, историческими и живописными мѣстами, найти виды того, чѣмъ вы за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ восхищались, это нечаянность до такой степени пріятная, что вы отъ нея приходите въ такой же восторгъ, какъ страстный библиоманъ предъ архивнымъ фоліантомъ, нумисматъ предъ древнею медалью. Исторія изданія здѣшнихъ видовъ весьма любопытна и поучительна: въ 1837 году Псковской губернской землемѣръ Г. Ивановъ вздумалъ издать галерею видовъ города Пскова и его окрестностей. Виды эти замѣчательны во многихъ отношеніяхъ, и за границею подобное, весьма обыкновенное предпріятіе нашло бы сочувствіе въ публикѣ, и гравюры разошлись бы

тысячами. Г. Ивановъ, подобно многимъ Русскимъ художникамъ, не былъ такъ счастливъ. Число подписчиковъ на его изданіе простиралось до 39-ти человекъ, да распродано едва ли еще столько же экземпляровъ, и на томъ дѣло остановилось. Фактъ весьма грустный для страны образованной, гдѣ за удовольствіе минутно посмотрѣть на пріѣзжую танцовщицу, или послушать иностраннаго пѣвца, илатятъ большія деньги! А когда наше Общество Поощренія Художествъ, которому столь многіе художники обязаны своимъ образованіемъ, объявить лоттерейю только въ четыре тысячи билетовъ, по 1 р. 50 коп., и за эти ничтожныя деньги, которыя мы такъ часто бросаемъ безъ огладки на цвѣты для какихъ нибудь цыганокъ или вольтижерокъ, за эти деньги пустить въ лоттерейю болѣе пятидесяти картинъ, въ числѣ которыхъ есть истинно мастерскія, тогда мы, въ слѣдствіе безчисленныхъ газетныхъ объявленій, приглашеній, повторяемыхъ въ теченіе полугора года, рѣшаемся изъ патріотизма, изъ любви къ искусству, изъ филантропіи, разобратъ, на шестьдесятъ милліоновъ жителей, двѣ тысячи билетовъ! Послѣдняя седьмая лоттерейя, наприм., до

сихъ поръ не можетъ быть разыграна, по нераздачѣ билетовъ. Между тѣмъ составъ этой лоттереи весьма замѣчателенъ какъ по разнообразію, такъ и въ особенности по достоинству многихъ картинъ. Но многіе ли видѣли ихъ? А выставка картинъ на Невскомъ Проспектѣ, у Полицейскаго Моста, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ гуляетъ день каждый дснь цвѣтъ Нетербургскаго населенія, которое такъ любитъ все высокое и изящное.

Но будемъ продолжать рѣчь о Псковѣ. Здѣсь, какъ и во всякомъ губернскомъ городѣ, гдѣ вы живете въ качествѣ путешественника, и стало быть почти ни съ кѣмъ не знакомы, при наступленіи вечера—скука смертная: нѣтъ ни театра, ни гульбища, ни клуба; нѣтъ того общественнаго средоточія, гдѣ бы человѣку образованному можно было найти невинное удовольствіе и развлеченіе, не подвергаясь стѣснительному свѣтскому этикету, до высшей степени преувеличиваемому въ нѣкоторыхъ нашихъ провинціяхъ. Надобно впрочемъ сознаться, что въ послѣднее время и тамъ, въ общезжитіи, этомъ камнѣ преткновенія образованности, сдѣлали огромный шагъ, и стали понимать,

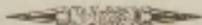
что уваженіе и общественныя обязанности состоятъ не въ одной наружной *формль*. Не смотря на нѣкоторыя слабыя стороны жизни въ губернскомъ городѣ, она не лишена однако жъ пріятностей: балы, маскарады, собранія, все это заставляетъ забыть отсутствіе литературныхъ новостей, предметовъ изящныхъ искусствъ и всего того, что сосредоточено у насъ пока въ однѣхъ столицахъ. Но преимущества жизни въ провинціи, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, доступны однимъ постояннымъ ея обитателямъ. Пріѣзжій, въ особенности лѣтомъ, когда городъ пустѣетъ, когда нѣтъ элементовъ его обыкновенной жизни, пріѣзжій, говорю я, находится часто въ величайшемъ затрудненіи, что дѣлать и куда дѣваться. Еще въ первые дни пріѣзда, по крайней мѣрѣ все имѣетъ для пріѣзжаго прелесть новизны; но когда онъ посѣтилъ и даже изучилъ всѣ достопримѣчательности города, налюбовался его видами и окрестностями, когда смотрѣть больше нечего, тогда ему нѣтъ спасенія, онъ долженъ уѣзжать поскорѣе: иначе ему не избѣжать скуки, которая съ каждымъ днемъ, проводимымъ имъ въ такомъ безотрадномъ положеніи, принимаетъ все болѣе и

болѣе колоссальные размѣры. Въ подобныхъ размышленіяхъ бродилъ я однажды вечеромъ по улицамъ Псковскимъ. Вижу вдали большой розовый шаръ, возвышающійся на огромномъ шестѣ. Подхожу, надпись гласить: «*Панорама изъ Петербурга*». Я почти обрадовался своей находкѣ, и уже собирался посмотрѣть ее, вдругъ слышу знакомую фразу: «*Mon bon Monsieur, donnez un sou à un pauvre garçon... je n'ai pas de quoi manger.*» Гляжу, передо мною черномазый мальчишка, въ извѣстномъ костюмѣ, *подбитомъ вѣтеркомъ*, съ мусикійскимъ орудіемъ въ рукахъ. Онъ тутъ же, подъ звуки своего инструмента, пустился плясать съ большою ловкостью; огромные булыжные камни мостовой ни мало не мѣшали ему кружиться и выдѣлывать самые куріозные па. Послѣ того, изъ рассказовъ его, я узналъ, что онъ съ товарищемъ своимъ (владѣтелемъ *d'un cochon de mer*) совершили артистическое путешествіе пѣшкомъ, разумѣется, изъ Петербурга во Псковъ, что здѣсь они выручаютъ мало, и потому намѣреваются отправиться въ Порховъ, гдѣ много военныхъ, и гдѣ ихъ дѣла вѣроятно поправятся. Встрѣча съ мальчикомъ, на котораго я не обратилъ бы вниманія въ Петер-

бургъ, навела на меня грустные размышленія. Кто призналъ бы въ уличномъ плясунѣ, кувыр-кающемся, чтобъ не умереть съ голоду, отрасль великаго народа, потомка покорителей міра, желѣзныхъ Римлянъ! *Du sublime au ridicule il n'y a souvent qu'un pas.* Эти жалкія существа, жертвы праздности и нищеты, для которыхъ *dolce far niente* превышаетъ всѣхъ сокровищъ—находятъ гостепріимство и покой подъ нашимъ суровымъ небомъ, въ глуши нашихъ деревень. Добрые мужички съ любопытствомъ смотрятъ на пляску *Нильцевъ*, и, вѣрные законамъ гостепріимной старины, дѣлятся съ ними хлѣбомъ—солью, и даютъ имъ пріютъ подъ сѣнью своей дымной избы.

Пользуясь пребываніемъ во Псковѣ, я хотѣлъ сѣздить въ Святогорскій Монастырь, поклониться праху незабвеннаго Пушкина. Я отправился въ почтовую контору для справокъ о дорогѣ, и въ чиновникахъ конторы мнѣ было чрезвычайно пріятно встрѣтить необыкновенное вниманіе и вѣжливость въ отношеніи ко мнѣ, человѣку имъ чуждому и вовсе незнакомому. Не только съ полною готовностью мнѣ тотчасъ былъ составленъ маршрутъ, но и даны были

наставленія, какъ имъ воспользоваться, такъ какъ часть дороги ведетъ проселками. Считаю пріятнѣйшимъ долгомъ упомянуть здѣсь объ этомъ съ искреннею признательностью.

V.

Святогорскій Монастырь и сельцо Михайловское.

Островъ. Тригорское. Святогорскій монастырь. Могила Пушкина. Исторія монастыря. Сельцо Михайловское. Сады. Домикъ Пушкина. Картина запустѣнія. Буря на озерѣ. Возвращеніе въ Дерптъ.

(1848.)

Пѣтъ надобности доказывать преимущества нашей Русской почтовой ѣзды иередъ всякою другою. И дѣйствительно, когда лихая тройка, впряженная въ легкую телѣжку, управляемая бойкимъ, осанистымъ ямщикомъ въ Русскомъ кафтанѣ, въ шляпѣ набекрень, несется вихремъ, подъ гулъ колокольчика, оставляя за собою пыль столбомъ, когда у васъ занимается духъ и вы не успѣваете даже различать быстро смѣняющіеся вокругъ васъ предметы, вы поддаетесь

вляію какого-то восторженнаго, поэтическаго настроенія. Вамъ такъ весело, думы ваши озарены такою ясностію и безпечностію, что вы совершенно забываете городскую жизнь, и переноситесь воображеніемъ въ новую сферу, въ міръ полей, лѣсовъ, столбовыхъ дорогъ, мелькающихъ поверстныхъ столбовъ, въ міръ разнообразія, движенія, дорожныхъ приключеній и разгула.

Переѣздъ отъ Пскова до Острова, по превосходному Ковенскому шоссе, быстръ и пріятенъ. Для поѣздки этой мнѣ удалось найти товарища, Г-на Ни.....ча, образованнаго молодого человѣка, принадлежащаго къ Дерптскому учебному сословію. Погода намъ благопріятствовала, и мы, выѣхавъ изъ Пскова послѣ обѣда, пріѣхали въ Островъ вечеромъ. Угодно вамъ знать, что такое Островъ? Это уѣздный городъ. Подъѣзжаете: шлагбаумъ, деревянный домикъ, другой, третій, каменный домъ, соборъ, площадь, присутственныя мѣста, двѣ лавки съ разными разностями, почтовая станція, опять шлагбаумъ,—вотъ и все. Островъ, или Островскъ (время основанія его, къ сожалѣнію, не извѣстно), отличается однако жъ отъ другихъ уѣзд-

ныхъ городовъ развалинами своего древняго замка съ тремя башнями, построеннаго на островѣ двухъ рѣкъ: Великой и Линенки, и выдержавшаго, въ одно время со Исковомъ, осаду Стефана Баторія. Теперь въ замкѣ этомъ, кромѣ каменной церкви новѣйшей архитектуры, съ примыкающимъ къ ней домомъ для священника, никакихъ построекъ нѣтъ. Изъ города въ замокъ, или кремль, проходятъ по устроенному чрезъ рѣку Линенку деревянному, довольно непрочному мостику. Рѣчка эта очень мелка (во многихъ мѣстахъ ее переходятъ въ бродъ); но не смотря на это, или правильнѣе, по этой именно причинѣ, она несется по своему усѣянному мелкими и крупными камнями руслу чрезвычайно быстро, производя на пути своемъ шумъ необыкновенный. Шумъ этотъ, происходящій отъ мелководія, невольно напоминаетъ убогихъ талантомъ писаекъ, провозглашающихъ о себѣ чуть не съ колокольнымъ звономъ, и мнящихъ велерѣчивымъ самохвальствомъ придать себѣ вѣсь и значеніе.

Изъ Острова мы повернули отъ шоссе направо, и по малому почтовому тракту пріѣхали на станцію *Погорѣлки*.— Благосклонному вни-

манію Погорѣлковскаго смотрителя, угостившаго насъ очень сытнымъ завтракомъ и вкуснымъ кофе, мы обязаны были снабженіемъ насъ превосходною тройкой для поѣздки проселочною дорогою въ Святія Горы, отстоящія отъ Погорѣлокъ верстъ на тридцать. На пути намъ встрѣчались виды, составляющіе нероскошную сѣверную природу:

«Дымокъ спаленой жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.»

Но, по мѣрѣ приближенія къ Святымъ Горамъ, мѣстность становится волнистѣе, разнообразнѣе, картиннѣе. Наконецъ мы подѣхали

Къ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно между горъ
Свои изгибы разстилая,
Водами ясными поитъ
Поля, украшенныя нивой.
Тамъ, у раздолья, горделиво
Гора треххолмная стоитъ;
На той горѣ, среди лощины,
Передъ лазуревымъ прудомъ,
Бѣлѣтся веселый домъ

И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.

Такъ описываетъ Языковъ *Тригорское* (древній пригородъ Вороничъ), которое онъ посѣщаль, проводя лѣто въ сосѣдней деревнѣ Пушкина. Помѣстье это, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательное по своему живописному мѣстоположенію, осталось у насъ направо. Тому же поэту Тригорское внушило слѣдующіе стихи, въ которыхъ заключается описаніе и тамошнихъ окрестностей:

Бывало въ царственномъ покоѣ,
Великое свѣтило дня,
Вослѣдъ за раннею денницей,
Шаромъ восходитъ огневымъ,
И небеса, какъ багряницей,
Окинетъ заревомъ своимъ;
Его лучами заиграютъ
Озеръ живыя зеркала;
Поля, холмы благоухаютъ....

Тогда, одинъ, восторга полный,
Горы прибережной съ высотъ,
Я озиралъ сей неба сводъ
Великолѣпный и безмолвный,
Сіи круги и ленты водъ,
Сіи ликующія нивы,
Гдѣ серпъ мелькалъ трудолюбивый

По золотыстымъ полосамъ,
Скирды желтѣлись, тамъ и тамъ
Жнецы къ товарищамъ зывали,
И на дорогѣ, вдалькѣ,
Съ холмовъ бѣгушія къ рѣкѣ
Стада пылили и блѣяли.

Туда, туда, друзья мои!
На скать горы, на брегъ зеленый,
Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
Гостепріимныя струи;
Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
Дугою выдалась она,
По глади вогнутаго дна,
Пескомъ усыпанной сребристымъ....

Гдѣ видна цѣпь далекихъ горъ,
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озеръ,
Села и берега и долины!....

На паромѣ мы переправились чрезъ Сороть, отъ которой до Святогорскаго Монастыря оставалось верстъ пять. Пространство это покрыто лѣсами, полями и горами. Куда ни взглянешь — со всѣхъ сторонъ представляются картины самыя живописныя. Природа здѣшняя — гармоническое сочетаніе суроваго сѣвера и ве-

селаго, улыбающагося юга. Созерцаніе этой природы производитъ на васъ дѣйствіе успокоительное, примиряющее, услаждающее. Понятно, почему Пушкинъ любилъ этотъ край, и завѣщалъ похоронить здѣсь прахъ свой.

Что касается до монастыря, то лишь на разстояніи полуверсты мы увидѣли его кресты и куполы: вѣчная густую зелень лѣса, они блестяли въ вышинѣ, на безпредѣльномъ морѣ неба. Обитель эта расположена на горахъ, среди дикихъ, безмолвныхъ лѣсовъ. По крутой, извиистой дорогѣ мы подъѣзжали къ древнимъ стѣнамъ монастырскимъ, оглашая утреннюю тишину звономъ нашего почтоваго колокольчика. Насъ встрѣтилъ на дворѣ монахъ и ввелъ въ кельи настоятеля, Игумена Веніамина, человѣка почтеннаго, привѣтливаго и радушнаго. Онъ предупредилъ желаніе наше, и тотчасъ повелъ насъ къ могилѣ Пушкина.... Благоговѣнно склонилъ я колѣни надъ прахомъ славнаго поэта; сердцу стало грустно, рѣсницы оросились невольными слезами.... И долго стояли мы безмолвно, погруженные въ печальныя размышленія.... Я перенесся воспоминашемъ къ годамъ первой моей молодости, къ той порѣ, которую

можно назвать апогеемъ нашей словесности, когда имя Пушкина блещло на горизонтѣ Русской Поэзіи, когда звуки его лиры раздавались по всему пространству необъятнаго Царства Русскаго, и всякій новый стихъ былъ привѣтствуемъ искреннимъ восторгомъ. Помню общую непритворную скорбь, когда пришла горестная вѣсть (*) о жестокой, невозвратимой утратѣ... она была такъ неожиданна, такъ поразительна, что никто не хотѣлъ ей вѣрить.... Но приговоръ Судьбы свершился...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсень,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

Его ужъ нѣтъ, но нравственное бытіе его не умретъ въ его твореніяхъ; они безсмертны, какъ его геній.

Кто изъ насъ не обязанъ Пушкину возвышеннѣйшими наслажденіями? Въ годы свѣжей, впечатлительной молодости, идеи, возбуждаемая чтеніемъ той или другой книги, часто даютъ направленіе склонностямъ и характеру,

(*) Я жилъ тогда въ Кіевѣ.

содѣйствуютъ къ развитію умственныхъ способностей, имѣютъ рѣшительное вліяніе на судьбу цѣлой жизни, подобно тому, какъ идеи, овладѣвающія ребенкомъ еще въ колыбели, окружающія его въ играхъ, вдыхаемыя въ него ласками матери и въ видѣ различныхъ чувствованій проникающія въ его существо вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышитъ, образуютъ его нравственное бытіе еще до вступленія въ міръ и въ общество. Вотъ отъ чего чтеніе поэтовъ въ такой степени народныхъ, какъ Державины, Крыловы, Пушкины — внушаетъ любовь къ отечеству, къ родному слову и славу народной! Великая заслуга предъ потомствомъ! Пушкинъ въ Русской Поэзіи опередилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, и первый открылъ намъ невѣдомый родникъ чудныхъ звуковъ, разоблачилъ неисчерпаемыя богатства и безконечное разнообразіе нашего прекраснаго, звучнаго, гармоническаго языка. Съ кончиною Пушкина и потомъ Лермонтова, Русскій Парнасъ осиротѣлъ. Впрочемъ, на поприщѣ *стиходольганія* (*) подвизаются многіе, и иные изъ нихъ

(*) Кто не помнитъ, напримѣръ, пресловутыхъ куплетовъ, пѣтыхъ недавно въ честь Излера, куплетовъ очень удач-

довольно успѣшно. Но во всѣхъ ихъ стихотвореніяхъ, за исключеніемъ немногихъ — нѣтъ поэзіи, нѣтъ истиннаго вдохновенія! Но вспомнимъ, что литературныхъ дарованій создать нельзя: они рождаются самовольно.

«Еще дитей, въ училищѣ, за книгой»,
 быть можетъ, таится гдѣ нибудь прямой, законный преемникъ Пушкина. Будемъ ласкаться надеждою, что наступающей, второй половинѣ нашего вѣка суждено встрѣтить восходъ новаго свѣтила Русской Поэзіи.... Явленіе это было бы, безъ сомнѣнія, однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій въ области современнаго нашего просвѣщенія.... Когда надежды наши исполнятся — извѣстно одному Богу:

«Когда — увы! не знаю,

Но вѣря чувству ожидаю.»

Обращаясь къ Святогорской Обители, скрывающей въ стѣнахъ своихъ ирахъ нашего поэта, передаю вамъ объ ней слѣдующія свѣдѣнія.

но названныхъ въ одномъ журналѣ *Излериѳоі*? Между тѣмъ стишки въ нихъ гладенькіе. Это самая жестокая сатира на нашу поэзію. Куда она свергнута съ высоты своего жертвенника!

Святогорскій третьеклассный Монастырь, Псковской Губерніи, въ Опочецкомъ Уѣздѣ (разстояніемъ отъ уѣзднаго города въ сорока, отъ губернскаго къ югу въ 115-ти верстахъ, а отъ древняго пригорода Воронича въ четырехъ верстахъ, на Синичьихъ Горахъ) основанъ въ 1569 г. послѣ явленія въ 1563 и 1569 годахъ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери юродивому юношѣ Тимоѳею Псковской Царскій Намѣстникъ Князь Григорій Токмаковъ произвелъ строгое изслѣдованіе о чудесныхъ исцѣленіяхъ, и донесъ Государю; въ слѣдствіе того присланы были особые изслѣдователи, и по несомнѣнномъ удостовѣреніи въ чудесахъ и исцѣленіи болящихъ, Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ 1569 г., назвавъ Синичью Гору Святою, повелѣлъ устроить на ней каменную церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, такъ, чтобъ алтарь ея занималъ то самое мѣсто, гдѣ стояла сосна съ явленною иконою Одигитрій. а чтобъ чудотворную икону Умиленія изъ Воронича поставить въ этой же церкви. при подошвѣ горы, въ долинѣ, окруженной горами, расположить монастырь.

Въ память сихъ чудотворныхъ явленій установлены ежегодныя празднованія Умиленію въ

девятую Пятницу по Пасхѣ, а Одигитрій, въ день Покрова, 1-го Октября. Съ тѣхъ поръ эти дни, особенно первый, сдѣлались и многочисленными торговыми ярмарками при монастырѣ.

Псковичи, какъ усердные ревнители благочестія, испросили въ послѣдствіи разрѣшеніе, чтобъ чудотворныя Святогорскія иконы посѣщали въ десятую Пятницу по Пасхѣ Псковь, что исполняется и понынѣ. Иконы изъ монастыря приносятся на рукахъ въ село Тригорское, къ рѣкѣ Сороти, впадающей въ Великую, отсюда на судахъ по Великой, мимо города Острова, плывутъ до Лыбудскихъ пороговъ, а оттуда на рукахъ иконы приносятся во Псковь, и въ слѣдующее Воскресенье, послѣ Литургіи въ Троицкомъ Соборѣ, обносятся около Средняго Города. Въ послѣдующую Среду иконы отправляются тѣмъ же путемъ обратно, и останавливаются для богомольцевъ въ городѣ Островѣ. Соревнователи Псковитянъ въ благочестіи, Поворжевцы и Опочане, исходатайствовали и себѣ разрѣшеніе на посѣщеніе чудотворныхъ иконъ. Съ 29-го Августа по 8-е Сентября, Святогорскія иконы приносятся въ

ихъ города на рукахъ усердныхъ богомольцевъ

Нынѣ при монастырѣ двѣ каменные церкви: одна Успенія, построенная въ 1569 г., увеличенная въ послѣдствіи пристроенными придѣлами: съ южной стороны, во имя Одигитріи, въ 1772, а съ сѣверной стороны, Покрова, въ 1776 году; другая церковь воздвигнута въ 1784, во имя Святителя Николая. Каменная колокольня при Успенской Церкви, начатая еще въ прошломъ столѣтіи, но недоведенная до третьяго яруса, достроена въ такомъ видѣ въ 1821 году. Изъ замѣчательнѣйшихъ вкладовъ при монастырѣ хранятся ризы, епатрахиль, двѣ пары поручей, стихарь, орарій и воздухъ съ двумя покровцами, принесенные въ даръ Великою Княжною Екатериною Іоанновною, въ послѣдствіи Герцогинею Мекленбургскою, скончавшеюся въ С. Петербургѣ въ 1732 году. До введенія штатовъ, за монастыремъ числилось 957 душъ крестьянъ

Ганнибалы и Пушкины, жившіе съ давнихъ временъ въ окрестностяхъ Святогорскаго Монастыря, усердіемъ и пожертвованіями на монастырскія церкви, приобрѣли исключительное

право погребать близъ нихъ умершихъ изъ рода своего; ветхія, полуразрушенныя могилы ихъ разсыяны вокругъ Успенской Церкви. Надъ могилою А. С. Пушкина, близъ церковнаго алтаря, возвышается простой изящный саркофагъ изъ бѣлаго мрамора, осыенный золоченымъ крестомъ. Надпись указываетъ время рожденія и кончины поэта.

Посѣтивъ могилу Пушкина, и узнавъ отъ почтеннаго Отца Веніамина переданныя мною вамъ подробности о вѣреннѣйшемъ настоятельству его обители, мы присутствовали при совершеніи въ Николаевской Церкви обѣдни. Черныя, величавыя одежды шоковъ, ихъ блѣдныя лица, полныя благочестиваго смиренія, стройное, величественное пѣніе ихъ хоровъ, среди всеобщей благоговѣйной тишины, наконецъ самое малолюдство и уединеніе обители, все это оставило во мнѣ впечатлѣнія неизгладимыя. Здѣсь, подъ сѣнью безмолвія и созерцанія духовнаго, величіе обрядовъ нашей Церкви и ихъ глубокой смыслъ, производятъ дѣйствіе невыразимое на удрученную заботами міра душу Христіанина, и молитва его подъ мрачными сводами монастыря, не смущаемая ничѣмъ внѣшнимъ,

наполняя душу благочестивымъ восторгомъ, возносится къ небу, какъ чистый эфиръ....

Напутствуемые благословеніями братіи, мы отправились изъ монастыря ихъ въ село Михайловское, принадлежавшее Пушкину. Въ проводники намъ былъ данъ старикъ, монастырскій служитель. Онъ часто видалъ Пушкина въ дѣтствѣ и въ юности, и разсказалъ о немъ нѣскольکو случаевъ, хотя незначительныхъ, но въ которыхъ видѣнъ пылкій, благородный характеръ поэта. Слушая разсказы о немъ, мы въѣхали въ бывшія его владѣнія. Они начинаются огромнымъ сосновымъ паркомъ; проѣхавъ съ версту по опушкѣ его, мы повернули направо въ широкую прямую аллею, ведущую къ дому, на пространствѣ по крайней мѣрѣ версты; въ сторонѣ отъ дороги стоитъ уединенно забытая и опустошенная бесѣдка безъ оконъ. Глядя на заглохпій паркъ, я сказалъ своему спутнику: «вотъ настоящій

«Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ Дріадъ.»

Еще издали представился любопытнымъ взорамъ нашимъ домикъ Пушкина, стоящій одиноко, почти въ двухъ верстахъ отъ деревни Ми-

хайловской. Въ этомъ домикѣ, столь же драгоценномъ для Русскихъ, какъ для Англичанъ домъ Шекспира, для Французовъ дома Вольтера и Руссо, для Нѣмцевъ Шиллера и Гёте, нѣсколько времени постоянно жилъ Пушкинъ, и послѣ, изъ Петербурга, почти каждую осень прїѣзжалъ сюда. Многія произведенія его здѣсь обдуманы, еще большее число здѣсь написаны.

Михайловское было нѣкогда постояннымъ мѣстопробываніемъ Пушкина. Вотъ что говоритъ о немъ самъ поэтъ въ посланіи къ Языкову:

«Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ
Скрывался праѣдъ мой, Арабъ;
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И дворъ, и пышные обѣды,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя....»

Наружность деревяннаго, уже обветшалаго одноэтажнаго дома Пушкина (*), очень проста.

(*) Любопытно указать на № 9-й Иллюстраціи 1848, въ которомъ помѣщено довольно вѣрное изображеніе какъ домика Пушкина, такъ и Святогорскаго Монастыря.

Отъ дому тянутся на обѣ стороны службы. Передъ домомъ, со стороны парка, есть небольшой скверъ. На звонъ нашего колокольчика выбѣжалъ босой мальчикъ. «Увидѣть барскій домъ нельзя ли?» спросилъ я его словами Татьяны, посѣтившей забытое жилище Оиѣгина. Ключи были принесены, и мы вошли, съ главнаго середняго крыльца, въ довольно большую комнату.

«Забытый въ залѣ

Кій на бильярдѣ отдыхалъ.»

Самый билліардъ, обветшалый, со сгнившимъ, оборваннымъ сукномъ, стоялъ печально въ углу. Единственное украшеніе этой комнаты двѣ посредственныя гравюры, изображающія женскія головы. Отсель налѣво, двѣ комнаты; въ одной изъ нихъ дѣтскія кровати, колыбели и т. п. Другою стороною домъ обращенъ къ рѣкѣ Сороти. Здѣсь были спальня и кабинетъ Пушкина; теперь тутъ ветхость и запустѣнье: сгнившіе полы, отвалившаяся со стѣнъ штукатурка, потолки, въ иныхъ комнатахъ провалившіеся, а въ другихъ угрожающіе ежеминутнымъ паденіемъ.... вездѣ геній разрушенія положилъ сокрушительный слѣдъ свой.... Я поспѣшилъ на

дворъ, та чистый воздухъ, чтобъ удалить отъ себя это морозящее чувство, зрѣлище обветшалости и дикой пустоты въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ билось сердце, улыбались уста, раздавались привѣтливые звуки задушевной рѣчи.... Я прошелъ мимо службъ, мимо конюшень; но всѣ двери и окна забиты наглухо; тянуційся вдоль, рѣшетчатый, деревянный заборъ утратилъ слѣды краски; ее давно смыло дождемъ, и обнаженное дерево подверглось обыкновенному процессу гніенія; дикая трава свободно разрослась вездѣ по двору и по тропинкамъ: по нимъ когда-то ходили, на нихъ до сихъ поръ сохранились слѣды человѣческіе, а теперь вездѣ безмолвіе, уныніе, нигдѣ не видно живаго существа.... Вы торопливо удаляетесь, идете впередъ, и вотъ передъ вами калитка, которая такъ часто отворялась отъ легкаго прикосновенія руки поэта; теперь калитка обветшала и стоитъ настезь. Вы чрезъ нее проходите въ садикъ, и взоръ вашъ и чувства отдыхаютъ, любуясь очаровательною картиною рѣчки, озера, цѣпи холмовъ и прибрежнаго лѣса. Вы ищете глазами тропинки, по которой такъ часто поэтъ спускался къ рѣкѣ, чтобъ освѣ-

житься къ ея волнахъ (*); но дорожка заросла травой, и слѣдовъ ея не видно. Въ грустномъ раздумьѣ вы долго смотрите то на домъ, такъ много измѣнившійся съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ нѣтъ его хозяина, то на противоположное зрѣлище вѣчно прекрасной, вѣчно — юной природы. Вамъ хотѣлось бы унести, на память посѣщенія хоть цвѣтокъ; но вы напрасно станете искать его: вы окружены ковылемъ да бурьяномъ. Съ тяжелою грустью въ сердцѣ вы оставляете жилище поэта, и черезъ дворъ входите въ знакомый вамъ паркъ, на который вы, въ нетерпѣннн скорѣе видѣть домъ, прежде мало обращали вниманія. Но здѣсь васъ поражаетъ то же запустѣннє, то же отсутствіе заботливости и порядка. Впрочемъ, впечатлѣннє, производимое на васъ дикостью сада, его заглухшими аллеями и дорожками, какимъ — то сиротствомъ, которому обреченъ здѣсь каждый кустъ, каждое дерево; впечатлѣннє это исполнено ка-

(*) Извѣстно, что Пушкинъ любилъ купаться. Можно вообразить сколько удовольствія доставляла ему близость рѣки. Въ Онѣгинѣ, котораго IV, V и VI главы писаны въ Михайловскомъ, онъ часто упоминаетъ о томъ, что тогда его веселило.

кой-то безотрадной, мрачной поэзии.... и чудится вамъ, что въ густотѣ вѣтвей мелькаетъ таинственное видѣніе, и предъ вами возникаетъ грустная тѣнь поэта, прилетающая къ пустыннымъ берегамъ, въ забытую рощу....

Здѣсь позволю себѣ привести стихотвореніе, которое было *последнимъ* плодомъ пера Пушкина, и въ которомъ выражена трогательная грусть поэта при возвращеніи въ Михайловское, послѣ десятилѣтняго отсутствія.

«Опять на родинѣ! Я посѣтилъ
 Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
 Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
 Ужъ *десять лѣтъ* ушло съ тѣхъ поръ, и много
 Перемѣнилось въ жизни для меня;
 И самъ, покорный общему закону,
 Перемѣнился я. Но здѣсь опять
 Минувшее меня объемлетъ живо,
 И кажется, вечеръ еще бродилъ
 Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домикъ,
 Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
 Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
 Не слышу я шаговъ тяжелыхъ,
 Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
 И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто

Я сживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
 На озеро, вспоминая съ грустью
 Иные берега, иныя волны....
 Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ
 Оно, спнѣя, стелется широко:
 Черезъ его невѣдомыя воды
 Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
 Убогш неводъ. По берегамъ отлогимъ
 Разсѣяны деревни; тамъ за ними
 Скрывалась мельница, насилу крылья
 Ворочая при вѣтрѣ....

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
 Гдѣ въ гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоять, — одна поодаль, другія двѣ
 Другъ къ другу близко; — здѣсь, когда ихъ мимо
 Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
 Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ
 Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
 Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
 Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
 Теперь молодая роща разрослась;
 Зеленою семьей кусты тѣснятся

Подъ сѣнью ихъ какъ дѣти. А вдали
 Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
 Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
 По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! Не я
 Увижу твой могучій поздній возрастъ,
 Когда переростешь моихъ знакомцевъ
 И старую главу ихъ заслонишь
 Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
 Услышитъ твой привѣтный шумъ, когда,
 Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
 Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полный,
 Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
 И обо мнѣ вспоманетъ....»

Изъ Михайловскаго мы прежнимъ путемъ
 возвратились чрезъ Островъ во Псковъ. От-
 селъ намъ очень хотѣлось направить обратный
 путь въ Дерптъ сухимъ путемъ, представляв-
 шимъ возможность, на пространствѣ 256-ти
 верстъ видѣть Изборскъ, древнюю столицу Тру-
 вора, Печоры съ знаменитымъ монастыремъ,
 устроеннымъ въ утробѣ горы, и два Остзей-
 скіе города, Верро и Валкъ. Поѣздка эта бы-
 ла рѣшена; но небо покрылось тучами, пошелъ
 проливной дождь, продолжавшійся двое сутокъ,

и мы принуждены были отплыть въ Ливонскія Аѣины, на прежнемъ пароходѣ. Пароходъ этотъ совершаетъ плаваніе по два раза въ недѣлю между Дерптомъ и Псковомъ, и такимъ образомъ сливается, такъ сказать, не только эти два города, но и вообще Лифляндію съ Псковскою Губерніею, соединяя ихъ взаимные матеріальные интересы. Говоря о переѣздѣ изъ Ливоніи въ предѣлы Псковскіе, переѣздѣ, совершающемся такъ незамѣтно, такъ быстро, я упомянулъ вскользь о томъ, что эти двѣ страны, хотя сонредѣльные, носятъ печать совершенно различнаго характера. Учрежденіе правильныхъ сообщений между Дерптомъ и Псковомъ, заслуживаетъ полной нашей признательности. Утѣшительно видѣть, что пути сообщенія распространяются у насъ съ каждымъ годомъ: не только воды Балтійскаго, Чернаго, Азовскаго Морей, но почти всѣхъ большихъ озеръ и рѣкъ нашихъ разсѣкаются пароходами. Желательно бы только, чтобъ кто нибудь оказалъ публикѣ услугу издашемъ брошюры съ показаніемъ существующихъ въ Россіи этого рода сообщений, времени и мѣста отправления и прибытія пароходовъ, проходимаго ими пространства, необходимыхъ условій и

проч. (*). Само собою разумѣется, что къ брошюрѣ должна быть приложена и объяснительная карта. Успѣхъ пароходства много зависитъ отъ степени ихъ извѣстности, и потому изданіе брошюры, о которой мы говоримъ, послужило бы къ взаимной пользѣ и учредителей пароходства и публики. Въ нынѣшнемъ же положеніи дѣль, кто не испытывалъ величайшихъ затрудненій, чтобъ узнать что нибудь о пароходствѣ по Днѣпру или по Волгѣ? Свѣдѣнія объ этомъ не легко получить даже въ Петербургѣ, исключительномъ центрѣ всѣхъ нашихъ коммерческихъ предпріятій и дѣятельности. Что же прикажете дѣлать въ этомъ случаѣ человеку, живущему, положимъ, хоть въ Чухломѣ или Весьегонскѣ?

Въ такихъ размышленіяхъ, мы изъ Великой выѣхали въ Псковское Озеро. Шелъ дождь, и вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лице. Нашъ рулевой Михайло замѣтилъ, что это дуетъ *сѣве-*

(*) У насъ, къ сожалѣнію, донынѣ не издано общаго расписанія отиравленій ни Пискаго пароходства, ни многочисленныхъ нашихъ городскихъ каретъ. Отъ этого весьма многіе лишены возможности ими пользоваться.

рикъ, и потому плаваніе наше будетъ не безъ *оказій*. Названіе *сѣверикъ*, совершенно новое для моего слуха, повело къ разговору о техникѣ Русскаго мореходства, и рулевой нашъ сообщилъ мнѣ всѣ употребляемыя нашими доморощенными моряками названія вѣтровъ и полувѣтровъ. Вотъ они: *мокрикъ*, *западъ*, *сѣверикъ*, *сточей*, *тепликъ* и *полуденникъ*. Это одинъ изъ тысячи источниковъ, въ которыхъ можно черпать слова чисто Русскія, вмѣсто иностранныхъ, большая часть которыхъ испещряетъ нашъ языкъ часто безъ всякой надобности. Для названія двѣнадцати мѣсяцевъ, могли бы быть, кажется, употребляемы названія Славянскія: такъ напримѣръ, *Червень*, *Липецъ*, *Серпень*, Русскому слуху пріятнѣе нежели *Іюнь*, *Іюль*, *Августъ*. Нѣкоторые наши писатели и знатоки Русскаго Языка (иѣтъ надобности называть ихъ), обратили уже вниманіе на произвольное введеніе въ нашъ прекрасный сильный языкъ словъ и оборотовъ, чуждыхъ его потребностямъ, духу и направленію. Въ этомъ положеніи вещей ощущается живѣйшая необходимость обратиться къ роднымъ началамъ, къ разработкѣ богатаго рудника Русскаго Слова въ предѣлахъ нашей

собственной народности. Дѣятельное изученіе, въ послѣднее время, Славянскихъ нарѣчій, принесетъ, конечно, пользу и нашему языку, и мы надѣемся, что уже недалеко отъ насъ время, когда чужестранныя слова, въ родѣ: *женировать, компромитировать, эмансипировать, безъ задней мысли* (т. е. *sans arrière pensée*), для которыхъ у насъ нѣтъ пока равносильныхъ и однозвучныхъ выраженій, будутъ вытѣснены, со временемъ, словами или оборотами, выработанными или взятыми если не изъ самаго Русскаго Языка, то по крайней мѣрѣ изъ родственныхъ ему нарѣчій Славянскихъ народовъ, изъ которыхъ многіе обладаютъ даже замѣчательными литературами. Наконецъ Языкъ Церковно-Славянской и старинный книжный Русскій, сдѣлавшійся пылъ, благодаря превосходнымъ изданіямъ Археографической Комиссiи при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, достанетъ общими, представляютъ также богатый запасъ словъ и оборотовъ сильныхъ, выразительныхъ и благозвучныхъ. Словомъ, трудолюбивой ревности нашихъ ученыхъ на пути изслѣдованій и разработки сокровищъ Русскаго Слова предстоитъ обширное и славное поприще....

Между тѣмъ, *сѣверикъ*, давній миѣ поводъ къ длинному отступленію, за которое прошу снисхожденія благосклоннаго читателя, въ самомъ дѣлѣ, держался упорно, и въ открытомъ озерѣ разыгрался не на шутку.... Валы вздымались, шумѣли, все предвѣщало близкую бурю....

«Громадныя тучи нависли широко
Надъ бездной, и скрыли блистательный день,
И въ синю пучину спустились глубоко,
И въ ней улеглась тяжелая тѣнь;
Но гнѣвная бездна уже негодуетъ,
Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ,
И палъ великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ.
И вотъ сеон смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребни колебля, идутъ....»

Идутъ и разбиваются съ шумомъ и грохотомъ объ носъ парохода. Въ эти минуты здѣлище разъяренной стихіи исполнено высокой поэзіи. Вы смотрите въ даль,

«Въ тотъ часъ, какъ съ края въ край на волновомъ просторѣ
Гроза рокочетъ и реветъ,

А побѣдительъ волнь, громовъ и непогодъ
И смѣль и гордъ своею славой,
Корабль, въ даль бурныхъ водъ уходитъ величаво....»
Павстрѣчу ему несутся гнѣвныя волны и съ шумомъ и яростію разбиваютъ объ него свои быстрые бѣлоголовые валы. Пароходъ, разсѣкая ихъ напоръ, то подымается, то нисходитъ съ зыбкихъ водныхъ вершпъ, и медленно, по неуклонно подвигается впередъ. Между тѣмъ, разбиваясь въ бокъ судна, волны рассыпаются въ воздухъ въ миллионы брызговъ; онѣ, блеснувъ надъ вами своими чудными радужными отливами, внезапно и мгновенно обливаютъ васъ съ головы до ногъ и крупными каплями покрываютъ палубу. Снасти трещагъ въ борьбѣ съ ежеминутными порывами вѣтра. Даль озера сливается съ синевою далекихъ береговъ; вокругъ судна все движется, шумитъ, волнуется.... Мы едва, едва подвигались впередъ: это обстоятельство заставило насъ бросить якорь. На якорѣ мы провели вечеръ и ночь. Я оставался на палубѣ. Небо прояснилось; взошла луна; передъ разсвѣтомъ она бросала на берега и воды послѣдніе кроткіе лучи свои. Въ какомъ дивномъ величій является намъ природа,

когда задумавшись, уединенно, вы слышите од-
нообразные удары волнъ въ пустынный берегъ,
вдыхаете въ грудь свѣжесть и спокойствіе раж-
дающагося утра, при блѣдномъ, матовомъ свѣ-
тѣ скрывающагося за дальнимъ лѣсомъ, дву-
рогаго мѣсяца.

Рано утромъ буря утихла. Мы снялись съ
якоря и благополучно возвратились къ госте-
пріимнымъ берегамъ *Аловжи* (*), этой

«Красавицы, задумчиво бродящей
То въ густоту своихъ лѣсовъ
Скрывающей себя, то на поляхъ блестящей
Подъ опахаломъ парусовъ.
Пажитной, милой и безсонной
Среди хозяйственныхъ заботъ
Любящей стукъ колесъ и плескъ неугомонной
И гулъ работающихъ водъ.»

Вотъ полный отчетъ о моихъ странство-
ваніяхъ. Разказомъ объ нихъ мнѣ хотѣлось
доказать (успѣлъ ли я, не мнѣ судить), что пу-
тешествія по Россіи, благодаря распростра-

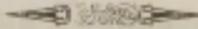
(*) Русское названіе Эмбаха.

ющимся у насъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ вообще, и по части путей сообщенія въ особенности, путешествія не только возможны, но въ высокой степени поучительны и пріятны. Передъ западной Европой, гдѣ каждый уголокъ давно изслѣдованъ и всѣмъ извѣстенъ — путешествія у насъ, дома, имѣютъ даже то преимущество, что дѣвственная почва нашего обширнаго отечества представляетъ любознательности путника обширное, почти невоздѣланное поприще. Цѣлью путешествій по Россіи можетъ быть, съ одной стороны, расширеніе предѣловъ науки, съ другой ближайшее познаніе родной стороны, свойствъ и богатствъ ея, въ высшей степени разнообразной природы. Почти каждый изъ нашихъ университетовъ посылаетъ ежегодно изъ среды своей ученыхъ для дѣятельности на этомъ поприщѣ, всегда новымъ, всегда неистощимомъ для любознательности. Но усиліямъ Правительства должны содѣйствовать и частные люди. Съ чувствомъ сердечнаго удовольствія указываемъ на опыты такихъ путешествій, между прочими: А. Н. Демидова, Гг. В. Пассека и А. Терещенка. Изданныя ими книги, относящіяся къ ихъ путешествіямъ, кромѣ

важнаго значенія для насъ, могутъ познакомить съ Россією иностранцевъ, и удостовѣрять о богатствѣ нашей природы. Сколько есть людей умныхъ и образованныхъ, которые, не выѣзжая изъ Петербурга далѣе Павловска и Парголова, съ словами: *губернія, провинція*, соединяютъ какое-то странное понятіе. Къ сожалѣнію, иные изъ коренныхъ Петербуржцевъ думаютъ, что за Царскимъ Селомъ и Гатчиной начинается глушь, дичь, нѣчто въ родѣ Аравійскихъ Степей: что обитатели этихъ странъ всѣ, безъ исключенія, менѣе или болѣе съ родни героямъ *Ревизора* и *Мертвыхъ Душъ*. Заблужденіе непростительное! Пороки и странности есть *вездѣ*.... Истина узнается посредствомъ сравненій, а для этого надобно постранствовать да посмотрѣть. Со стороны чисто матеріальной путешествія также приносятъ большую пользу: движеніе, чистый деревенскій воздухъ, разсѣяніе, развлеченіе — все это лучше всякихъ лекарствъ освѣжаетъ васъ и обновляетъ силы для новыхъ трудовъ сидячей, кабинетной жизни.

Нравственное же вліяніе путешествій по Россіи еще важнѣе: ближайшее знакомство съ

отчизною усиливаетъ нашу любовь къ ней, и заставляеть стремиться къ усовершенствованіямъ въ области благаго просвѣщенія.

VI.

Грузино, Новгородъ, Боровичи, Устюжна.

ЧЕСМА. Средняя Рогатка. Шушарское болото. Славянка. Ижора. Ямщики. Исторія Ингерманланди. Чудово. Грузино. Его исторія и памятники. Воспоминаніе о Суворовѣ и Державинѣ. Откуда произошли *почты* и *ямы*. Рѣчка Пидьба. Военныя поселенія. Новгородъ. Софійскій Соборъ. Волховъ. Боровичи. Мста и ея пороги. Устюжна. Ея исторія.

(1849.)

Быль осенній ненастный вечеръ, самая лучшая пора для тихихъ семейныхъ или дружескихъ бесѣдъ вокругъ пылающаго камина или шумящаго самовара, за чайнымъ столомъ, гдѣ

Не жидкій, какъ вода или напитокъ дѣтскій,
Но Русью вѣющій, но сочный, но густой,
Горячій льется *чай* янтарною струей.

Небольшой кружокъ молодыхъ людей распивалъ чай. Рѣчь зашла о томъ, какъ и гдѣ

кому удалось провести лѣто, и одинъ изъ собесѣдниковъ, незадолго предъ тѣмъ возвратившись изъ поѣздки, началъ слѣдующій разговоръ.

«Вы помните. сказалъ онъ, какъ я расстался съ вами. Въ Отдѣленіи почтовыхъ каретъ я весело усѣлся на свое возвышенное мѣсто, впереди почтоваго брика. Я всегда предпочитаю эти мѣста мѣстамъ внутри экипажа: они открыты и даютъ возможность дышать чистымъ воздухомъ и глядѣть на свѣтъ Божій. По звонкой мостовой мы въѣхали въ Демидовъ переулокъ, огласившійся звуками трубы нашего кондуктора, возвѣстившими отправленіе изъ Петербурга тяжелой почты. Съ этой почтой шло два брика и карета.

Миновавъ скотопригонный дворъ съ его бронзовыми быками, мы приближались къ Московскимъ триумфальнымъ воротамъ. Я оглянулся, и глазамъ моимъ представилась превосходная панорама нашей Сѣверной Пальмиры, надъ которой возвышались золотые куполы церквей, озаренные вечернимъ солнцемъ. Миѣ весело было думать, что я оставляю Петербургъ на довольно продолжительное время, когда онъ,

лишенный обычнаго своего движенія и дѣятельности, становится малолюдень, душень и скучень, что это время я проведу въ дорогѣ, увижу вновь милыя мѣста...

За заставой начинаются дачи. Но видъ ихъ печалень былъ въ ту пору: ставни закрыты, нигдѣ ни живой души; кругомъ обнаженные деревья; травка кое-гдѣ насилу пробивается изъ едва-оттаявшей земли. Зрѣлище чрезвычайно грустное, особенно когда вспомнишь, что дѣло было наканунѣ 1-го Мая, когда Петербургъ встрѣчаетъ въ Екатерингофѣ праздникъ весны. Проѣхавъ дачи, я взглянулъ по сторонамъ и изумился: рвы, рывины, даже низменные мѣста — все наполнено было снѣгомъ. Отъ дѣйствія солнечныхъ лучей онъ оттаялъ и получилъ форму цѣпи горъ, точь-въ-точь какъ изображаютъ на рельефныхъ картахъ Альпы или Кавказскій хребетъ.

Между тѣмъ мы проѣхали Чесму — пріютъ заслуженныхъ и престарѣлыхъ воиновъ. Дворецъ Чесменскій, въ которомъ помѣщается ихъ богадѣльня, построенъ, какъ извѣстно, при Императрицѣ Екатеринѣ Великой, въ 1770 г., по плану Фельтерна, въ память знаменитой побѣ-

ды, одержанной Русскимъ флотомъ надъ Турками. Комнаты и круглая зала Чесменскаго дворца украшены портретами владѣтельныхъ Особъ, царствовавшихъ въ Европѣ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, и мраморными медальонами нашихъ Царей и Великихъ Князей, сдѣланными въ Каррарѣ съ извѣстныхъ медалей. При Императрицѣ Екатеринѣ II здѣсь собиравалась, подъ личнымъ Ея предсѣдательствомъ, Кавалерская Дума Ордена Св. Побѣдоносца Георгія. Небольшой дворцовый храмъ во имя Св. Предтечи и Крестителя Іоанна украшенъ иконостасомъ походной церкви Петра Великаго, вышитымъ шелками и золотомъ по бархату, въ старинномъ Греческомъ вкусѣ. Храмъ этотъ, такъ же какъ и главные ворота съ башнями, носятъ отпечатокъ Готической Архитектуры; самый же дворецъ построенъ въ Азіатскомъ вкусѣ, съ треугольными замками, съ цилиндрическими отсѣченными башнями по угламъ и большимъ пуполомъ въ серединѣ, полузакрытомъ высокими липами. Начальствовавшій нашимъ *Домомъ Инвалидовъ*, незабвенный И. П. Скобелевъ, заботился не только о внѣшнемъ и матеріальномъ благосостояніи ввѣрен-

ныхъ попеченіямъ его ветерановъ, но еще хотѣлъ быть имъ полезенъ какъ Писатель. Сочиненія покойнаго Ивана Никитича извѣстны всѣмъ, и занимаютъ почетное мѣсто въ нашей Литературѣ. Никто такъ мастерски не умѣлъ говорить простымъ, но полнымъ здраваго смысла языкомъ солдата, никто такъ убѣдительно и сознательно не выразилъ чувствъ признательности, одушевляющихъ ветерана, нашедшаго пріютъ, спокойствіе и довольство подъ сѣнью благодѣтельнаго учрежденія...

Первая подставная станція отъ Петербурга — *Средняя Рогатка* или *Четыре руки*, прежде называвшаяся *Три руки*. Здѣсь поворотъ въ Ижору, а прямо дорога идетъ въ Царское Село; она освѣщалась въ прежнее время 1100 фонарями; здѣсь обращаютъ на себя вниманіе проѣзжаго, какъ и по Петергофской дорогѣ, великолѣпные изъ дикаго камня и разноцвѣтныхъ мраморовъ построенные верстовые столбы, какихъ нѣтъ во всей Россіи. Домъ или Путевой Дворецъ, въ которомъ помѣщается у *Четырехъ рукъ* Почтовая гостинница, одинъ изъ самыхъ красивыхъ между обѣими нашими столицами, былъ нѣкогда лѣтнимъ пребываніемъ

Императрицы Елисаветы Петровны. Здѣсь умеръ въ 1757 году соперникъ Фридриха — Апраксинъ. Близъ этой станціи, въ 1826 г. печальная колесница съ бранными останками Императора Александра Благословеннаго была везена до самой Чесмы Среднерогатскими колонистами, которые испросили себѣ на то позволеніе и встрѣтили колесницу на границѣ своей земли у деревни Каменки; къ нимъ присоединились прочіе колонисты, предшествуемые 10 молодыми дѣвцами въ бѣлыхъ платьяхъ и черныхъ козынкахъ.

Верстахъ въ десяти отъ Средней Рогатки Шушарское болото, т. е. насыпь по болоту, превосходно удобренному Англичаниномъ Вилерсомъ. Лѣтъ за пятнадцать предъ симъ, здѣсь были топи, гниль и мѣста непроходимыя; а теперь вездѣ обработанныя, засѣяныя зеленѣющіяся поля. Здѣсь же построена деревня Шушары, въ которой возвышается красивая Англійская ферма съ хозяйскими заведеніями, крестьянскими домами и угодьями. Вотъ истинное торжество Науки и трудолюбія! Самые долговѣчные памятники — суть предпріятія, подъемлемыя Правительствами для блага обществен-

наго Давно исчезли съ лица земли пышные чертоги Фараоновъ, разрушились громадныя амфитеатры тиранновъ Сиракузскихъ, между тѣмъ какъ водопроводы Гальбовъ и дороги Августовъ останутся вѣчнымъ доказательствомъ величія царствъ и попеченія Монарховъ о благѣ народномъ. Къ такимъ безсмертнымъ предпріятіямъ должно причислить и въ высшей степени благодѣтельное дѣло осушенія окрестностей нашей Сѣверной столицы: важныя, существенныя пользы предпріятія этого неисчислимы!

Далѣе — другая Шушара или Сусары, село, присоединенное къ дачѣ Александроневскаго монастыря. Село это населено первоначальными жителями прибрежныхъ окрестностей новой столицы — Чухонцами. Здѣсь послѣдній пунктъ, гдѣ встрѣчается Финское племя, двуколесныя его телеги, маленькія лошадки и другія особенности.

Мы вѣхали въ большое, правильно построенное село. Это слобода Славянка, среди которой возвышается каменная съ двумя куполами церковь. Здѣсь протекаетъ рѣчка, называющаяся также Славянкою. Рѣчка эта, принявъ въ себя рѣчку Кузминку или Утку, впа-

даетъ въ нашу прекрасную Неву, рѣку знаменитую въ глубокой древности, служившую главнымъ путемъ для Готѣвъ, Варяговъ, для Владиміра, Ярослава, Александра Невскаго, для Ганзы, Шведовъ и Еми, и наконецъ способствовавшую Великому нашему Преобразователю къ исполненію благихъ его намѣреній. Что касается собственно Славянки, то берега ея замѣчательны расположенными на нхъ кирпичными заводами.

Московская дорога однообразна. Тутъ проѣзжему не на чемъ остановить особеннаго вниманія: гладкое, какъ паркетъ, шоссе, поля по обѣимъ сторонамъ, кое-гдѣ мелкій лѣсокъ, все ровно и однообразно; изрѣдка попадетса на встрѣчу дилижансъ съ полусонными пассажирами, проскачетъ запыленный курьеръ; иногда плетется безконечный обозъ, гдѣ все поражаетъ громадностію размѣровъ: рогожняя кибитки, лошади съ пестрыми дугами и люди питомцы *Великой* — Россіи, могучіе, пригожіе, въ своихъ высокихъ, остроконечныхъ шляпахъ. Мужики сидятъ часто въ телегѣ кучками и слушаютъ, какъ одинъ изъ нихъ читаетъ книгу, какую-нибудь народную сказку, до кото-

рыхъ крестьяне наши такіе охотники. На лицахъ слушателей написано величайшее вниманіе: они, кажется, не роняютъ ни одного словечка изъ того, что слышатъ. Въ народѣ Русскомъ, полномъ жизни, молодости и силы, чрезвычайно много любви къ чудеснымъ, поэтическимъ вымысламъ: рассказы о небывалыхъ приключеніяхъ сказочныхъ героевъ воспаляютъ воображеніе и даютъ обильную пищу игривой фантазіи. Но какой праздникъ для Русскаго мужичка, если вмѣсто мертвыхъ буквъ, съ которыми иной разъ такъ трудно ему сладить чтобъ изъ нихъ вышло какое-нибудь слово, попадется челоуѣкъ бывалый, обвѣшанный медалями ветеранъ, и въ живой, одушевленной рѣчи расскажетъ про свои походы на Бонапарта, про свое житъе-бытѣ въ Нѣмецкой землѣ, про Генераловъ —

Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью Двѣнадцатаго года.

(Пушкинъ).

По прекрасному мосту, какихъ на Московскомъ шоссе много, мы переѣхали чрезъ рѣку Ижору, называвшуюся въ древности Ингрою. Теперь здѣсь почтовая станція. Бере-

га Ижоры (впадающей въ Неву въ 22-хъ верстахъ отъ Петербурга), имѣютъ значеніе историческое: здѣсь Александръ Невскій велъ побѣдоносныя брани съ Шведами, предводимыми Королемъ Магнусомъ, здѣсь раненнымъ. Побѣды доблестнаго Александра Невскаго, одержанныя болѣе шести вѣковъ тому (1240) какъ надъ Шведами, такъ и надъ Ливонскими Рыцарями, имѣли послѣдствія въ высокой степени знаменательныя: онѣ воспламенили мужество обонхъ Іоанновъ и подвигнули Петра Великаго къ новымъ побѣдамъ, расширившимъ предѣлы и упрочившимъ величіе нашего Отечества. Въ Ижорѣ былъ прежде Оспопрививательный Домъ, гдѣ, около 1768, была въ *первый разъ* привита коровья оспа Докторомъ Штрэнге. Извѣстно, что первый примѣръ этому благодѣтельному нововведенію у насъ въ Россіи подала собою Императрица Екатерина II. Здѣсь на-лѣво поворотъ въ село Колпино, славящееся своими адмиралтѣйскими заводами, основанными Петромъ Великимъ. Теперь ѣздить туда ежедневно изъ Петербурга по новой Московской желѣзной дорогѣ.

Въ древности, когда Новгородъ велъ тор-

говлю съ городами Ганзейскими, Новгородцы высылали въ Ижору лодочниковъ на встрѣчу иностраннымъ куицамъ; тутъ перегружали товары на маленькія лодки и безопасно проходили чрезъ пороги Невскіе и Волховскіе.

Съ *тяжелой* почтой мы ѣхали не хуже *легкой*. Лошади вездѣ здоровыя, свѣжія, лихія. Ямщики одинъ другаго ловчѣе, проворнѣе, молодцоватѣе. Въ самомъ дѣлѣ, ямщики между обѣими нашими столицами отличаются какою-то имъ однимъ свойственною бойкостію и смышленостію. Маленькую шляпу, непременно украшенную перьями, они надѣвають больше на брови, чѣмъ на бекрень: въ движеніяхъ ихъ много ловкости; въ осанкѣ и во взглядѣ гораздо болѣе естественности и непринужденности, чѣмъ у иныхъ людей, стоящихъ выше ихъ на ступеняхъ общественной лѣстницы. Когда ямщикъ вскочитъ на козлы, да возьметъ возжи въ руки, тутъ онъ на своемъ мѣстѣ, въ родной сферѣ. Истинный ямщикъ никогда почти не прибѣгаетъ къ пособію плети: лошади повинуются его повелительному голосу и одному движенію возжей.

Не многимъ, конечно, извѣстно, что за

Ижорою, близъ Тосны, — огромнаго селенія, тянущагося версты на три, — сдѣлано въ наше время весьма полезное открытіе. Г. Рикардъ, искавшій камня для построеній Исаакіевскаго собора, открылъ здѣсь (1826) превосходный камень для процѣжпванья или для очищенія воды. Прежде камень этотъ выписывался за дорогую цѣну изъ Парижа.

Бросимъ бѣглый взглядъ на прошедшее этого края, извѣстнаго въ старину подъ именемъ Ингерманландіи. Здѣсь обиталъ народъ Финскаго или Чудскаго племени: Воты, Водь, Вожане. Имя Вотовъ, какъ подвластныхъ Новгородцамъ, впервые встрѣчается въ нашихъ Лѣтописяхъ въ половинѣ XII вѣка: «Въ лѣто 1149 придоша *Емъ* (Финляндцы) на *Вотъ* ратию въ тысяцѣ, и услышавше Новгородци поидоша на нихъ въ 500 съ воеводою своимъ, и не упустиша ни мужа». По преданіямъ, предшествующимъ Исторіи, Воты еще въ V вѣкѣ жили при Финскомъ заливѣ, отъ Восточныхъ береговъ рѣки Наровы до Копорья, и за нею до р. Ижоры. Герберштейнъ говоритъ, что Водская земля лежитъ на лѣвой сторонѣ замка Иванягорода. Татищевъ названіе Вотовъ произво-

дить отъ Сарматскаго слова *vote* — здѣшній, туземный (тутошній); а Лербергъ говоритъ, что народъ этотъ, какъ жившій при морскомъ заливѣ, могъ получить свое названіе отъ воды; но вода на ихъ языкѣ — *vesi*. По имени Вотовъ, Новгородцы называли одну изъ Пятинъ своихъ, *Вотскою*, *Вонскою* или *Водскою*, а жителей ея *Вожанами*. Въ 1069, Всеславъ, Князь Полоцкій, приходилъ войною на Новгородъ. Новгородцы разбили его; по этому случаю Лѣтописецъ говоритъ: «О, велика бѣша сѣча *Вожаномъ* и паде ихъ безчисленное число! а самаго Князя (Всеслава) отпустиша Бога дѣля!» При описаніи голода, бывшаго въ 1215 въ Новгородѣ, говорится: «О горе бѣше! по торгу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю трупіе. А *Вожане* помроша, а останекъ разыдеса». Пространство Вотской Пятины достовѣрно не извѣстно: по изысканіямъ Татищева, она занимала часть рѣки Волхова до Невы и Ладожскаго озера, а на Западъ по рѣку Плюсу; въ ней были города Старая-Руса, Орѣшекъ (Шлисельбургъ), Иванъ-городъ, Яма и Копорье; Миллеръ и Митрополитъ Евгенийъ утверждаютъ, что она заключала въ себѣ всю *Ингерманландію* и

Корелію до границъ Лифляндіи и Эстляндіи. Въ XII и XIII столѣтіяхъ, Вотская земля сдѣлалась извѣстною даже въ Римѣ: Папа Александръ IV надѣялся привлечь ея жителей въ Римскій Католицизмъ, назначивъ, въ 1255, Епископа въ *Ватландію*, Ингрію, и Корелію. Въ 1240 и 1241, зимою, Ливонцы и Эстонцы заняли Вотскую землю вооруженною рукою; въ слѣдующемъ же году принуждены были отдать ее обратно Новгородцамъ. Но потомъ и Воты и Вотская земля были забыты, и страна между Наровою и Невою получила названіе отъ другаго народа, жившаго въ Вотской Пятинѣ, — Ижорцевъ или *Ингровъ*, и стала называться Ижорскою землею, или *Ингріею*. Названіе Ингрии произошло, говорятъ, отъ имени Ингоря, или Игоря, сына Рюрикова и мужа Ольги. Страна эта отдана была Рюрикомъ въ вѣно супругѣ его Эфандѣ или Едвиндѣ, Княжнѣ Урманской. Потомъ Шведы назвали Ингрію Ингерманландіей. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что Ингрия или Ингерманландія называлась прежде *Ижорскою землею* и искони принадлежала Россіи (*). Пржешіе обитатели Ижор-

(*) Въ древности пролегалъ по Невѣ торговый путь къ

ской земли были Славяне. Они жили преимущественно при рѣкахъ Ижорѣ и Славянкѣ. Несмотря на побѣды Александра Невского (1240 и 1242), одержанная надъ Шведами при устьѣ Ижоры, Шведы, въ 1293 г. захватили часть Кореліи, составившей у нихъ Выборгскій Ленъ. Потомъ, В К Георгій Даниловичъ, не успѣвъ вытѣснить оттуда новыхъ пришельцовъ, принужденъ былъ земли отъ рѣки Сестры до Кюмени уступить Шведамъ, въ *знакъ дружбы*. Въ несчастное царствованіе Шуйскаго, Ингерманландія, Корелія и Ижорская земля подверглись жестокому насилію и опустошеніямъ Понтуса Делагарди. По Столбовскому миру (1616), Ижорская и Корельская земли уступлены были Швеціи. Наконецъ при Петрѣ Великомъ древнее наше достояніе — Ингрія — возвращено Россіи. Въ 1700 г. Меишиковъ пожалованъ былъ *Ижорскимъ* Княземъ; потомъ открыта была Ингерманландская Губернія, чрезъ два года переименованная въ С. Петербургскую. Но пора намъ

Балтійскому морю, какъ это доказываютъ находимыя въ С. Петербургской Губерніи монеты IX, X и XI вѣка. (См. Жур. М. Н. П. Ч. LIII. Отд. VI, стр. 61).

разстаться съ ней и заняться сосѣднею съ нею Губернією Новгородскою, въ которую мы уже въѣхали.

По порядку слѣдовало бы начать съ Померанья; но въ немъ, кромѣ превосходной гостиницы, особенныхъ достопримѣчательностей нѣтъ. По этому остановимся на Чудовѣ. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе каменный двухъ-этажный домъ, слишкомъ красивой для селенія архитектуры. Домъ этотъ принадлежитъ одному ямщику: это плодъ его трудолюбія и бережливости. Сюда идетъ отъ самой Ижоры шоссе, прямо какъ струнка. Такая же прямая дорога пролагалась въ 1712, по повелѣнію Петра Великаго отъ Адмиралтейскаго шпица прямо на Москву; но доведя дорогу до Чудова, встрѣтили въ продолженіи работъ большія затрудненія, и предпріятіе это было оставлено. При этомъ случаѣ впервые тогда узнали кратчайшую линію между двумя столицами, составляющую 595 верстъ.

Отъ Чудова палѣво, въ 13 верстахъ, Грузино. Я посѣтилъ тому нѣсколько лѣтъ это село, принадлежавшее покойному Графу А. А. Аракчееву. Дорога туда ведетъ по прекрас-

ному шоссе, обсаженному деревьями. Между Петербургомъ и Ювымгородомъ — Грузино, конечно, самое замѣчательное и живописное мѣсто. За озеро Грузинецъ, чрезъ которое я переправился на паромѣ, на значительной возвышенности стоятъ церковь и большія каменные зданія, скрывающіяся въ густой зелени сада: это Грузино. Историческое преданіе, переданное авторомъ Степенной книги, гласитъ, что Св. Апостоль Андрей, проходя изъ Новгорода въ Римъ, былъ въ Грузинѣ (*Друзинь*), и *водрузилъ* свой жезлъ, и что на этомъ мѣстѣ, вскорѣ по крещеніи Новгорода и въ память преданія, сооружена церковь во имя Св. Андрея Первозваннаго. Въ храмѣ этомъ хранится драгоценная рѣдкость: хоругвь или знамя В. К. Владиміра Кіевскаго; знамя это принесено въ даръ церкви Сенаторомъ Ключаровымъ и вывезено изъ Польши сыномъ его (*). Известно, что *Грузинская волость*, принадлежавшая Новгородскому Деревянницкому монастырю, Императоромъ Петромъ I подарена была Князю Меншикову, и потомъ находилась въ

(*) Сынъ От. 1818 г. № XL, стр. 53.

экономическомъ вѣдѣніи. Императоръ Павелъ I, пожаловавъ А. А. Аракчееву Баронское достоинство и 2,000 душъ крестьянъ, предоставилъ ему выбрать ихъ, гдѣ хочетъ. Аракчеевъ пожелалъ имѣть Грузино.

Бывшій владѣтель Грузина украсилъ свое помѣстье изящными строеніями и памятниками. У великолѣпнаго монумента, воздвигнутаго Императору Павлу I, положенъ гранитный надгробный камень; это гробница Гр. Аракчеева съ надписью: «*Да пребудетъ и прахъ мой у подножія изображенія Твоего*». По кончинѣ Гр. Аракчеева, Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ отдать навсегда Грузинскую Волость Новгородскому Гр. Аракчеева Кадетскому Корпусу, который помѣщается въ одномъ изъ здѣшнихъ зданій. Кромѣ этого прекраснаго употребленія достоянія покойнаго Графа, будетъ, согласно завѣщанію его, выдано 1,439,220 р. асс. тому, кто къ 1925 году напишетъ на Русскомъ языкѣ *Исторію Царствованія Императора Александра Перваго* лучше всѣхъ, т. е. полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе.

Главный домъ или дворецъ, въ которомъ останавливался Блаженной памяти Императоръ

Александръ I, во время посѣщеній Его Величествомъ Грузина, наполненъ предметами, посвященными воспоминаніямъ о Благословенномъ: тутъ есть портреты и бюсты Государя, подаренныя Его Величествомъ Гр. Аракчееву, и разныя любопытныя и драгоцѣнныя вещи, и между прочимъ столовые бронзовые часы, играющіе тотъ самый маршъ, при звукахъ котораго Императоръ Александръ съ своими побѣдоносными войсками вступилъ, въ 1814 г., въ Парижъ. Часы эти образцовое произведеніе въ своемъ родѣ: они изображаютъ мавзолей Императору Александру на пьедесталѣ. Возлѣ мавзолея поставленъ изъ черной бронзы воинъ, держащій корону. Въ немъ легко узнать Гр. Аракчеева. На мавзолеѣ возвышается бюстъ Императора Александра, а въ верхнюю часть мавзолея вставлена вызолоченная часовая доска. По сторонамъ ея четыре знака зодіака, относящіеся къ мѣсяцамъ Декабрю, Марту, Сентябрю и Ноябрью, и напоминающіе время рожденія Императора, восшествія его на престолъ, коронованія и кончины. Иодъ доской надпись: *Императоръ Александръ Благословенный скончался въ Таганрогъ 19 Ноябрья 1825.* Часы

бьютъ только разъ въ день, по утру въ 10 часовъ 50 минутъ. Въ это время отворяются находящіяся подъ доскою дверцы; за ними видѣнъ портретъ покойнаго Государя и подъ нимъ слова: *въ Четвергъ въ 10 часовъ и 50 минутъ утра*. При послѣднемъ ударѣ часовъ, слышна музыка, повторяющаяся три раза. Главную доску пьедестала украшаетъ барельефъ, изображающій присоединеніе къ Россіи Царства Польскаго и В. Княжества Финляндскаго; на одной изъ боковыхъ сторонъ гербъ Гр. Аракчеева, а на другой надпись: *Памяти Государя и Благодѣтеля — признательный подданный. Парижъ 1826*». Барельефъ исполненъ въ Парижѣ по рисунку извѣстнаго нашего Художника Егорова. Въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, лежитъ между прочимъ портфель, въ которой Графъ представлялъ Государю для доклада дѣла по своей части. Всѣ эти предметы, свидѣтельствующіе о благоволеніи къ нему незабвеннаго Императора, по завѣщанію покойнаго Графа Алексѣя Андреевича, должны оставаться здѣсь, въ такомъ видѣ и порядкѣ какъ видимъ ихъ теперь, на вѣчныя времена. Садъ Грузинскій расположенъ на гористой, въ высшей степени живописной мѣст-

ности, и украшенъ памятниками, бесѣдками, и проч. Словомъ, Грузино принадлежитъ, какъ мы сказали, къ самымъ любопытнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ мѣстамъ между Петербургомъ и Новымгородомъ. У насъ, кромѣ краткаго разсказа Г. Булгарина о поѣздкѣ его въ Грузино, еще при покойномъ Гр. Аракчеевѣ, есть довольно подробное описаніе Грузина въ историческомъ и художественномъ отношеніяхъ, сдѣланное покойнымъ П. П. Свинынымъ, и напечатанное въ Сынѣ Отечества 1818 г. (*).

Но, говоря о Грузинѣ и о бывшемъ его владѣльцѣ, забудемъ ли о другомъ, болѣе знаменитомъ мужѣ, Суворовѣ? Въ 1799 г., когда Герой Рымникскій жилъ также въ своемъ *Новгородскомъ помѣстьѣ*, Императоръ Павелъ I получилъ отъ Римскаго Императора Франца II письмо, въ которомъ онъ просилъ отпустить Суворова для предводительствованія войсками въ Италиі. Прочитавъ это письмо, Государь сказалъ окружавшимъ его: «Вотъ, Русскіе на

(*) О Грузинскихъ историч. древностяхъ см. Труды Общества Ист. и Древностей Россійскихъ: Т. III. Кн. I, стр. 176—180; Т. IV. кн. I. стр. 219 и 1824 г. Ч. 2. стр. 167,

все пригодны; я радуюсь, что Суворовъ понадобился Европѣ», и писалъ къ Фельдмаршалу между прочимъ: «Римскій Императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите вашимъ прїѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія видѣть васъ». 4 Февраля 1799 г. семидесятилѣтній Суворовъ былъ милостиво принятъ Монархомъ, возложившимъ на него при этомъ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго 1-й степени. «Господи, спаси Царя!» воскликнулъ престарѣлый Полководецъ, колѣнопреклонно принимая знаки Государевой милости. «Тебѣ спасать Царей»,—отвѣчалъ Монархъ. «Съ Тобою, Государь, возможно»,—присовокупилъ Суворовъ. Прїѣхавъ въ Митаву, онъ представился Людовику XVIII. «Тотъ день почту счастливымъ»—сказалъ Суворовъ—«когда пролью послѣднюю каплю крови, способствуя вамъ взойти на престолъ знаменитыхъ вашихъ праотцевъ». Я уже не несчастливъ»—отвѣчалъ Людовикъ—«потому что судьба отечества моего зависитъ отъ Суворова». Нашъ Герой сдержалъ слово, со-

вершилъ славный походъ въ Италію, гналъ повсюду непріятелей, поражая ихъ и на обратномъ пути чрезъ Швейцарію. Признательность Императора Павла была безпредѣльна: 29 Декабря онъ писалъ къ Суворову собственноручно: «Не мнѣ, тебя, Герой, награждать. Ты выше мѣръ моихъ: но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное». Суворовъ поѣхалъ въ Петербургъ; но онъ заболѣлъ, и конецъ его былъ близокъ. Герой и на смертномъ одрѣ, въ бреду, давалъ приказанія, командовалъ, и утромъ 6 Мая 1800 скончался. Государь велѣлъ сказать родственникамъ умершаго, «что онъ наравнѣ съ Россією и съ нами раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго чело-вѣка» (*).

Въ этихъ же мѣстахъ, на мызѣ Званкѣ, на лѣвомъ берегу Волхова, жилъ другой нашъ геніальный соотечественникъ, пѣвецъ Фелицы. Въ теченіе трехъ царствованій, Державинъ проводилъ здѣсь лѣтнее время, обдумывалъ и написалъ большую часть своихъ произведеній.

(*). См. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, соч. А. Вейдемейера. 1846.

Средь сихъ болотъ и ржавинъ,
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ
Безсмертны иѣсни восиѣваль
Безсмертный нашъ пѣвецъ Державинъ.
(Евгеній).

Но пора намъ возвратиться на Московскую дорогу и къ разсказу о путешествіи моемъ. Выше мы уже упомянули объ ямщикахъ; теперь скажемъ нѣсколько словъ объ ямахъ и почтахъ. По древности основанія Москвы, Твери и Новагорода и необходимости сношеній между этими городами, такъ-называемые ямы и селенія, лежащія на этомъ трактѣ, безъ сомнѣнія, современны и Новгороду и Москвѣ. Впрочемъ, часть эта получила нѣкоторое правильное устройство только при В. К. Іоаннѣ III, заботившемся между прочимъ и объ удобствахъ сообщенія: по повелѣнію этого Государя, заведены, въ 1504 г. *почта* и *ямы*, гдѣ путешественникамъ, по предъявленіи Государева приказа, давали не только лошадей, но и пищу: такъ посланнымъ по Московской и Тверской дорогѣ до Торжка и Новгорода Царскимъ посланнымъ давали подводы и сѣстные припасы: куръ, говядины, соли, крупы, сметану, масло и калачи. Около

1516 г., въ Разрядныхъ Книгахъ упоминается о Ямскомъ Приказѣ, хотя впрочемъ учрежденіе его иные относятъ ко времени царствованія Бориса Годунова. Но, по неизмѣннѣю на то положительныхъ доводовъ, учрежденіе это надлежитъ считать получившимъ начало при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ царствованіе котораго обращено въ ямщики значительное число гражданъ и крестьянъ, пользовавшихся съ тѣхъ поръ значительными льготами и преимуществами и обязанныхъ *сидѣть на ямахъ*, для перевозки, за умѣренную плату, курьеровъ и путешественниковъ. Въ послѣдствіи Судьями Ямскаго Приказа были знатнѣйшіе Сановники, какъ на прим. (1628 и 1629) знаменитый Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, при которомъ изданъ уставъ, по скольку какому чину давать на проѣзды подводъ. Петръ I (1720) повелѣлъ Ямскому Приказу во всѣхъ Губерніяхъ и провинціяхъ вѣдать Ямскихъ прикащиковъ и почтарей, а также выдавать подорожныя на взиманіе почтовыхъ и ямскихъ подводъ.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій почты учреждены были отъ Москвы и Петербурга преимущественно въ значительнѣйшіе по

своей промышленности города: Архангельскъ, Смоленскъ, Псковъ и др. Герберштейнъ и нѣкоторые другіе иностранные путешественники (XV и XVI вѣковъ), съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, плохихъ мостахъ, опасностяхъ и неудобствахъ въ пути, хвалятъ исправность и скорую ѣзду нашихъ почтъ: изъ Новагорода они пріѣзжали въ Москву въ 72 часа, платя съ лошади 6 денегъ за 20 верстъ. Лошадей на ямахъ было множество: требовавшему 10 или 12 приводили 40 или 50; усталыхъ бросали на дорогѣ и брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проѣзжихъ. До учрежденія ямовъ, посланные по дѣламъ службы, ѣздили обыкновенно или на своихъ лошадяхъ или на наемныхъ; а иногда, для совершенія поѣздки, покупали лошадей и по возвращеніи отдавали ихъ въ казну. Иностраннымъ Посламъ и гонцамъ давались подводы, собранныя съ городскихъ жителей, которымъ платились потомъ отъ казны небольшіе прогоны (*).

Все это «дѣла давно-минувшихъ дней»:

(*) Въ Журн. М. Н. Пр. Ч. LXI, Отд. VI, стр. 380. См. Отрывокъ изъ Исторіи Почтъ въ Россіи.

улучшеній и усовершенствованій, происшедшихъ по этой части въ наше время, исчислить невозможно. Не говоря о многочисленныхъ дилижансахъ, ежедневно отправляющихся изъ С. Петербурга въ Москву и обратно, каждому можно, записавшись заблаговременно въ Отдѣленіи Почтовыхъ каретъ, доѣхать, безъ всякихъ хлопотъ съ экстра-почтою, изъ Петербурга въ Москву менѣе чѣмъ въ двое сутокъ, за неслыханную въ прежнія времена цѣну, *десять* рублей! При томъ, путешествуя такимъ образомъ, вы знаете одну пріятную сторону путешествія: всѣ заботы о вашихъ удобствахъ и спокойствіи, распоряженія, внушенія и взыскапія, до кого они относятся — все это лежитъ на обязанности кондуктора. У него нѣтъ ни минуты покоя: онъ долженъ все знать, все видѣть и даже предвидѣть, всѣмъ угождать и за все отвѣчать. Кондукторъ (Яковлевъ), съ которымъ мнѣ на этотъ разъ довелось ѣхать, приводилъ меня въ изумленіе своею распорядительностію и расторопностію: онъ знаетъ гдѣ можно ускорить ѣзду и гдѣ нужно сдержать рьяныхъ лошадей; по пріѣздѣ на станцію онъ вездѣ поспѣваетъ: помогаетъ каждому выйти изъ экипа-

жа, вѣжливо отвѣчаетъ на вопросы пассажировъ и между тѣмъ умѣетъ устроить мигомъ обѣдъ или чай, прикрикнуть, въ случаѣ надобности, на ямщика, опять усадить всѣхъ по мѣстамъ, и все это дѣлается у него живо, легко, съ какимъ-то достоинствомъ. И вотъ онъ опять весело садится на свое мѣсто и опять раздаются стройные звуки его рожка, и встрѣчные мужички торопливо сворачиваютъ, спрашивая другъ у друга: «что это, Сидоръ, казна али дележанка»? Не многимъ, слышавшимъ отрывочные, однообразные звуки рожка почтовыхъ кондукторовъ, извѣстно, что они учатся музыкѣ по правиламъ Искусства, сыгрываются довольно часто и значительно ушли впередъ съ тѣхъ норъ, какъ оркестръ ихъ, подъ руководствомъ опытнаго капельмейстера, получилъ правильную организацію.

За двѣ станціи отъ Новагорода, при деревнѣ Мостки протекаетъ сплавная рѣчка Пидьба или Питьба, впадающая въ Волховъ. Она пользуется историческою извѣстностію: въ 988 г. одинъ житель Питьбы, раннимъ утромъ везъ въ Новгородъ горшки и встрѣтилъ ильвшаго по Волхову Перуна, остановившагося въ 4-хъ вер-

стахъ отъ города. Пидьблянинъ оттолкнулъ истукана шестомъ, говоря: «ты, Перунице, досыти еси пиль и яль; а нынѣ плови уже проче». При разрушеніяхъ *великаго моста*, Пидьба не разъ принимала его *городни*; на прим. въ 1128 г., во время бури въ Новѣгородѣ, разнесшей Волховской мостъ, отъ чего прекратился мятежъ Новгородцевъ противу Архіепископа Арсенія.

За Подберезьемъ, послѣднею станціею предъ Новымгородомъ, начинаются Военныя поселенія. Дома для поселянъ построены по общему, красивому плану: вездѣ отражается рѣдкій въ обывковенныхъ нашихъ деревняхъ порядокъ, стройность и гармонія: передъ домами, стоящими на возвышеніи, посаженъ рядъ березъ; среди другихъ строеній возвышается каланча.

Военныя поселенія тянутся до самаго Новагорода, который уже вдали блеститъ золотыми куполами и крестами своихъ церквей. По мѣрѣ приближенія къ нему, чудная панорама раскрывается и шире и явственнѣе...

Согбенный лѣтами, но гордый понынѣ,
 Лазурью небесной повсюду покрытъ,
 Стоитъ предо мною въ широкой равнинѣ,

Какъ будто отпавшій огромный гранитъ, —
Градъ нѣкогда мощный, богатый, державный!
(Сушковъ).

Видъ Новагорода пробудилъ во мнѣ много живыхъ воспоминаній. Я живалъ въ немъ нѣсколько разъ для поклоненія его Святынь и для изученія Отечественной старины. Но въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ многое здѣсь перемѣнилось къ лучшему: даже при быстромъ проѣздѣ, я успѣлъ замѣтить, что общественный садъ, примыкающій къ древнему Кремлю, обведенъ новой рѣшеткой и дорожки его тщательно выметены и усыпаны пескомъ.

Прежде всего я отправился въ знаменитый Софійскій соборъ, въ которомъ только что кончилась обѣдня. Осмотрѣвъ внутренность храма, украшеннаго образами Греческой живописи XII и XIII вѣковъ, я остановился предъ извѣстными Корсунскими мѣдными воротами. Еслибъ собрать все, что у насъ написано и напечатано объ этомъ загадочномъ памятникѣ старины, то изъ этого можно бы составить цѣлую библіотеку; дѣло однакожъ отъ того нисколько не подвинулось. Названіе ихъ ведетъ къ предположенію, что будто ворота эти вывезены В.

К. Владиміромъ I, послѣ крещенія его въ Корсуни. Но Латинскія и Славянскія надписи на воротахъ, изображенія Римскокатолическія и даже миѳологическія и при томъ вставки новыхъ изображеній—все это едва ли относится далѣе XV вѣка. Всѣ изображенія прежнія и новѣйшія показываютъ дѣтство Искусства. Извѣстно, что барельефъ есть родъ картины, въ которой фигуры перваго плана должны имѣть гармоническую связь съ фигурами отдаленными. А тутъ отсутствіе правилъ перспективы и всякой правильности рисунка. Желательно бы опредѣлить разстояніе, отдѣляющее подобныя произведенія отъ знаменитаго барельефа Траяновой колонны и другихъ произведеній древности. Въ Софійскомъ соборѣ хранится много чрезвычайно рѣдкихъ старинныхъ вещей.

Соборъ этотъ, также какъ и соименный ему соборъ Кіевскій, напоминаетъ самую торжественную эпоху въ жизни Русскаго народа—его духовное прозрѣніе изъ мрака язычества на Свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ и освѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.... Много храмовъ своихъ Русская земля посвятила имени Св. Софіи, но ни одинъ изъ нихъ

не имѣлъ такого вліянія на народъ, какъ Софія Новгородская на Новгородцевъ. Сильно, звучно гремѣло это имя на стогнахъ великаго Новагорода! Громкимъ эхомъ откликалось сердце Новгородское на родимый звукъ сего имени: оно сроднилось съ духомъ каждаго Новгородца, и имя Св. Софїи содѣлалось въ Новгородѣ синонимомъ Вѣры и Отечества. *Умремъ за Св. Софію!* гремѣло вѣче и все приносилось въ жертву этому родному имени. Но къ несчастію, имя Софїи возбуждало сердца Новгородцевъ не на одну только защиту Православной Вѣры противъ убѣжденій Богослововъ Короля Магнуса, не на одну защиту правъ любимыхъ Князей своихъ: нерѣдко оно служило девизомъ двухъ враждующихъ сторонъ — кровныхъ Новгородцевъ; нерѣдко при кликахъ имени Св. Софїи бурный Волховъ принималъ въ свои волны вѣрныхъ сыновъ Новагорода; часто этпмъ именемъ Новгородцы указывали дальній путь законнымъ Князьямъ своимъ; часто Владыки Новгородскіе со слезами на глазахъ оставляли неблагодарную паству, наконецъ оно раздавалось и въ устахъ мятежныхъ сообщниковъ гордой Посадницы... — и все это дѣлалось именемъ Св. Софїи!

Новгородскій Софійскій соборъ основанъ Княземъ Владиміромъ Ярославичемъ. Еще прежде того, на мѣстѣ нынѣшняго собора, построена была церковь Св. Іоакима и Анны первымъ Епископомъ Новгородскимъ Іоакимомъ (*). Лѣтописецъ, говоря о построеніи этого храма, прибавляетъ, что Іоакимъ въ сей же церкви «и служиша до Софіи», т. е. до построения Софійскаго собора, — что, впрочемъ, послѣдовало очень скоро. Въ 989 г. Іоакимъ поставилъ церковь Св. Софіи деревянную дубовую, съ 13-го верхами. Церковь эта стояла на Пискупли — улицѣ, на берегу Волхова, гдѣ въ послѣдствіи какой-то Сотко заложилъ каменную церковь во имя Св. Бориса и Глѣба. Она славилась внутренними украшеніями. При ней Іоакимъ учредилъ школу, въ которой ученикъ его, Ефремъ, обучалъ дѣтей Христіанскому Закону и Гре-

(*) Іоакимъ пріѣхалъ въ Россію изъ Греціи съ В. К. Владиміромъ. Въ то время, какъ Леонъ просвѣщалъ Вѣрою Кіевлянъ, Іоакимъ былъ посланъ Леономъ для той же цѣли въ Новгородъ. Здѣсь онъ началъ тѣмъ, что разрушилъ идольскія капища и велѣлъ низринуть Перуна въ Волховъ, а въ слѣдъ за тѣмъ приступилъ къ постройкѣ церкви, о которой идетъ рѣчь.

ческому языку. Въ 1049 г. церковь эта истреблена была пожаромъ. Но за четыре года до того, при второмъ Епископѣ Лукѣ Жидятѣ, Владимірѣ Ярославичѣ положилъ основаніе каменной церкви, также во имя Св. Софіи. Постройка эта продолжалась семь лѣтъ. Лѣтописецъ называетъ церковь эту «весьма прекрасною и превеликою» и рассказываетъ слѣдующее обстоятельство: когда призванные изъ Царяграда живописцы хотѣли находящійся въ главѣ или куполѣ собора образъ Спасителя написать съ благословляющею десницею, то три раза находили ее вновь сжатою. Наконецъ въ четвертое утро послышался невидимый гласъ: «не пишите меня съ благословляющею рукою, ибо въ этой рукѣ я держу Великій Новгородъ, и когда разожму ее, тогда и будетъ окончаніе». Изображеніе это въ такомъ видѣ сохранилось донынѣ.

Въ Софійскомъ соборѣ погребенъ основатель его, Владимірѣ Ярославичѣ, причтенный Церковію къ лику Святыхъ. Четырнадцать лѣтъ спустя послѣ основанія собора, Всеславъ, Князь Полоцкій, изъ ненависти къ Ярославичамъ, взялъ городъ приступомъ, плѣнилъ множество Ново-

городцевъ и разграбилъ Софійскій храмъ. «О велика бѣда въ часъ тый!»—воскликаетъ Лѣтописецъ — «и колоколы съима у Св. Софїи и понекодила съима»... Въ 1108 г. расписаны были стѣны собора, а 45 лѣтъ спустя, по приказанію Архіепископа Нифонта, расписаны были живописью и всѣ притворы церковные.

Въ 1280 опустошительный пожаръ превратилъ въ развалины большую часть города: сильнымъ вѣтромъ огонь перебросило чрезъ Волховъ въ Кремль и здѣсь пламя истребляло все: изъ церквей не успѣвали выносить ни книгъ, ни иконъ, изъ домовъ — имущество, а если и удавалось выносить что-нибудь, то и это дѣлалось добычею пламени или грабителей. По свидѣтельству Лѣтописца, даже въ храмахъ грабили и убивали. Среди такого смятенія, «изъ Св. Софїи не успѣша иконъ всѣхъ вынести и многа бысть пакости».

Послѣ того Софійскій соборъ подвергался еще два раза опустошительнымъ пожарамъ: въ послѣдній разъ, въ 1407 г. сгорѣла — было и церковь и Владыченъ-Дворъ. Но, благодаря усердной заботливости Новгородскихъ Святителей, храмъ не только возобновленъ былъ луч-

ше прежняго, но еще куполь его вызолочень, построень при соборѣ цѣлый корпусъ келлій, и вмѣсто обветшавшихъ придѣловъ воздвигнуты новые.

Въ такомъ видѣ соборъ находится и въ настоящее время.

Изъ собора я отправился на колокольню, возвышающуюся надъ стѣною Кремлевскою. Передо мной явился Волховъ во всей красѣ: я впервые видѣлъ его въ полномъ разливѣ. Сколько историческихъ воспоминаній соединяется съ названіемъ Волхова! Самое имя его, облеченное туманомъ преданій, невольно переноситъ воображеніе въ тѣ времена, когда младенческое человѣчество придавало всѣмъ предметамъ чудесное, таинственное начало. Это была Поэзія Исторіи. Неумолимая критика и порожденный ею духъ скептицизма давно уже вырываютъ у насъ по листкамъ не только многія преданія, но и самые историческіе факты, въ которыхъ дотолѣ никому въ голову не приходило сомнѣваться. Посему было бы, конечно, непростительнымъ анахронизмомъ говорить о сказкѣ Чародѣя *Волхова*, сына Кнзя Словена, будто бы давшаго имя рѣкѣ, которая дотолѣ

называлась Мутною. Что касается собственно Новагорода, то не подлежит сомнѣнію, что онъ былъ нѣкогда посредникомъ въ дѣлѣ торговли между Европою и Азією. Онъ стоялъ на пути воднаго сообщенія Каспійскаго моря съ Балтійскимъ; его факторіи были заведены въ городахъ Визби и Любекѣ; его торговая контора считалась матерью другихъ семидесяти союзныхъ городовъ; его торговля, по извѣстіямъ Арабскихъ Писателей, простиралась отъ Индіи и Китая до береговъ Испаніи. При покореніи его В. Княземъ, войска Московскія были одарены Новгородскими шелковыми и бархатными тканями. Восточныя монеты, находимыя по всему пути Волги и по берегамъ Балтійскаго моря, принадлежали Султанамъ, которые владѣли Бухарією, Харосаномъ, Персією, и служатъ лучшимъ доказательствомъ древности и обширности торговыхъ сношеній. Товары Индійскіе и Китайскіе: ткани, благовонія, украшенія, даже лѣкарства, все передавалось Европѣ, по крайней мѣрѣ значительной ея части, руками Новагорода. Отъ того и назывался онъ *Господинъ* и *Государь*, отъ того и велась въ немъ пословица: кто противъ Бога и великаго Новагорода.

Но обстоятельства и ходъ историческихъ событій измѣнили судьбу Новагорода: онъ палъ ослабѣвъ отъ внутреннихъ раздоровъ, и долженъ былъ уступить Москвѣ, сильной единствомъ власти. Болѣе восьми тысячъ Новгородскихъ Бояръ, купцевъ и людей именитыхъ переведено въ Муромъ, Нижній, Переяславль Кострому и другіе города, а на ихъ землѣ поселены Москвитяне. Въ самой Москвѣ извѣстныя *мъщанскія* слободы заселены переведенными Новгородцами.

Но важности минувшей судьбы Новагорода, здѣсь, такъ же какъ и въ другой древней столицѣ Русской, Кіевѣ, не бесполезно было бы заняться особымъ изслѣдованіемъ памятниковъ старины Новгородской.

Изъ Новагорода я продолжалъ путь по Московскому шоссе только до Крестцовъ, Уѣзднаго города Новгородской Губерніи. Отсюда я повернулъ налѣво къ Боровичамъ. Городокъ этотъ лежитъ на довольно высокомъ и живописномъ берегу Мсты. Знаменитые пороги ея извѣстныя подъ именемъ Боровицкихъ, находятся близъ города и составляютъ важнѣйшую опасность для судоходства по Вышневолоцко

системъ; они расположены по теченію Мсты на пространствѣ 125 верстѣ. Чтобы на разбитое судно не находили другія, для этого устроены телеграфы, которыми дается знакъ къ прекращенію спуска. Первый весенній караванъ всегда заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 судовъ и тянется чрезъ Боровницкіе пороги до Юня. Предпріимчивая отважность Русскаго человѣка, выказывающаяся въ огромныхъ размѣрахъ при опасной переправѣ чрезъ здѣшніе пороги, служитъ предметомъ всеобщаго удивленія: съ вѣрой въ какую-то таинственную судьбу, выражающейся въ знаменитыхъ словахъ: *авось Богъ вынесетъ*, онъ совершаетъ подвиги, истинно изумительные. Самымъ разительнымъ примѣромъ тому можно привести подвигъ Телушкина, исправившаго статую Ангела на шпилѣ Петропавловской крѣпости, и другой не менѣе отважный подвигъ Пашина, приплывшаго на своей ладѣ съ грузомъ изъ Колы чрезъ Сѣверный Океанъ и Балтійское море въ С. Петербургъ. Что же послѣ этихъ примѣровъ значитъ для Русскаго народа опасность, представляемая Боровницкими порогами?

Бъ историческомъ отношеніи Мста замѣ-

чательна тѣмъ, что В. К. Ольга, путешествуя въ Новгородскую область, по рѣкамъ Мстѣ и Лугѣ, устроила погосты или волости и учредила Государственные дани и оброки, что составляло въ то время важную законодательную мѣру.

Самый городъ Боровичи наружностію своею ничѣмъ не отличается отъ большей части своихъ собратій, уѣздныхъ городовъ. Но нельзя сказать того же о сосѣднемъ съ Боровичами другомъ городѣ Устюжнѣ. Еще издали видъ его пріятно поражаетъ путешественника, предъ которымъ открывается раскинувшійся на большомъ пространствѣ городъ, увѣнчанный множествомъ церквей и колоколенъ. Потомъ въѣзжаешь въ длинную прямую улицу, по обѣимъ сторонамъ которой опрятные домики, и между ими нѣсколько каменныхъ. Остановившись въ этомъ городѣ на нѣсколько дней, я имѣлъ возможность съ нимъ познакомиться. Онъ стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Мологи; мѣсто, занимаемое теперь городомъ, называлось въ старину *Жельзное поле*, по находящейся здѣсь въ большомъ количествѣ желѣзной рудѣ, которая составляетъ одну изъ отраслей промышлен-

ности здѣшнихъ жителей, выдѣлывающихъ изъ желѣза разныя земледѣльческія орудія, въ особенности же гвозди. Изъ хранящихся въ здѣшнемъ Магистратѣ актовъ видно, что Устюжна пожалована была Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV въ 1564 г. съ деревнями и доходами къ ней принадлежащими въ вотчину Княгинѣ Старицѣ Александрѣ, супругѣ Князя Юрія Васильевича. Въ началѣ XVII вѣка Устюжна именовалась уже посадомъ и высылала войско на помощь Москвѣ противъ Самозванца и Литвы (*). Объ этомъ мнѣ удалось здѣсь, на мѣстѣ, отыскать слѣдующее достовѣрное сказаніе: 1609 г., при В. К. Василии Іоанновичѣ, Поляки, Литовцы и Черкасы распространяли по всей Руси опустошеніе. Литовцы и Черкасы стояли подъ Москвою, а подъ Новымгородомъ стоялъ Полковникъ Иванъ Кернозицкій съ Литвою и Поляками. Они плѣнили многія вѣси, обложили ихъ налогами и данями и предали страну опустошенію. Жители Устюжны согласились другъ за друга стоять единодушно и избрали головою Семена Отрепьева, Богдана Перскаго и

(*) См. Собр. Государ. Грамотъ. Т. II, стр. 346.

Успенскаго Прикащика Алексѣя Суворова, потому что Воеводы въ то время въ Устюжнѣ не было. Вся рать состояла изъ 600 человекъ. Изъ сосѣднихъ Уѣздовъ прїѣзжали въ Устюжну Дворяне и Боярскія дѣти. Въ то же время въ Новгородскія области былъ присланъ изъ подъ - Новагорода отъ Полковника Ивана Кернозицкаго Осипъ Застольскій, который прчинялъ насилія и грабежи. Тогда составлено было ополченіе и 20 Декабря прїѣхалъ въ Устьрѣку сынъ Боярскій Богданъ Бирюлевъ съ товарищами и убилъ Юсифа Застольскаго, а другіе разбѣжались. 2 Декабря (не Генваря ли?) прїѣхалъ изъ Москвы на Устюжну Андрей Петровичъ Ртищевъ, который былъ избранъ Воеводою. Съ Бѣла-озера прибылъ Юма Потципаевъ и съ нимъ 400 ратниковъ, Литовцы и Нѣмцы съ Черкасами и Казаками Запорожскими и Рускими ворами собравшись на Угличѣ, подошли къ Устюжнѣ; Воевода, узнавъ о превосходствѣ непріятели, хотѣлъ отступить; но Воевода 5 Генваря пошелъ съ ратію отъ Дегтярни къ Любегощу и къ д. Бахтѣевкѣ; но тутъ они были окружены Литовцами и Поляками, которые ихъ сѣкли, какъ траву. Воевода воз-

вратился на Устюжну, гдѣ собралъ остатокъ войска. Литовцы возвратились, а въ Устюжнѣ стали строить острогъ, по саду рвы копать и надолбы ставить и проч. Устюжскій Посадскій послалъ въ Новгородъ къ Князю Михаилу Васильевичу Шуйскому, который снабдилъ ихъ порохомъ и 100 вооруженными ратниками. Литовцы и Поляки, по повелѣнію Тушинскаго воера Петрика, съ Полковникомъ Касаковскимъ собравъ несчетное множество войска, послали въ Устюжну грамоты, чтобъ они покорились. Посланники были задержаны. 2 Февраля пришла изъ Новагорода пороховая казна и въ то же время пришли въ острогъ поуѣздные люди съ извѣстіемъ о приближеніи Касаковскаго. 3 Февраля, послѣ молебствія Богоматери, приготовились къ защитѣ. Враги съ крикомъ прискакали съ вратамъ Св. Великомученика Димитрія, раздались пушечные выстрѣлы, полетѣли стрѣлы. Воевода съ войскомъ сталъ стрѣлять изъ пушекъ и изъ пищалей; Русскіе убили и ранили многихъ. Враги сожгли возлѣ острога храмы Св. Димитрія и Преподобнаго Симеона Столбника, строенія и жилища, отступили къ мѣсту, называемому Подсосанье, и стали готовиться

къ новому приступу. Воевода готовился къ отбою. Въ церквахъ происходило всенародное моленіе. Въ тотъ же день, въ полдень, враги пришли къ вратамъ Св. Димитрія и Благовѣщенія, посыпались стрѣлы, такъ что граждане не могли стоять на стѣнахъ и ждали приступа, начали стрѣлять, многихъ убили и ранили. Забравъ мертвыхъ и раненыхъ, отступили отъ острога въ Подсосанье. Враги стали готовиться къ новому приступу, работали всю ночь. Воевода и Головы объѣзжали острогъ, поощряли своихъ и въ ту же ночь было въ церкви Рождества Пресв. Богородицы пономарю впадѣніе. Свѣча предъ чудотворною иконою Одигитріи зажглася и гласъ былъ отъ иконы: «человѣче, вели мене нести около острогу, гдѣ окаянніи приступаютъ; не дамъ дому своего на разореніе иноплеменнымъ». Пономарь поутру сказалъ объ этомъ Священникамъ. 4 Февраля враги снова приступили къ крѣпости, граждане пошли къ Чудотворному образу Одигитріи, взяли его и понесли къ вратамъ Св. Димитрія; совершили предъ нимъ молебствія, потомъ градскіе люди убили и ранили многихъ враговъ и послѣ, отворивъ врата острога, пошли на встрѣ-

чу врагамъ; другіе пошли чрезъ стѣны. «Мужайтесь и крѣпитесь неслабно и не отпадайте надежды милости Божія и Пречистыя Богородицы помощи и заступленія и умремъ всѣ за святыя Божія церкви и за Православную Христіанскую Вѣру, яко да помилуетъ насъ Господь Богъ нашъ и прославитъ Пречистую Свою Матерь, нашу заступницу и помощницу, избавитъ насъ отъ нахождения иноплеменныхъ». Воевода велѣлъ звонить въ колокола, началась битва, много враговъ было убито и ранено. Остальные сопротивлялись сильно. После молитвы отворили ворота острога, побѣждали враговъ, взяли въ острогъ мѣдную пушку и пушкаря ея Капусту разсѣкли на части и голову его поставили на высокое дерево. Врагъ отступилъ отъ острога къ с. Никифорову, гдѣ стояли 4 дня. Русскихъ убито 5, ранено 8.

Враги получили подкрѣпленіе и шли къ Устюжнѣ. Граждане приготовились къ защитѣ, и разрубили ледъ на Мологѣ противъ Острога. 9 Февраля въ 1 часу дня, явился врагъ въ большомъ числѣ. Граждане побили множество враговъ, которые бѣжали на мѣсто, называемое

Подсосань. Одни ушли за Мологу, другіе остались въ Подсосаньи, гдѣ собравъ остатокъ войска, устремились на Устюжну на разсвѣтъ съ оставшимися за рѣкою. Возгорѣлась битва. Русскіе, видя превосходство непріятеля и не видя ни отколь помощи, принесли Чудотворный образъ Богоматери къ упомянутымъ вратамъ. Послѣ молитвы ударили въ колокола, выстрѣлили изъ пушекъ и другихъ орудій и «изпустиша велий вопль и бысть брань зла и преужасна, отъ гласъ воплей обопхъ людей яко и земля поколебашася»; Русскіе на всѣхъ приступахъ и мѣстахъ поразили несчетное множество враговъ, взяли у нихъ знамя; враги увидя оное въ Острогѣ и надѣясь найти тамъ своихъ, снова напали со всѣхъ сторонъ, но будучи вездѣ поражаемы, отступили въ безпорядкѣ. Граждане, возблагодаря Бога за побѣду, снова внесли икону въ церковь, и въ 10 день Февраля учрежденъ церковный ходъ во кругъ города. Кромѣ того приходилъ для разоренія Устюжны отъ Тушинскаго вора Наливайко съ Поляками. Они стояли въ с. Любегощѣ и другихъ волостяхъ. Онъ отступилъ, объятый страхомъ. Янъ Заруцкій приходилъ тоже

на Устюжну изъ Боровичъ и то же отступилъ (*).

Царь Василій Іоанновичъ грамотою 1610 г. Юня 18, повелѣлъ: деньги, Устюжанами издержанныя на пушки и осаду, зачестъ въ сборъ таможенныхъ податей. (Грамота эта хранится въ Устюжскомъ Магистратѣ подъ № 8).

Царица Дарья Алексіевна, по случаю нашествія на Тихвинъ Шведовъ, въ 1612 г., и разоренія тамонняго Введенскаго монастыря, скрывалась сперва въ окрестныхъ дремучихъ лѣсахъ, а потомъ имѣла пребываніе въ Устюжнѣ по 1624 г. За неимѣніемъ въ Устюжнѣ женскаго монастыря, она жила здѣсь близъ Соборной Рождественской церкви. Церковь эта, какъ видно изъ хранящейся въ Устюжскомъ Магистратѣ Писцовой книги 1567, принадлежала къ Рождественскому Устюженскому монастырю и была окружена монашескими келліями, въ которыхъ жили Старцы и Старицы, подъ начальствомъ Игумена Терапонта, а въ церкви слу-

(*) Въ Собр. Госуд. Грамотъ Т. II — находится Похвальная Грамота Царя Вас. Іоан. 1609 г. Мая 23, между прочимъ и Устюжскимъ ратнымъ людемъ за вѣрную и усердную ихъ службу.

жили попы бѣльшы. По писцовой книгѣ 1628 г., Рождественскій Пречистенскій монастырь показанъ въ числѣ уничтоженныхъ. Церковь сего монастыря, бывъ обращена тогда въ приходскую, составляетъ нынѣ Устюжскую Соборную Градскую церковь (*).

Устюжна наименована Уѣзднымъ городомъ въ 1776 году.

Теперь это одинъ изъ лучшихъ городовъ Новгородской Губерніи. Устюжна соперничаетъ съ сосѣднимъ Уѣзднымъ городомъ Тихвиномъ въ производствѣ въ большомъ числѣ судовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Тихвиннокъ и Устюжанокъ. Этотъ родъ промышленности указанъ этому городу самимъ положеніемъ его на рѣкѣ Мологѣ; къ тому же здѣшнія окрестности изобилуютъ строевымъ лѣсомъ, изъ котораго нельзя придумать лучшаго употребленія.

(*) См. Ист. Россій. Иерарх. Ч. V, стр. 112

VII.

Отъ Петербурга до Витебска.

Мой спутникъ и его попугай. Обѣдъ въ Гатчинѣ. Изящная почтовая гостиница въ Горкахъ. Починка тарантаса. Островъ. Новое бѣлорусское шоссе. Опочка. Приключеніе съ попугаемъ. Городокъ. Еврейское народонаселеніе. Оригинальное письмо о Городкѣ. Бѣлорусскіе ямщики.

(1851.)

Еще очень недавно, отправлявшіеся изъ Петербурга въ Кіевъ ѣздили обыкновенно не иначе, какъ чрезъ Москву, на томъ основаніи, что путешествіе чрезъ древнюю столицу представляло всѣ преимущества предъ трактомъ Бѣлорусскимъ, пугавшимъ всѣхъ своими Африканскими песками, своими тряскими плотинами и безпостельными ночлегами со всей враждебной обстановкой, слишкомъ знакомой тѣмъ, которымъ судьба отказала въ возможности путеше-

ствовать въ собственной дорожной каретѣ, съ походной постелью. Всѣ эти неудобства Бѣлорусскаго тракта принадлежатъ теперь къ древней исторіи; благодаря нынѣшнимъ улучшеніямъ по части путей сообщенія, Бѣлорусскій трактъ теперь ничѣмъ не хуже Московскаго: и тамъ, какъ здѣсь, превосходное шоссе, быстрая ѣзда и изящныя почтовыя гостинницы, снабженныя необходимымъ комфортомъ, которымъ такъ мало баловали здѣсь проѣзжаго еще въ недавнее время. При такихъ условіяхъ, я охотно избралъ для проѣзда изъ Петербурга въ Кіевъ, дорогу на Могилевъ, куда можно было бы доѣхать теперь и въ почтовой каретѣ; но я предпочелъ однакожъ пуститься въ путь въ своемъ экипажѣ, для избѣжанія хлопотъ при дальнѣйшемъ слѣдованіи отъ Могилева, гдѣ не было еще устроено почтовыхъ экипажей, до самаго Кіева. (Экипажи эти теперь начали уже возить пассажировъ отсюда до Могилева и обратно).

Но обратимся къ моему путешествію. Я оставилъ Петербургъ 13 Мая. Дождь лилъ какъ изъ ведра, когда я тащился въ своемъ тарантасѣ по набережной Фонтанки. Ненастная погода, небо, покрытое сѣрыми тучами, сырость,

проникавшая, какъ говорится, до костей, и общавшая физиономіямъ прохожихъ какое-то *кислое* выраженіе — все это произвело не совѣмъ пріятное впечатлѣніе на послѣднія минуты моего пребыванія на сѣверѣ. Притомъ я разставался на неопредѣленное время съ людьми, съ которыми былъ связанъ или дружбой или продолжительной привычкой, — разставался съ городомъ, гдѣ испыталъ много незабвенныхъ минутъ, которыя способна цѣнить одна молодость, покидалъ мѣста, гдѣ такъ быстро промчались четырнадцать лучшихъ лѣтъ моей жизни.

— Осмѣлюсь спросить чинъ и фамилію». Этотъ офиціальныи вопросъ караульнаго на Нарвской заставѣ, заставилъ меня обратиться отъ воспоминаній прошедшаго къ созерцанію настоящаго.— Пока пропсходилъ обрядъ записки подорожной, я сталъ разсматривать чугунныя изваянія на триумфальныхъ воротахъ, взглянулъ на виднѣвшійся невдалекѣ Екатерингофъ, гдѣ за двѣ недѣли предъ тѣмъ, Петербургъ, закутанный въ шубы, встрѣчалъ веселый праздникъ весны.

У меня былъ попутчикъ, молодой человекъ, служащій въ Петербургѣ и ѣхавшій на

югъ для свиданія съ родными.— Въ подарокъ имъ онъ везъ съ собою попугая, заключеннаго въ клѣткѣ, которую спутникъ мой держалъ въ рукахъ. Это былъ для меня совершенный сюрпризъ, потому что только въ минуту отъѣзда я увидѣлъ, что у меня будетъ не одинъ попутчикъ, а два. Въ первое время бѣдная пища съ трудомъ переносила тряску экипажа, бросалась изъ угла въ уголъ своей тѣсной клѣтки и съ ожесточеніемъ рвала клювомъ все, что ей ни попадалось. Отъ ярости ея пострадала больше всего одежда моего товарища, очутившагося въ вечеру перваго дня нашего путешествія съ изорванными рукавами и поцарапанными руками.

Перемѣнивъ лошадей въ Подгорномъ Пулковѣ и взглянувъ мелькомъ на знаменитую Пулковскую обсерваторію, которой вершины едва видны были въ густомъ туманѣ продолжавшагося мелкаго дождя, мы, чрезъ Красное — Село, пріѣхали въ Гатчину. Проѣздомъ я успѣлъ замѣтить новыя великолѣпныя постройки у дворца; между тѣмъ, какъ время шло къ обѣду, то я велѣлъ ямщику ѣхать въ гостиницу.

Насъ встрѣтилъ парень въ длиннополомъ

сюртукъ, съ улыбающимся лицомъ и маленькой бородкой.

— Есть ли у васъ что нибудь пообѣдать? спросилъ я, рассматривая не слишкомъ чистое столовое бѣлье «*Растеряницы*», подъ фирмою «городъ Москва».

— Есть все-съ.

— Что же, напимѣрь?

— Щи зеленые, котлеты, жаркое телятина, блинъ-манжесей, али сухое пирожное.

A la guerre, comme à la guerre, говорятъ Французы; въ дорогѣ прихотничать не приходится; притомъ этотъ обѣдъ и въ самомъ дѣлѣ оказался споснымъ. Но вода изъ рѣчки Мозенки оказалась не то, что превосходная наша Невская вода; для привыкшихъ къ ней, она рѣшительно незамѣнима никакою другою водою. Поэтому для ѣдущихъ изъ Петербурга, остается единственное средство: въ воду, попадающуюся въ дорогѣ, подливать нѣсколько краснаго вина, и чѣмъ вода на вкусъ хуже, тѣмъ вина требуется больше.

На послѣднюю станцію предъ Лугой, Горки (Преображенская тожъ), мы пріѣхали на другой день. — Проведя предъ тѣмъ цѣлые сутки

въ дорогѣ, въ проливной дождь, въ холодъ, я закутался потеплѣе, и къ свѣту уснулъ. Въ Горкахъ открывъ глаза, я пораженъ былъ чудной картиной. Былъ часъ седьмой утра: веселое солнышко ярко освѣщало молодую, не вполне еще развившуюся зелень ближняго лѣса, въ которомъ раздавалось громкое пѣнье соловья, и вдали гдѣ-то ему вторила кукушка. Надо быть кореннымъ городскимъ жителемъ, лишеннымъ въ продолженіи какихъ нибудь осьми мѣсяцевъ всякаго соприкосновенія съ природою, — чтобъ постигнуть всю поэзію, сокрытую въ шумѣ дубравъ, въ свѣжести первой дѣвственной зелени и въ безъ-искусственномъ пѣньи птичекъ, радостно привѣтствующихъ восходъ майскаго солнца. Но здѣсь, въ Горкахъ, не одна природа явилась мнѣ въ такомъ привлекательномъ видѣ. Почтовая гостинница, устроенная почтъ-содержателемъ Г. *Анненскимъ*, поразила меня самымъ пріятнымъ образомъ. Строитель этой гостинницы, архитекторъ Г. *Шрейберъ*, доказалъ на дѣлѣ, до какого высокаго искусства можно довести нашу Русскую архитектуру. Предъ вами Русская изба съ мезониномъ и рѣзными украшеніями, какія можно

видѣть на любой избѣ коренныхъ Русскихъ деревень. Но подобно талантливому виртуозу, берущему для музыкальнаго произведенія только мотивъ изъ народной пѣсни, искусный зодчій, не отступая повидимому отъ кореннаго типа національной архитектуры, создалъ нѣчто оригинальное и самостоятельное; подражать такимъ образомъ, значить творить. Строгая гармонія частей, тщательность и изящество малѣйшихъ подробностей, наконецъ удобства внутренняго расположенія и вкусъ, съ которымъ придумано убранство комнатъ, все это дѣлаетъ величайшую честь художественному такту строителя. Мы не знаемъ другихъ работъ *Г. Шрейбера*; но и одного опыта постройки въ Горкахъ достаточно, чтобъ имя этого художника сдѣлалось общеизвѣстнымъ. И о *Зарянко* никто не слышалъ до появленія на послѣдней Академической выставкѣ знаменитыхъ его портретовъ, а теперь за нимъ упрочена едва ли не Европейская извѣстность. Поощрительное вниманіе и гласность для таланта то же, что для цвѣтка лучи солнца и роса.

Горки отъ Петербурга всего въ 120 верстахъ. Шоссе настоящій паркетъ, лошади от-

борныя, ящики молодцы, словомъ, многимъ Петербургцамъ стоило бы прокатиться туда нарочно, чтобъ полюбоваться изящнымъ произведеніемъ *Шрейбера* и погулять по красивымъ тамошнимъ окрестностямъ. Мы почти увѣрены, что со временемъ тамъ будутъ устраиваться пикники и вообще parties de plaisir. Между тѣмъ желательно бы, чтобъ нашелся знающій человекъ, который бы подарилъ публику изображеніемъ Горкинской почтовой гостинницы, посредствомъ *Русскаго Художественнаго Листка*.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, тарантасъ нашъ былъ осмотрѣнъ и починенъ; но не менѣе того, онъ почти на каждой станціи подвергался хотя не прошенному, но весьма подробному и тщательному освидѣтельствуванію мѣстныхъ ящиковъ. Больше всего занимала ихъ судьба колесъ.

— Прикажите, батюшка, перетянуть колесо, а то, неравно случай какой нибудь выйдетъ, — говорилъ обыкновенно одинъ изъ ящиковъ, осматривавшій колеса съ видомъ знатока.

— Зачѣмъ же? вѣдь оно прочно и мы проѣхали на немъ всего пятьдесятъ верстъ.

— Это въ волѣ милости вашей; мнѣ вѣдь ништо, а послѣ сами пожалѣете: у насъ есть кузнецы, а вонъ на тѣхъ станціяхъ нѣтъ.

Такъ какъ исторіи эти повторялись вездѣ, и мастеръ, починявшій тарантасъ, увѣрялъ, что въ немъ можно сдѣлать навѣрно хоть пять тысячъ верстъ, то я, натурально, пересталъ обращать на нихъ вниманіе; но приближаясь къ границѣ Псковской губерніи, на станціи Плюсь, принужденъ былъ уступить краснорѣчивымъ доказательствамъ ямщиковъ, что колеса все-таки надо перетянуть. На это требовалось болѣе часа и чтобъ убить время, сдѣлано было распоряженіе объ обѣдѣ, состоявшемъ изъ зеленыхъ щей и котлетъ. Скромную трапезу нашу раздѣлялъ одинъ ѣхавшій изъ Одессы въ Петербургъ офцеръ. Отъ него я узналъ, что исключая губернскихъ городовъ, намъ вездѣ предстоитъ питаться неизбѣжными зелеными щами и котлетами.

Наконецъ экипажъ нашъ въ порядкѣ и мы опять въ дорогѣ. Окрестности однообразны: поля по обѣимъ сторонамъ дороги, кое гдѣ мелкій лѣсокъ, вездѣ на необъятномъ пространствѣ равнины, сливающіяся съ далекимъ синимъ

горизонтомъ; изрѣдка попадаются деревни съ своими однообразными избами, и толпою босыхъ ребятишекъ, бѣгущихъ шумно на встрѣчу проѣзжихъ, въ надеждѣ получить копѣчку на пряники. Если къ этому прибавить стада купающихся въ лужѣ утокъ или гусей, да изрѣдка попадающихся мужичковъ, съ котомкой на плечахъ, подѣ которой висятъ лапти, снятые съ ногъ въ видахъ экономическаго ихъ сбереженія,—то вотъ, кажется, все, что можно замѣтить о дорогѣ, начиная отъ Гатчины до Острова. Островъ старый мой знакомецъ: проѣздомъ въ село Михайловское, принадлежавшее покойному Пушкину, я посѣтилъ этотъ городокъ въ 1848 году (*). Здѣсь все по прежнему: подѣѣзжаете: шлагбаумъ, деревянный домикъ, заборъ, каменный домъ, соборъ, площадь, нѣсколько лавокъ съ разными разностями, опять шлагбаумъ,—вотъ и весь уѣздный городъ. Въ Островѣ мы разстались съ Ковенскимъ трактомъ и повернули налѣво, на Бѣлорусское шоссе, открытое недавно.

(*) См. выше стр. 115.

На Бѣлорусскомъ шоссе, начинающемся въ Островѣ, поражаютъ больше всего естественныя препятствія, надъ которыми восторжествовала могучая воля человѣка. Во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, огромныя горы приходилось свергать въ глубокіе овраги или пропасти; низкія, болотистыя мѣста укрѣплять и возвышать, иногда на весьма значительныхъ пространствахъ, плотинами, прорывая по обѣимъ ихъ сторонамъ канавы для стока обильной здѣсь воды; словомъ, новое Бѣлорусское шоссе, проведенное сквозь дремучіе лѣса, тундры, горы и пустыни, въ мѣстахъ мало обитаемыхъ, представляетъ рѣдкое торжество искусства надъ природою, и займетъ видное мѣсто въ ряду памятниковъ неусыпныхъ попеченій нашего Правительства о благоустройствѣ Имперіи. У меня было еще свѣжо въ памяти возвращеніе мое въ Петербургъ въ 1849 году по прежнему Бѣлорусскому тракту, усѣянному кочками и древесными корнями и изрытому потоками дождевой воды. Этотъ трактъ невыносимъ былъ въ особенности своими песками, сыпучими, глубокими и безконечными. Я ѣхалъ тогда въ зной-

ные дни Юля: кругомъ грустный видъ сосноваго лѣса, нигдѣ ни рѣчки ни ручья, а надъ головой палящее солнце; измученныя почтовые лошади, до колѣнъ въ песокъ, медленнымъ шагомъ тащили мой тарантасъ. Станціи были огромныя — верстъ по двадцати. Вездѣ глушь и тишина, нарушаемая только громко повторяемыми понужденіями ящика, да безпрестанными ударами его плети по спинамъ усталыхъ животныхъ, которыя, не смотря на то, насилу передвигали ноги. Все это я вспомнилъ теперь, весело и быстро несясь по новому шоссе, начинающемуся, какъ я сказалъ, въ Островѣ. Пошелъ опять проливной дождь, но здѣсь, на дорогѣ, одѣтой какъ въ броню, чудеснымъ шоссе, онъ былъ уже не страшенъ: проскакавъ нѣсколько станцій, мы пріѣхали къ обѣду въ Опочку, уѣздный городъ Псковской губерніи, отстоящій отъ Петербурга въ 300 верстахъ. Въ Опочкѣ шесть церквей, что придаетъ городу видъ довольно красивый.

Отдавъ свою подорожную для прописки, я расположился обѣдать въ гостинницѣ, куда внесень былъ товарищемъ моимъ и попугай его. Не прошло пяти минутъ, какъ въ гостинницу

ввалилась толпа народу, пестрая смѣсь одеждъ и лицъ, возрастовъ и состояній. Всѣ въ одинъ голосъ, наирерывъ, просили позволенія посмотреть на птицу. Послѣ первыхъ минутъ удивленія и восторга, — въ особенности когда попугай сталъ напѣвать одну изъ своихъ любимыхъ арій, — пошли распросы о томъ, откуда эта птица, что она ѣсть и пьетъ, злая ли она или добрая и проч. и проч. Попугай былъ въ эти минуты истиннымъ львомъ: онъ спокойно и съ достоинствомъ стоялъ на своей клѣткѣ и какъ будто наслаждался возбужденнымъ имъ удивленіемъ; вдругъ кто-то изъ зрителей вздумалъ дотронуться до него рукой; клювомъ своимъ онъ схватилъ любопытнаго за палецъ и, какъ видно, не очень нѣжно, потому что тотъ вскрикнулъ не своимъ голосомъ, быстро пошатнулся назадъ, опрокинулъ своего сосѣда, этотъ сосѣдку, упавшую въ свою очередь на дѣвочку, и такимъ образомъ вся публика пришла мгновенно въ движеніе и образовала нѣсколько группъ, въ высшей степени комическихъ. Изъ этой сцены покойный *Неваховичъ* могъ бы составить самую интересную картину для своей *Ералаши*.

Начиная съ Опочки, погода нѣсколько прояснилась и путь нашъ лежалъ по мѣстамъ гораздо болѣе разнообразнымъ, чѣмъ прежде: здѣсь черезъ двѣ станціи отъ Опочки начинается Витебская губернія, и до самаго уѣзднаго города *Городка*, вездѣ попадаются холмы, разнообразный лѣсъ и довольно большія озера; но кромѣ станціонныхъ домовъ, въ числѣ которыхъ есть уже нѣсколько великолѣпныхъ каменныхъ, точно такихъ, какіе построены на Московскомъ шоссе, — нигдѣ не встрѣчается почти никакого жилья. Достоинно замѣчанія, что между *Островомъ* и *Витебскомъ*, на пространствѣ болѣе 270 верстѣ, я видѣлъ только два помѣщичьихъ дома, одинъ въ Псковской губерніи, принадлежащій *Г. Татищеву*, а другой, за двѣ станціи предъ *Витебскомъ*, построенный на возвышеніи предъ большимъ озеромъ, въ имѣніи помѣщика *Богомольца*. Въ нѣсколькихъ верстахъ отсель лежитъ *Городокъ*, второй уѣздный городъ Витебской губерніи, на новомъ *Бѣлорусскомъ* шоссе. (Передъ тѣмъ былъ гор. *Невель*, который мы проѣхали ночью). Здѣсь впервые увидѣли мы Еврейское народонаселеніе: площадь, улицы, лавки, лавочки и лавчонки — все

это наполнено было неугомоннымъ и дѣятельнымъ потомствомъ Израиля. Мелочная торговля всякой всячиной составляетъ главное занятіе здѣшнихъ Евреевъ. Впрочемъ за Городкомъ я видѣлъ нѣсколькихъ Евреевъ, работавшихъ на шоссе,—явленіе чрезвычайно замѣчательное, потому что у этого племени врожденное отвращеніе отъ всякихъ тяжелыхъ и грубыхъ работъ.

Мнѣ хотѣлось собрать нѣкоторыя историческія и статистическія свѣдѣнія о Городкѣ; п съ этой цѣлью я отправился къ одному тамошнему старожилу; но не заставъ его дома, написалъ къ нему письмо, прося его прислать ко мнѣ въ Кіевъ нужныя мнѣ свѣдѣнія. Но вмѣсто того получилъ отъ него отвѣтъ, который передаю здѣсь съ дипломатическою точностію.

«Для васъ необходимо имѣть свѣдѣніе о городѣ Городкѣ. Но какое можно вамъ дать свѣдѣніе, да еще и *ученое*? Сей городъ есть по названію городъ, а въ самой вещи, не что другое, какъ большое селеніе Жидовское (подобно прочимъ уѣзднымъ городкамъ Битебской и Мигилевской губ.). Проѣзжая селеніе сіе, вы

вѣрно замѣтили на столбѣ онаго прописку, что въ немъ числится 860 дворовъ (избушекъ), а жителей мужескаго пола 3,245, а женскаго 3,260 душъ разныхъ званій. Въ Городкѣ три храма Божіи; вотъ и описаніе полное. — О! еслибъ я могъ писать, то давно бы что либо смастерилъ бы, и куда слѣдуетъ (?) отослалъ; но дару сего нѣтъ у меня, а потому, подобно прочимъ бездарнымъ, сижу въ тиши и въ глуши, да скромно занимаюсь возложеннымъ на меня дѣломъ, слава Бога».

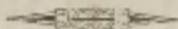
Письмо это говоритъ само за себя и не требуетъ комментаріевъ.

Обращаюсь къ моему путешествію. При въѣздѣ въ предѣлы Бѣлоруссіи изъ Псковской губерніи, гдѣ ямщики отличаются и благообразіемъ и проворствомъ и знаньемъ своего дѣла, проѣзжаго поражаетъ какой-то особенный типъ крестьянина Бѣлорусскаго. Приземистые, блѣдные, неповоротливые и слабосильные, Бѣлорусскіе ямщики цѣлой толпой собираются для смазки экипажа, тогда какъ это исполняетъ обыкновенно одинъ сметливый Великорусскій мужичекъ, у котораго всегда есть въ запасѣ *козлы* и умѣнье взяться за дѣло. Для Бѣлорусцевъ

смазка дорожнаго экипажа — совершенный подвигъ. Прежде всего человекъ двѣнадцать окружать экипажъ; потомъ ведутъ пренія о томъ, кому подымать кузовъ, кому держать колесо и кому мазать саломъ. По распредѣленіи такимъ образомъ ролей, принимаются за дѣло. Я говорю ролей, потому что это въ самомъ дѣлѣ похоже на комедію: въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть наприм. молодцы, на долю которыхъ выпадетъ, одному держать каретный ключъ, другому чеку, третьему гайку и т. п. Но операція эта кончена, и чрезъ нѣсколько минутъ является ямщикъ въ длинномъ кафтанѣ, съ кнутомъ въ рукѣ, и садится на козлы, съ невозмутимымъ спокойствіемъ. На вопросъ вашъ: «готово ли?» вамъ отвѣчаютъ хоромъ: готово, и просятъ за смазку. Вы расплатились, кричите ямщику: «пошолъ!», зазвенѣлъ колокольчикъ, экипажъ тронулся и вы предовольны, что наконецъ ѣдете; но вдругъ вашъ автомедонъ сдерживаетъ лошадей и экипажъ остановился. «Что случилось?» спрашиваете вы. — *«Кнуцикъ пацьрялъ»*.

Наконецъ все въ порядкѣ и вы ѣдете. Разнообразія въ окрестныхъ видахъ нѣтъ; изъ мел-

каго сосноваго лѣса вы вѣзжаете на пространную равнину, а съ пространной равнины въ мелкій сосновый лѣсъ. Изрѣдка только попадаются холмики, оканчивающіеся болотами, а иногда и цѣлыми озерами. Еще рѣже встрѣчаются деревни, съ курными избами, не осѣненными ни однимъ деревцомъ; иногда одиноко торчитъ у края дороги постоялый дворъ, у котораго стоитъ телѣга, запряженная маленькой крестьянской лошадкой, передъ которой брошено нѣсколько горсточекъ свѣжаго зеленаго сѣнца. Изъ окна постоялаго двора смотритъ хозяинъ этой телѣги и этой лошади, Бѣлорусской мужичекъ въ своей неизмѣнной *магеркѣ* (*)..... таковы главные предметы, которые большею частію встрѣчаются проѣзжему по Бѣлорусскимъ губерніямъ, и таковы они попадались мнѣ до самаго Витебска, куда я пріѣхалъ 16 Мая, въ проливной дождь.

(*) Валеная шапка.

VIII.

В и т е б е к ъ .

Его исторія и статистика. Воксальная гора. Благовѣщенская церковь. Николаевскій Соборъ. Успенскій Соборъ. Домъ Генераль-Губернатора. Заводы. *Кожмяки*. Ремесленники. Театръ. Кондитерскія. Публичный Садъ. Домъ Дворянскаго собранія. Картина «Снятие со Креста». Костель Св. Антонія. Преданіе о *Заклятой царевнѣ*. Евреи и извозчики. Вывѣски.

(1851.)

Подѣзжая къ Витебску, я любовался его живописными видами. Городъ расположенъ на высокихъ берегахъ Западной Двины и украшенъ множествомъ храмовъ, которыхъ высокія колокольни видны издалека. По случаю весенняго разлива, переправа чрезъ рѣку происходила на паромѣ. Здѣсь суетилась и шумѣла неизбѣжная толпа жидовъ, изъ которыхъ каждому непременно хотѣлось попасть на паромъ

первому. Прїѣздъ въ губернской городъ для проѣзжаго событіе чрезвычайно прїятное, въ особенности въ томъ отношеніи, что здѣсь ему представляется возможность даже удовлетворить нѣкоторымъ гастрономическимъ склонностямъ. Въ губернскомъ городѣ, хотя на время, забываются вѣчныя зеленыя щи и котлеты, которыми бѣдный Русскій путешественникъ долженъ питаться отъ самаго Петербурга, на пространствѣ 586 верствъ.

Послѣ весьма хорошаго обѣда (приправленнаго еще лучшимъ аппетитомъ), въ почтовой гостинницѣ, знакомой мнѣ съ 1849 г., я посѣтилъ Директора училищъ А. А. *Бернгофа*, съ которымъ потомъ мы отправились осматривать городъ. Обязательному вниманію Г. *Бернгофа* я одолженъ весьма подробными свѣдѣніями и указаніями, относящимися къ Витебску и въ томъ числѣ официальными статистическими данными. Польза статистики не подлежитъ сомнѣнію: видимыя явленія страны открываютъ невидимыя силы, двигающія дѣлами людей. Кто станетъ отвергать, что статистическія цифры больше всего могутъ ознакомить насъ съ краемъ, съ его особенностями, дать ясное понятіе о его благо-

денствіи, о его промышленности и о его средствахъ къ возвышенію различныхъ отраслей челоуѣческой дѣятельности? Притомъ матеріальное описаніе края обнаруживаетъ также нравственную сторону жителей. Поэтому, я рѣшилъ статью о Витебскѣ изпестрить и цифрами, предоставляя тѣмъ, которые до нихъ не охотники, при чтеніи, пропускать тѣ мѣста, гдѣ встрѣтятся ненавистныя имъ числа.

Время основанія Витебска неизвѣстно. Полагаютъ впрочемъ, что онъ *срубленъ* былъ въ IX вѣкѣ Норманнами, которые, ходя ежегодно въ Царьградъ, стекались сюда съ двухъ сторонъ: отъ Финскаго залива и отъ устья Западной Двины, и уже отсюда, какъ. изъ сборнаго мѣста, пускались къ Днѣпру, соединенною дружиною. Когда призваны были Варяжскіе Князья (862), Витебскъ, вѣроятно, вошелъ въ составъ владѣній Изборскаго Князя Трувора, а по смерти его, перешелъ къ Рюрику. До заключенія, въ 1021 г., мира между Вел. Кн. Ярославомъ Владиміровичемъ и Полоцкимъ Княземъ Брячиславомъ Изяславичемъ, Витебскъ принадлежалъ Великимъ Князьямъ, а тогда, вмѣстѣ съ Усвятомъ (нынѣ мѣстечко Суражскаго уѣз-

да), присоединенъ былъ къ удѣлу Полоцкому, отъ котораго въ послѣдствіи опять отдѣлился. Несторъ говоритъ: «*И (Ярославъ) вѣда ему (Брачиславу) два града, Свячь и Вибдескъ*». Хотя и послѣ того упоминается о Витебскѣ (между прочимъ въ примѣч. 407 къ II т. Исторіи Государства Россійскаго), но дальнѣйшая его судьба до временъ Ольгерда неизвѣстна. Ольгердъ, будучи еще Княземъ Кревскимъ, сочетался (первымъ) бракомъ съ Марією, дочерью Князя Витебскаго, своего сосѣда по владѣніямъ, и получилъ Витебскъ въ вѣно или приданое. *Стрѣльковскій*, а за нимъ и другіе историки, называютъ неправильно первую жену Ольгерда не Марією, а Ульяною. Дѣло въ томъ, что Ульяна или Іуліанія, была второю женою Ольгерда, съ 1350 г., чему находимъ несомнѣнныя доказательства въ исторіи *Карамзина* (компакт. изд. кн. 1, томъ IV стр. 165) и въ повѣствованіи о Россіи *Арцыбышевва* (т. II стр. 104). Какъ бы то ни было, но когда Ольгердъ сдѣлался Великимъ Княземъ Литовскимъ (1345), Витебскъ вошелъ въ составъ Литвы, и съ нею, въ послѣдствіи, присоединился къ Польшѣ. Въ 1654, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Русскіе

овладѣли нѣкоторыми при-Двинскими городами, между прочимъ и Витебскомъ, который одна-кожъ возвращенъ былъ Польшѣ по Андрусовскому договору, въ 1667 году. Въ награду за измѣну Россіи, Витебскъ и Полоцкъ обѣщаны были *Мазепѣ*, съ правами Курляндскаго Герцога. Въ 1772 году Витебскъ возвращенъ Россіи.

Городъ этотъ лежитъ на обоихъ берегахъ Западной Двины и рѣчки Витьбы, отъ которой, кажется, и получилъ свое названіе. Оба берега Двины соединяются въ городѣ деревяннымъ мостомъ, который, при вскрытіи или замерзаніи рѣки, сноситъ. Это породило здѣсь особую промышленность, которою занимаются преимущественно кожевники, или, по мѣстному выраженію, *кожсеяки*: они, съ опасностію собственной жизни, ловятъ лѣсъ отъ моста, пускаясь на этотъ промыселъ на челнокахъ, между льдинъ, уносящихъ ихъ иногда далеко на средину рѣки. На Витьбѣ же построенъ въ городѣ мостъ каменный. Во время войнъ Московскихъ Государей съ Великими Князьями Литовскими и Королями Польскими, Витебскіе посады были неоднократно выжигаемы. Самый

же городъ, т. е. два замка его, верхній и нижній, рѣдко доставались побѣдителямъ. За то Витебскъ не разъ пстреляемъ былъ пожарами, изъ которыхъ самые значительные были въ 1680, 1708, 1733 и 1752 годахъ. Въ порядкѣ полицейскаго управленія нынѣшній городъ раздѣленъ на три части: первая и вторая находятся на лѣвомъ берегу Двины; чертою раздѣленія имъ служитъ рѣчка Витьба; третья же часть расположена на правомъ берегу Двины. Первая часть города, называемая въ просторѣчїи—*Узгорскою* (отъ *взгорья*), самая красивая и многолюдная. Почти на всемъ протяженіи первой и второй частей тянется *Смоленская* улица, лучшая въ городѣ. Но мѣсто самое оживленное—это такъ называемая *Биржевая* площадь, среди которой возвышается каменное двухъ-этажное зданіе *Городской Думы*, съ каменною же высокою башнею, въ родѣ каланчи.

Въ Витебскѣ въ 1849 г. числилось: жителей обоого пола 19,620, въ томъ числѣ Евреевъ 9,547; домовъ 2,782, въ томъ числѣ каменныхъ 188; два женскіе монастыря: одинъ Православный, а другой Римско-Католическій: церквей разныхъ исповѣданій 26, изъ которыхъ

деревянныхъ только 4; двѣ Еврейскія синагоги: дѣтскій пріютъ; учебныхъ заведеній духовныхъ 2, свѣтскихъ, со включеніемъ казеннаго Еврейскаго, 7, тюремъ 2; больницъ: военная (госпиталь) 1, гражданскихъ: для Христіанъ 1, для Евреевъ 1; сверхъ того богадѣльня Приказа Общественнаго Призрѣнія.

Въ Витебскѣ два древніе историческіе памятника: Воксальная (?) Гора, на которой находился верхній замокъ, и единовѣрческая церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Воксальная Гора, еще нѣсколько лѣтъ тому служившая гульбищемъ, не что иное, какъ древній валъ. Съ одной только стороны замѣтна кирпичная кладка стѣнъ. Другихъ слѣдовъ бывшихъ укрѣпленій нѣтъ. Постройку Благовѣщенской церкви народное преданіе приписываетъ Св. Ольгѣ. Но церковь эта возведена Ольгердомъ, что доказывается слѣдующимъ мѣстомъ изъ *Стрыйковскаго*, служившаго полтора года (съ 1573) въ Витебскѣ и конечно хорошо знавшаго городъ: «Однако онъ (Ольгердъ) двѣ каменные церкви въ Витебскѣ по Греческому образцу богато выстроилъ, употребивъ на то, какъ самъ я видѣлъ, не мало иждивенія:

одну въ нижнемъ замкѣ, а другую въ нолѣ, за ручьемъ или ровомъ замка». (*Стрыйковскій*, нов. изд. 1846, т. II, стр. 14). Этотъ ручей или ровъ замка, названъ на городскомъ планѣ ручьемъ *Витьбою*, и въ лѣтнее время едва замѣтно струится по оврагу, чрезъ который, по насыпи, проведено недавно шоссе въ Оршу. Одна изъ церквей, упоминаемыхъ *Стрыйковскимъ*, нынѣшняя Благовѣщенская, а другая, бывшая тамъ, гдѣ теперь Свято-Духовъ монастырь, разобрана, за ветхостію, въ девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія. Описаніе *Стрыйковского* вполне согласуется не только съ мѣстностью обѣихъ церквей, но и съ наружнымъ видомъ доннѣ существующей церкви, которая походитъ на древнюю базилику. Къ замѣчательнымъ зданіямъ въ Витебскѣ принадлежитъ Николаевскій Каѳедральный Соборъ, бывший сначала Іезуитскимъ костеломъ, а потомъ Базиліанскою церковью. Въ бывшемъ при этой церкви училищѣ, называвшемся и гимназіею, учился нѣкоторое время знаменитый *Феофанъ Прокоповичъ*, подъ именемъ *Елисея*. Съ высокой колокольни этой церкви открываются превосходные виды: у ногъ вашихъ городъ, кипящій движеніемъ и

дѣятельностію, за нимъ тучныя пастбища, а тамъ воздѣланныя поля и далекій лѣсъ, исчезающій въ синевѣ безпредѣльнаго горизонта. Я посѣтилъ также Успенскій Соборъ, на дворѣ котораго, въ собственныхъ покояхъ, убитъ, 12 Ноября 1623, Унитскій Архіепископъ Юсафатъ *Кунцевичъ*. (См. Витебскія губ. вѣдомости 1847 года № 17).

Домъ Генераль-Губернатора, называемый въ нростонародьи *дворцомъ* и служившій въ 1812 г. мѣстопробываніемъ *Наполеону*, стоитъ на высокому берегу Двины; съ бульвара, начинающагося возлѣ этого дома, и простирающагося до Успенскаго Собора, открываются чрезвычайно живописныя виды на зарѣчныя части города, окаймленныя густыми зеленѣющими садами. Здѣсь довольно много гуляющихъ, особенно весною, по вскрытіи Двины, когда по ней несутся барки. Замѣчательны также зданіе Витебскаго Дѣтскаго Пріюта, перестроенное изъ бывшаго въ залогъ въ казнѣ дома купца *Мльнайлова*, и зданіе вновь возведенное военнаго госпиталя.

Витебскъ не богатъ ни торговлею ни промышленностію. Вотъ какіе были здѣсь въ 1848 г.

заводы: ткацкій талесный (*талесъ*, шерстяной бѣлаго цвѣта, съ темносиними поперечными полосами по концамъ, широкій шарфъ, употребляемый Евреями — мужчинами и бывающій двухъ родовъ: короткій, который надѣваютъ поверхъ рубашки, и длинный, надѣваемый, въ родѣ верхней одежды, во время молитвы). На этомъ заводѣ выдѣлка простиралась до 365 р. въ годъ. На десяти кожевенныхъ заводахъ выдѣлки было на 9,395 руб. въ годъ; на двухъ изразцовыхъ выдѣлывалось изразцовъ на 809 руб.; на 22 канатныхъ на 1,876 р.; на двухъ пивоваренныхъ на 6,192 руб.; наконецъ кирпичный заводъ произвелъ кирпича на 900 руб. Издѣлія всѣхъ этихъ заводовъ сбываются на мѣстѣ, кромѣ кожъ, которыя отправляются заводчиками въ Ригу, въ обмѣнъ получаемого оттуда сапожнаго товара высшихъ сортовъ. Кожевенное производство было здѣсь въ прежнее время, вѣроятно, гораздо значительнѣе нынѣшняго. Къ этому заключенію приводитъ то обстоятельство, что Витебскіе кожевники, или *кожемяки*, вообще люди зажиточные, и составляя какъ бы отдѣльную касту, вступаютъ въ браки почти исключительно между собою. О кожемякахъ го-

ворять, что они любятъ *давать волю рукамъ*. И въ самомъ дѣлѣ, они первые удалцы на кулачныхъ бояхъ, которые въ зимнее время по праздникамъ происходятъ на Двинѣ. Съ другой стороны, похвально отзываются о трудолюбіи, трезвости и набожности кожемякъ. Такъ наприм. они построили Воскресенскую церковь на Заручевѣ, (бывшемъ *Заручайскомъ* посадѣ). Промышленниковъ и ремесленниковъ считалось въ Витебскѣ въ 1848 г., какъ записанныхъ такъ и не записанныхъ въ цехи, всего 3,437 человекъ, въ томъ числѣ: фортеціаныхъ мастеровъ 2; часовщиковъ 25; серебрянниковъ 95; цирюльниковъ 30; портныхъ мужескихъ и женскихъ, а также перчаточниковъ 266; шапочниковъ 67; сапожниковъ и башмачниковъ 195; кузнецовъ и слесарей 38; мѣдниковъ 25; жестяниковъ и оловянщиковъ 80; извощиковъ 177; токарей, столяровъ, каретниковъ и колесниковъ 85; пряничниковъ и кондитеровъ 80; булочникъ (Нѣмецъ) 1. Достойно замѣчанія, что почти на 20,000 жителей одинъ булочникъ и притомъ Нѣмецъ. Помните стихи въ «Евгеніѣ Онегинѣ»:

И хлѣбникъ, *Нѣмецъ аккуратный,*

Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой васистдасъ?

Именно отъ того, что Нѣмцы аккуратны, какъ справедливо замѣтилъ *Пушкинъ* въ приведенныхъ стихахъ, отъ того нѣкоторыя ремесла и искусства находятся въ ихъ рукахъ исключительно: наприм. аптекари, часовыхъ дѣлъ мастера, механики — у насъ въ Россіи непременно Нѣмцы. Русскіе, безъ сомнѣнія, способны ко всему, но аккуратность, добродѣтель чисто Нѣмецкая, намъ не далась, и именно отъ того, что въ характерѣ Русскомъ есть черта совершенно противоположная аккуратности, это знаменитыя — *авось* и *все равно*. На нихъ-то основывается какая-то смѣлая отважность, съ которою несомвѣстны постоянство, Нѣмецкая усидчивость или аккуратность.

Въ Витебскѣ есть еще судопромышленники, строящіе барки и лодки, и *кормишки* (т. е. кормишки или кормчіе), нанимающіеся весною на баркахъ для провода ихъ по Двинѣ въ Ригу. Нѣкоторыя же ремесла составляютъ какъ бы исключительную принадлежность Евреевъ, какъ наприм. серебряныхъ дѣлъ, шапочное, портняжеское и наконецъ ремесло часовщиковъ. Въ по-

слѣднемъ ремеслѣ Евреи соперничаютъ съ Нѣмцами. Изъ Витебскихъ ремесленниковъ весьма искусны въ своемъ дѣлѣ портные, сапожники и башмачники. Но у всѣхъ страсть набирать какъ можно болѣе работы, забирать впередъ деньги и держать такимъ образомъ въ зависимости своихъ *давальцовъ* (*pratique*). Витебская торговля раздѣляется на оптовую и различную или мелочную. Оптомъ закупаются и перепродаются въ Ригѣ доставляемые въ весенній разливъ на баркахъ разныя сырыя произведенія, какъ то: хлѣбъ, ленъ, льняное сѣмя, пенька и табакъ, а въ разницу продаются въ самомъ городѣ колоніальные и мануфактурныя товары. До какой суммы простирается годовою оборотъ того и другаго вида торговли, положительно неизвѣстно. Извѣстно впрочемъ, что въ Витебскѣ, въ 1848, выдѣлано льну 1,040 берковцевъ, суммою на 20,395 р.; купеческихъ капиталовъ объявлено въ томъ же году 49, на 186,000 руб.

Въ Витебскѣ есть театръ, довольно красивый и уютный, хотя и перестроенный изъ частнаго ветхаго дома. Здѣсь играютъ на Русскомъ, Польскомъ и иногда на Нѣмецкомъ языкѣ прїѣзжающіе странствующие актеры. Быва-

ють сверхъ того спектакли любителей, Русскіе и Французскіе. Благородные спектакли даются всегда съ благотворительною цѣлью.

Въ театрѣ даются также концерты, представленія разныхъ фокусниковъ, чревовѣщателей и т. п.

Кандитерскихъ въ Витебскѣ двѣ. Одна принадлежитъ Швейцарцу *Брози*, очень опрятна и снабжена не только разными сладостями и ликерами, но и газетами Русскими, Польскими, Французскими и Нѣмецкими. Другая кандитерская Еврейская. Само собою разумѣется, что каждое изъ этихъ заведеній имѣетъ свой кругъ посѣтителей.

Близъ Петербургской заставы, находится публичный садъ, на воротахъ котораго есть слѣдующая надпись: «*Тиволи. 1848 года*». По здѣшнему, садъ этотъ называется Тиволи. Какъ и во многихъ другихъ губернскихъ городахъ, въ саду гуляютъ не часто и не охотно: между тѣмъ онъ содержится въ порядкѣ и окрестности его довольно живописны. Здѣсь, въ саду, на возвышенной ротондѣ, открытой со всѣхъ сторонъ, освѣщаемой разноцвѣтными фонарями, иногда танцуютъ.

Клуба нѣтъ. Но въ домѣ Дворянскаго Депутатскаго Собранія бываютъ зимою, по подпискѣ, танцевальныя и карточные вечера. Тутъ же можно найти и журналы и газеты. Вообще Витебскъ съ уѣздомъ своимъ въ 1848 г. выписывалъ слѣдующее число экземпляровъ временныхъ изданій: Библіотеки для Чтенія 7; Отечественныхъ Записокъ 3; Земледѣльческой Газеты 9; Московскихъ Вѣдомостей 5; Виленскаго Вѣстника 5; разныхъ газетъ въ Петербургѣ издаваемыхъ 57; иностранныхъ періодическихъ изданій 47.

Книжныхъ лавокъ не имѣется. Лѣтъ 7 тому назадъ одинъ Витебскій дворянинъ *Семенъ Верига* пытался было завести здѣсь Польскую библіотеку для чтенія, но предпріятіе его рушилось въ самомъ началѣ.

По части изящныхъ искусствъ, заслуживаетъ вниманія принадлежащая Николаевскому собору картина: *Снятіе со Креста*, приписываемая, Богъ вѣсть почему, *Сальватору Розь (???)*. Это, кажется, просто посредственная копія съ *Рубенса*. — Костель Св. Антонія росписанъ внутри фресками, изображающими событія изъ Священной исторіи; но ни по изо-

брѣтенію, ни по рисунку и вообще по исполненію, фрески эти не заслуживаютъ особеннаго вниманія; притомъ они отъ времени поблекли и сильно подверглись поврежденіямъ.

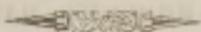
Интересно преданіе о *заклятой Царевнѣ*, которая будто бы скрывается во внутренности Воксальной Горы. Объ этой Царевнѣ рассказываютъ, что она ослѣпительной красоты, всегда одѣта въ бѣлое, живетъ въ великолѣпномъ чертогѣ, освѣщенномъ безчисленнымъ множествомъ огней, сидитъ на золотомъ тронѣ, читаетъ книгу, окружена огромными живыми львами; возлѣ нея, на-право лежатъ груды золота, а на-лѣво—бриллианты. Существуетъ преданіе, что наканунѣ Иванова дня (Ивана Купалы), Царевна многимъ показывается и разсыпаетъ вокругъ себя бриллианты, которые, однакожъ, по прикосновеніи къ нимъ, превращаются въ прахъ. Въ 1812 г., предъ началомъ войны съ Французами, Царевна будто бы звонила по ночамъ въ ночной колоколъ Успенскаго Собора; но по приближеніи кого нибудь мгновенно исчезала.

Другое преданіе основано на событіи историческомъ: у всѣхъ потомковъ одного изъ убійць Архіепископа Іосафата *Кунцевича*, по народ-

ному суевѣрью, находится на правой рукѣ красное пятно, прпзнакъ пролитой крови.

Изъ простолюдиновъ здѣсь наиболѣе бросаются въ глаза Евреи и извозчики. Евреи толкаются цѣлый день по улицамъ, суетятся, бѣгають назадъ и впередъ, ссорятся, бранятся и подчасъ пускаются даже въ рукопашный бой. Слово *кербеле* (рубль) не сходитъ у нихъ съ языка, подобно тому, какъ слово *доллерз* у Сѣверо-Американцевъ. За то въ шабашъ, т. е. въ Пятницу вечеромъ и въ Субботу, улицы совершенно пустѣютъ и принимаютъ другую физиономію. — Что касается до извозчиковъ, то стоя всѣ на одной биржѣ, они цѣлый день, отъ нечего-дѣлать, напѣвають пѣсенки, шутятъ, смѣются, перебраниваются, борются, дерутся, и горе пѣшеходу, который во время такихъ гимнастическихъ упражненій проходитъ, задумавшись, слишкомъ близко: нить мыслей его быстро прерывается пинкомъ или кулачнымъ ударомъ, нанесеннымъ, разумѣется, нечаянно. По вечерамъ извозничьи дрожки или сани загораживаютъ улицу до половины, такъ что съ трудомъ можно проходить. Ломовые извозчики стоятъ на другой биржѣ, близъ каменнаго моста,

на Витьбѣ. На каждой улицѣ столько лавокъ и лавочекъ, — почти все Еврейскихъ, — что невольно спрашиваешь: гдѣ же покупщики на такую бездну товаровъ? — Надписи на вывѣскахъ вообще неправильны: слово *портный* (портной) чаще всего встрѣчается. На нѣкоторыхъ вывѣскахъ, по игривой фантазіи маляровъ, красуются такія издѣлія, о которыхъ надобно думать, что ни маляры ни мастера не видали ихъ никогда въ натурѣ; да едва ли они и могутъ существовать. Одинъ затѣйникъ — цирюльникъ, желая вѣроятно показать близкія отношенія медицины къ смерти, изобразилъ принадлежности своего ремесла такимъ образомъ: банку нѣвокъ, ланцетъ и проч., онъ намалевалъ *бѣлою* краскою на *черномъ* полѣ.

IX.

О Р Ш А.

Исторія Орши. Церковь Св. Пророка Или. Упраздненные Римско-Католическіе монастыри. Православный Покровский монастырь. Женскій Пансіюшъ. Торговля известью.

(1851.)

Выѣхавъ вечеромъ изъ Витебска, мы къ утру были въ Оригъ.

Время основанія Орши не извѣстно. Въ первый разъ упоминается о ней въ лѣтописяхъ около 1,066 года. Владиміръ Мономахъ въ 1116 году, взялъ городъ этотъ приступомъ. (См. исторію Татищева кн. II стр. 119 и 216). Въ періодъ удѣловъ, Орша принадлежала сначала къ Полоцкому княженію, а потомъ къ Минскому. Во время войнъ Западной Руси съ Литовцами и междоусобій Князей Русскихъ, Орша подвергалась непрерывнымъ раззореніямъ. Нако-

нецъ, около 1323 г., она, вмѣстѣ съ Западною Русью, завоевана была Гедиминомъ и составляла пограничный городъ между Россією и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Въ 1382 г. Орша мужественно выдержала осаду Святослава, Кн. Смоленскаго, помогавшаго Андрею Ольгердовичу, который, при содѣйствіи Ливонскихъ рыцарей, воевалъ противъ брата своего Ягелло, наименованнаго незадолго предъ тѣмъ Королемъ Польскимъ. Окрестности Орши ознаменованы двумя стычками Петра Великаго съ Карломъ XII. Наконецъ въ Отечественную Войну 1812 года половина города была истреблена, а имущество жителей разграблено отступавшими полчищами Наполеона. — Сохранилось преданіе, что при устьѣ рѣки Оршицы (отъ которой получилъ названіе городъ) былъ замокъ, въ которомъ жила Русская Княжна Елена, въ послѣдствіи супруга Литовскаго Князя Александра Ольгердовича, получившая въ удѣлъ Оршу и замокъ Могилевъ (гдѣ нынѣ губ. городъ). Нынѣ мѣсто замка на Оршицѣ обозначается огромнымъ валомъ, имѣющимъ видъ четвероугольника и образующимъ берега Днѣпра и Оршицы.

Въ Оршѣ число жителей обоюго пола простирается до 3,050, въ томъ числѣ до 1,500 Евреевъ; чиновниковъ, ихъ женъ и дѣтей до 180. Домовъ 421, въ томъ числѣ каменныхъ 8. Нѣсколько лѣтъ тому городъ украшенъ каменнымъ готической архитектуры зданіемъ почтовой станціи, и устроена переправа чрезъ Днѣпръ. Вообще часть города, лежащая между Днѣпромъ и Оршицею, съ каждымъ годомъ улучшается. Доходъ, получаемый въ пользу города, простирается до 20,000 р. сер. въ годъ. На 35 улицахъ и переулкахъ мостовыхъ нѣтъ, такъ что весною и осенью здѣсь грязь непроходимая. Замѣчательны монастыри Православные: мужской и женскій за Днѣпромъ, въ верстѣ отъ города. На мѣстѣ мужскаго монастыря была нѣкогда Лавра, извѣстная по богатству и числу отшельниковъ, которые, не смотря на всѣ гоненія при введеніи Уніи, не измѣнили вѣрѣ своихъ отцовъ. Это было единственное мѣсто, гдѣ Православіе сохранилось во всей своей чистотѣ. Въ Лаврѣ была типографія, остатки которой донынѣ сохранились въ монастырѣ. Я не могъ узнать о времени обѣдненія Лавры; но, вѣроятно, это произошло при введеніи Уніи. Те-

перь, вмѣсто богатой и знаменитой Лавры, здѣсь незначительный третъеклассный монастырь. Въ самомъ городѣ три Православныя церкви; изъ нихъ замѣчательна по древности церковь во имя Св. Пророка Иліи, на лѣвомъ берегу Днѣпра, основанная въ 1505 г. Княгинею Софьею Юревичевою. Этой церкви принадлежитъ переправа чрезъ Днѣпръ, данная ей Польскими Королями. Въ ней молился Петръ Великій о дарованіи побѣды надъ Карломъ XII. Сверхъ того въ Оршѣ пять упраздненныхъ Римско-католическихъ монастырей: Іезуитскій, Доминиканскій, Бернардинскій, Францисканскій и Тринитарскій. Іезуитскій монастырь основанъ въ 1612 г. Королемъ Польскимъ Сигизмундомъ III. Въ обширныхъ зданіяхъ этого монастыря помѣщается городская тюрьма. Костель замѣчательенъ по своей величественной архитектурѣ и по фрескамъ, украшающимъ внутреннія его стѣны. Мнѣ хотѣлось непременно видѣть эту живопись и съ этой цѣлью я отправился къ смотрителю тюрьмы, живущему въ монастырскомъ зданіи. Но къ несчастію, его не было дома, и живописи я не видѣлъ. Прочіе монастыри основаны: Бернардинскій въ 1636 году, Домини-

канскій въ 1650 г., Францисканскій въ 1680; а Тринитарскій въ 1714 году. Въ здаши Бернардинскаго монастыря помѣщается окружная больница, въ которой бываетъ до 500 больныхъ въ годъ; зданія монастырей Доминиканскаго и Фраицисканскаго заняты бѣлымъ Римско-католическимъ духовенствомъ. Наконецъ, въ нерестроенномъ зданіи Тринитарскаго монастыря, помѣщается Оршанское Уѣздное Дворянское училище. Здѣсь есть также Православный (возсоединенный) Покровскій мужской монастырь, основанный въ 1714 г. Церковь этой обители построена въ готическомъ стилѣ и украшена внутри живописью. Въ особенности хорошо сохранился въ куполѣ образъ Покрова Пресвятой Богородицы. Сверхъ того было еще два женскихъ монастыря: Унитскій Благовѣщенскій, нынѣ упраздненный, и католическій Маріавитокъ. Такое значительное число монастырей указываетъ на бывшую нѣкогда обширность и значительность Орши. Здѣсь кромѣ Дворянскаго училища есть еще Уѣздное Духовное училище (при Покровскомъ монастырѣ) и частный женскій пансіонъ. Я посѣтилъ это заведеніе и былъ въ особенности пріятно изумленъ необыкновен-

ными успѣхами воспитанницъ въ Русскомъ языкѣ. Многія изъ нихъ поступають въ пансіонъ, не понимая ни слова по Русски; чрезъ полгода, а много чрезъ годъ, онѣ усвоиваютъ всѣ тонкости и особенности нашего прекраснаго языка, любятъ его и произносятъ по-Русски такъ хорошо, что мнѣ трудно было повѣрять, что воспитанницы не природныя Русскія.

Сверхъ окружной больницы, о которой говорится выше, въ Оршѣ есть богадѣльня, въ которой призрѣвается около десяти увѣчныхъ.

Говорятъ, что Орша была нѣкогда значительнымъ торговымъ пунктомъ; но въ настоящее время торговля здѣсь въ совершенномъ упадкѣ. Между тѣмъ положеніе города при значительной рѣкѣ и на пути, соединяющемъ какъ Москву съ губерніями: Минскою, Гродненскою, Виленскою и Ковенскою и съ Царствомъ Польскимъ, такъ и Петербургъ съ Одессою, должно бы, кажется, содѣйствовать развитію торговли и промышленности. Въ городѣ есть впрочемъ до 70 лавокъ и лавочекъ; но въ нихъ нѣтъ предметовъ самой необходимой потребности для порядочнаго человѣка. О предметахъ, нѣсколько подходящихъ къ роскоши, и говорить нечего:

жители Орши получают ихъ изъ Могилева, Витебска, болѣею же частью изъ мѣстечка Шклова, находящагося въ 40 верстахъ отъ Орши. Главный предметъ здѣшной торговли — это известь, которой выжигается изъ выламываемаго по берегамъ Днѣпра известковаго камня до 450 кубич. сажень, на сумму около 8,000 р. сер. въ годъ. Известь эта хотя не отличается бѣлизною, но цѣнится знатоками по своей клейкости. Она отправляется на небольшихъ судахъ въ Могилевъ, въ особенности же въ Кіевъ, гдѣ ее употребляютъ предпочтительно предъ всякою другою при производящихся здѣсь многочисленныхъ сооруженіяхъ. Но дальнѣйшему развитію этой промышленности препятствуетъ мелководіе Днѣпра, особенно въ лѣтнее время, когда глубина рѣки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превышаетъ полутора фута. Поэтому известь отправляется преимущественно при весеннемъ разливѣ Днѣпра; лѣтомъ же ее перевозятъ на лодкахъ, поднимающихъ до 300 пудовъ. Въ Оршѣ бываетъ одна только ярмарка, именно 9 Мая, въ день Св. Николая, когда окрестные жители собираются для продажи домашняго скота и нѣкоторыхъ сельскихъ хозяйственныхъ

принадлежностей. Купцовъ первыхъ двухъ гильдій нѣтъ; торговые же обороты 28 купцовъ 3-й гильдіи простираются до 24,400 руб. въ годъ. Совершенный недостатокъ ощущается въ мастеровыхъ; мѣщане же изъ христіанъ занимаются хлѣбопашествомъ, а Евреи мелочною торговлею.

Въ Оршу прїѣзжаютъ изрѣдка жалкіе странствующие актеры, акробаты и кукольныя комедіанты; но сборъ всегда бываетъ до такой степени ничтожный, что кочующіе артисты бѣгаютъ часто не только не въ барышахъ, но еще въ убыткѣ.

Если любовь къ чтенію можетъ служить мѣриломъ образованности, то Орша въ этомъ отношеніи поотстала отъ другихъ городовъ, судя по тому, что кромѣ Дворянскаго училища, только трое изъ частныхъ лицъ выписываютъ С. Петербургскія Вѣдомости, Сѣверную Пчелу и Московскія Вѣдомости; сверхъ того около десяти окрестныхъ помѣщиковъ получаютъ періодическія изданія, относящіяся къ Сельскому Хозяйству и Земледѣлю. Префераисъ здѣсь въ большой чести.

Орша, лежащая на берегахъ Днѣпра, при

впаденіи въ него Оршицы, раздѣляется естественно на три части: изъ нихъ лучшая лежитъ между этими двумя рѣками. Виды здѣсь очень картинны, въ особенности видъ съ Еврейскаго кладбища, расположеннаго на высокой горѣ, откуда весь городъ и лѣвый берегъ Днѣпра съ церквами и монастырями, окаймленными зеленью своихъ садовъ, представляются какъ на ладони. Съ этимъ видомъ могутъ поспорить только виды Кіевскіе.

Вотъ все, что можно сказать объ Оршѣ, однимъ изъ значительнѣйшихъ и древнѣйшихъ городовъ Могилевской губерніи.

Х.

Могилевъ. Рогачевъ.

Польза путешествій по Россіи. Нашествіе жидовъ на мою гостинницу въ Могилевѣ. Исторія этого города. Городской Сады. Исторія водворенія Евреевъ въ Бѣлоруссіи. Обѣды въ Могилевѣ. Исторія Рогачева. Нынѣшнее его состояніе. Издѣлія рогачевской жидовской кухни. Рѣка Березина. Ночлегъ въ Дубовичахъ и особенностъ тамошней прислуги.

(1851.)

Не смотря на предубѣжденія противъ странствій по Россіи, у насъ путешествія не только возможны, но и пріятны, не говоря уже о пользѣ, которую можно извлечь при ближайшемъ, хотя наглядномъ знакомствѣ съ особенностями, характеризующими различныя наши губерніи и разноплеменные народы, ихъ населяющіе. Такимъ образомъ, по предлежавшему мнѣ, на примѣръ, пути, за Петербургомъ являются Финны съ своею

особенною физиономією и нарѣчіемъ; въ Псковской губерніи — главное народонаселеніе состоитъ изъ Велико-Россіянь; далѣе, въ губерніяхъ Витебской и Могилевской живутъ Бѣлорусцы, потомки древнихъ Кривичей. Подвигаясь ближе къ югу, начиная съ Минской губерніи, господствующее населеніе состоитъ изъ Малороссовъ, прежнихъ Древлянъ и Полянъ. Проѣзжій, какъ бы онъ быстро ни мчался, все-таки долженъ входить въ соприкосновеніе съ народомъ, слышать его простыя, но полныя здраваго смысла рѣчи, и такимъ образомъ безъ труда и не роясь въ книгахъ, имѣетъ возможность узнавать многія особенности народнаго быта и характера. Жаль одного: у насъ очень многіе ѣздятъ, по разнымъ побужденіямъ, но весьма рѣдкіе пишутъ о своихъ поѣздкахъ. Чему приписать это? Недостатку ли литературнаго образованія, лѣни ли и безпечности? Не знаю; но дѣло въ томъ, что многіе изъ насъ Россію мало знаютъ, и потому, мнѣ кажется, что всякій добросовѣстный трудъ, имѣющій цѣлю знакомство съ какимъ нибудь уголкомъ безпредѣльнаго нашего отечества, не смотря на всѣ свои недостатки, можетъ представляться нѣкоторою за-

слугою въ глазахъ тѣхъ читателей, которые въ чтеніи ищутъ не только пріятнаго но и полезнаго.

Вотъ почему я позволилъ себѣ въ путевыя замѣтки мои включать цифры и другія статистическія данныя, объясняющія лучше всякихъ разглагольствованій положеніе города или края, и обращаться иногда къ воспоминаніямъ историческимъ.

Теперь продолжаю разсказъ о моемъ странствованіи. Переѣздъ отъ Орши до Могилева, на пространствѣ 80 верстъ, не смотря на безпрерывный проливной дождь, мы совершили и скоро и благополучно. Лошади были по прежнему вездѣ свѣжія. Станціи на этомъ пространствѣ каменные, великолѣпныя, гдѣ можно отдохнуть усталому путнику и выпить чаю и даже пообѣдать. Словомъ, дорога между Оршею и Могилевомъ больше всего напоминаетъ трактъ между обѣими нашими столицами, гдѣ удобства для проѣзжихъ доведены, какъ извѣстно, до *plus ultra*.

Гостинница, гдѣ я остановился въ Могилевѣ, мгновенно наполнилась нѣсколькими десятками Жидовъ, безъ церемоніи расположив-

шихся лагеремъ въ моей комнатѣ, въ которой они разложили разные товары, и громко, на-перерывъ, исчисляли ихъ названія, отличныя качества и неслыханную дешевизну. Сквозь длинную фалангу неотвязчивыхъ торгашей, предлагавшихъ, сверхъ товаровъ своихъ, еще разнаго рода услуги, я съ товарищемъ своимъ отпра-вился осматривать городъ, чрезъ который я проѣзжалъ въ первый разъ въ 1849 году.

Бросимъ бѣглый взглядъ на исторію Могилева. Время основанія Могилева, какъ и болъ-шей части нашихъ старинныхъ городовъ, не извѣстно. Въ Польскихъ хроникахъ онъ встрѣ-чается не прежде 1320 года, когда онъ при-надлежалъ къ Княжеству Витебскому. Въ из-вѣстномъ Географическомъ Словарѣ *Щекитова*, о Могилевѣ сказано: «Могилевъ названіе свое, безъ сомнѣнія, производитъ отъ слова *могила*, а по какому случаю такъ названъ, остаются однѣ только догадки. Исторически вѣрно, что былъ старинный обычай насыпать большіе кур-ганы надъ могилами знаменитыхъ людей; но исторія не говоритъ ничего, изъ чего бы можно было заключить, что тутъ погребено какое либо значительное лицо. Сверхъ сего самое

возвышеніе, на которомъ стоитъ Могилевъ, кажется, сдѣлано не человѣческими руками, но самую природою; ибо возвышеніе сіе непримѣтно съ полевой стороны (отъ сѣвера), но крутизна онаго открывается только къ р. Днѣпру, да кромѣ того здѣсь много и другихъ возвышенностей. Нѣкоторые догадываются, что Князь Владимірскій Левъ, который, въ 1220 году, всономоществуемый Князьями Святославомъ Кіевскимъ и Дмитріемъ Друцкимъ, велъ войну противъ Литовскаго Князя Римгольда, и при Могильнѣ, что при рѣкѣ Нѣманъ (Мемель), былъ побѣжденъ, а оттуда побѣжалъ къ Луцку, потомъ далѣе внутрь Россіи; жизнь же свою кончилъ не при Могильнѣ, а при сихъ могилахъ, гдѣ стоитъ нынѣ Могилевъ. Наконецъ нѣкоторые стараются доказать, будто бы Могилевъ имѣеть одного основателя съ городомъ Львовымъ, въ Червонной Россіи ностроеиннымъ и названнымъ по имени Льва, сына Россійскаго Князя Даніила, который всю Литву и Польшу поплѣнилъ, а посему названъ былъ мощнымъ или могучимъ. И такъ названіе Могилева, по сходству словъ, производятъ отъ *Могій-левъ*, т. е. могучій, мощный левъ. Нашествіе же Татаръ не позволило Моги-

леву сравниться съ городомъ Львовымъ. Сію догадку также трудно доказать. Но если Литовскія преданія справедливы, что сіе урочище издревле называлось *Могилки*, то всего вѣроятнѣе отъ него производить названіе Могилева. Можеть быть въ старину тутъ было кладбище; ибо и нынѣ вездѣ въ обыкновеніи, если позволить мѣсто, дѣлать кладбища на возвышенныхъ и открытыхъ мѣстахъ. Также на этомъ мѣстѣ могло быть какое либо упорное сраженіе, и великое число убитыхъ требовало разныхъ могилъ, откуда и мѣсто это названо *Могилками*».

Названіе Могилева въ самомъ дѣлѣ можемъ производить отъ слова *Могила*. До сихъ поръ сохранилось народное преданіе, что на мѣстѣ нынѣшняго города, покрытомъ въ старину непроходимыми лѣсами, былъ притонъ разбойниковъ, которыхъ главный атаманъ назывался *Могила*, а товарищъ его, атаманъ другой шайки, назывался *Гвоздь*. Послѣдній жилъ на томъ мѣстѣ, которое до сихъ поръ слыветъ въ пародѣ подъ именемъ *Гвоздовки*. Для истребленія разбойниковъ здѣсь основана была деревня, которая по множеству могилъ убитыхъ разбойниками людей, или по имени главнаго разбойническаго атамана,

названа была *Могилка* или *Могилки*. Эта деревня стояла, говорятъ, на берегу Днѣпра, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Еврейская школа.

Что касается до предположенія о могилѣ Владимірскаго Князя Льва, то надобно обратить вниманіе на то, что упоминаемый въ Словарѣ *Щекатова* Святославъ, не Кіевскій, а Черниговскій, воевавшій будто бы съ Литвою въ 1220 г., скончался, какъ извѣстно, въ 1194 г.; современный же ему Князь Владимірскій (Волинскій) назывался не Львомъ, а Романомъ, и былъ внослѣдствіи Княземъ Галицкимъ. Не повторяется ли здѣсь сказаніе *Стрыйковскаго*, который, говоря о покореніи Гедиминомъ Кіева, упоминаетъ о Львѣ, послѣднемъ Князѣ Луцкомъ, павшемъ въ битвѣ съ Гедиминомъ? (См. Ист. Малороссіи ч. I, стр. 26). Но если и допустить это предположеніе, то у *Стрыйковскаго* событіе это отнесено не къ 1220, а къ 1320 году, когда существованіе Могилева было уже извѣстно.

Сверхъ того есть другое преданіе о началѣ Могилева, упоминаемое въ лѣтописи Трубническаго. Преданіе это приписываетъ основаніе Могилева Льву, сыну Галицкаго Князя Даніила,

въ 1267 году. Догадка о построении Могилева Княземъ Галицкимъ не лишена основанія, потому что въ 1267 году Литовское Княжество, къ которому, вѣроятно, принадлежала тогда и Могилевская область, было соединено съ Княжествомъ Галицкимъ; а мѣстность Могилева, почти со всѣхъ сторонъ укрѣпленнаго самою природою, могла быть очень удобна для основанія города въ землѣ, вновь приобрѣтенной. Но догадка о происхожденіи названія Могилева отъ словъ: *Могій-Левъ* не имѣетъ основанія: изъ исторіи не видно, чтобы Левъ Галицкій имѣлъ названіе *Мощнаго* или *Могучаго*.

Въ 1609 г., по повелѣнію Сигизмунда III, начата постройка землянаго вокругъ города вала, приведеннаго къ окончанію въ 1633 г.

Въ 1654 г. Могилевъ покоренъ былъ оружіемъ Царя Алексѣя Михайловича, и съ того времени оставался здѣсь Русскій гарнизонъ, состоявшій изъ семи тысячъ человѣкъ. Но жители, видя, что Польша начала опять усиливаться, и желая снискать благоволеніе Короля, задумали истребить весь Русскій гарнизонъ.

Въ 1708 г., по случаю войны съ Швеціею, Могилевъ былъ сожженъ по волѣ Петра I. Въ

томъ же году Карлъ XII переправился здѣсь чрезъ Днѣпръ съ своимъ войскомъ, шедшимъ подъ Полтаву.

Въ 1772 г. Могилевъ окончательно присоединенъ въ Россіи.

Не смотря на введеніе Уніи, большая часть Могилевскихъ жителей оставались вѣрными вѣрѣ своихъ отцовъ; почему Могилевъ былъ главнѣйшимъ пребываніемъ высшаго И православнаго Бѣлорусскаго духовенства; поэтому большая часть церквей его принадлежать къ Православію. Ихъ считается около 20.

Число жителей въ Могилевѣ простирается до 17,868. Народонаселеніе его было гораздо значительнѣе въ двадцатыхъ годахъ, когда здѣсь была главная квартира 1-й Арміи, въ послѣдствіи переведенная въ Кіевъ. Послѣ этого Могилевъ не могъ оправиться. Къ тому же, нѣсколько лѣтъ назадъ, пожарами истреблена значительная часть города. Теперь здѣсь лучшія зданія: присутственныхъ мѣстъ, начальника губерніи, семинаріи и нѣк. др.

Въ Могилевѣ есть городской садъ, не большой, но содержимый въ порядкѣ и чистотѣ. Въ саду воксаль. Здѣсь бывають балы, гдѣ,

говорятъ, веселятся отъ души. Въ прочіе дни мужчины играютъ здѣсь по вечерамъ въ карты.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о Евреяхъ. Евреи стали распространяться въ Польшѣ съ половины 14 столѣтія; оттуда проникли въ Литву и въ Русскія земли, зависѣвшія отъ Литовскаго Князя, а въ 16 столѣтіи появились и въ Могилевѣ. Но Могилевскіе жители не уживались съ новыми пришельцами Корыстолюбіе Евреевъ и склонность ихъ къ обманамъ нерѣдко были причиною ссоръ, смятеній и разныхъ беспорядковъ въ городѣ. Все это вынуждало Польское правительство заботиться о выселеніи Евреевъ изъ Могилева. Въ 17 столѣтіи встрѣчается рядъ грамотъ Королевскихъ, которыми болѣе и болѣе ограничивалась Евреямъ свобода жить въ Могилевѣ. Наконецъ, когда въ 1654 году Могилевъ призналъ надъ собою власть Русскаго Государя, то Царь Алексѣй Михайловичъ, въ грамотѣ своей, данной по этому случаю жителямъ Могилевскимъ, совершенно воспретилъ Евреямъ жить въ Могилевѣ. *«А жидамъ во Могилевѣ не быти и житія ни какова не имѣти»*. Теперь значительная часть народонаселенія Могилева состоитъ изъ Евреевъ, которые прибрали къ

своимъ рукамъ почти { всю торговлю. Впрочемъ у нихъ, какъ и у прочихъ ихъ единовѣрцовъ, есть одно хорошее качество—это необыкновенная услужливость. Изъ угожденія вамъ, жидъ готовъ избѣгать весь городъ, исполнить всѣ возможные ваши порученія, и если въ награду подвиговъ его вы дадите ему 10 или 15 копѣекъ, то онъ вамъ отвѣситъ за это пренизкій поклонъ и будетъ рассказывать всѣмъ и каждому о чрезвычайной вашей щедрости и великодушii. Но покупать у Евреевъ—разнощиковъ, навязывающихъ свои товары, не совѣтую. Перчатки, которыя вы у него купите—будутъ гнилыя; вмѣсто о-де-колоня выйдетъ спиртъ; вакса перепортитъ всѣ ваши сапоги: всѣ прочiе товары въ этомъ же родѣ. Но для факторства это золотой народъ: для жида, бѣгать по порученiю барина, или какъ они называютъ, пана, не только не составляетъ труда, но напротивъ, для него это истинное наслажденiе.

При усовершенствованiи путей сообщенiя, ѣзда дѣлается необыкновенно быстрою, но за то въ высшей степени однообразною. Тройка добрыхъ лошадей мчитъ экипажъ по прямому какъ стрѣла шоссе; окрестности, съ рѣдкими

исключеніями, вездѣ однѣ и тѣ же: поле, сѣнокосъ, лѣсокъ, поверстный столбъ, постоянный дворъ, мостъ на рѣчкѣ, опять поле, иногда деревушка и въ ней почтовая станція. Движенія здѣсь не много: проѣдетъ двѣ или три тройки съ почтою, пройдетъ деревенская баба, у которой торчитъ за пазухой живой пѣтухъ, или плетутся пѣнкомъ два отставные солдата. Едва вы прискакали на станцію и предъявили подорожную, еще вы не успѣли оглядѣться и сообразить, не здѣсь ли вамъ выпить чаю, какъ является станціонный смотритель съ докладомъ, что «лоняди готовы». И вы опять скачете, скачете день и ночь. Это вѣчное движеніе сообщаетъ нервамъ вашимъ какую-то особенную раздражительность, которая, въ свою очередь, переходитъ въ желаніе мчаться все впередъ и впередъ. Но и тутъ бываютъ исключенія. Вы, напр., въ губернскомъ городѣ. Здѣсь въ проѣздѣ пробуждаются новыя желанія: прежде всего онъ требуетъ трактирный прейсъ-курантъ и сочиняетъ себѣ обѣдъ довольно прихотливый, заботится о томъ, чтобъ обѣдать за общимъ столомъ, гдѣбъ можно было познакомиться съ обществомъ, и за тѣмъ уже, какъ добросовѣ-

стный туристъ, отправляется осматривать самый городъ.

Могилевъ лежитъ на пути между Одессою и Петербургомъ; оттого здѣсь встрѣчается довольно много проѣзжающихъ. Одни, подобно мнѣ, ѣдутъ изъ Петербурга на югъ, другіе бросаютъ югъ, чтобъ попытать счастья на сѣверѣ. Такимъ образомъ, въ проѣздъ мой чрезъ Могилевъ, въ гостинницѣ къ обѣду собралось общество довольно разнообразное: тутъ были и военные и статскіе, и отставные и служанціе. Возлѣ меня за столомъ сидѣлъ одинъ молодой человѣкъ, Могилевскій житель, желавшій отправиться на службу въ Петербургъ. Узнавъ, что я ѣду оттуда, онъ спрашивалъ, куда бы ему тамъ опредѣлиться, въ какой части Петербурга лучше и дешевле жить и т. п.

По окончаніи обѣда, я обратился къ служителю гостинницы, и спросилъ, нѣтъ ли Петербургскихъ Вѣдомостей или Сѣверной Пчелы?

— Здѣсь, отвѣчалъ онъ, почти никто не получаетъ газетъ, по той причинѣ, что здѣсь все купцы; они все этакъ вникаютъ по торговой части-сь а другими новостями не занимаются, сударь».

Отвѣтъ совершенно удовлетворительный. Изъ него я не только узналъ, что газетъ нѣтъ, но увидѣлъ еще и причину, по которой въ Могилевѣ не выписываютъ ихъ.

Вообще Могилевскимъ обѣдомъ я былъ чрезвычайно доволенъ, во первыхъ потому, что обѣдъ въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный, какого мы не видали отъ самаго Петербурга; а во вторыхъ общество было интересное.

Наконецъ надобно было разстаться съ Могилевомъ. Начиная отсюда до самаго Рогачева, мы ѣхали по новому шоссе, открытому съ Новаго года. Растительность здѣсь уже примѣтно лучше: лѣсъ, только что одѣвшійся (17 Мая) свѣжими зелеными листьями, густотою своею и разнообразіемъ деревъ напоминалъ лѣса Черниговской губерніи, которые я видѣлъ въ такую же пору, года два предъ тѣмъ. Но дождь, почти не перестававшій отъ самаго Петербурга, мѣшалъ наслаждаться созерцаніемъ природы. Приходилось кутаться почти по зимнему и погружаться въ самого себя и въ глубину просторнаго нашего тарантаса.

— Знаете что я думаю? спросилъ меня мой товарищъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Я думаю, что дождь и сегодня не перестанетъ.

— И я думаю то же.

Затѣмъ мы умолкли и каждый изъ насъ старался думать о чемъ нибудь болѣе утѣшительномъ.

Но вотъ мы въ Рогачевѣ. Это уѣздный городъ, находящійся въ 100 верстахъ отъ Могилева. Время основанія его неизвѣстно. Впрочемъ названіе его встрѣчается на старинной картѣ 800 года (??). Рогачевъ основанъ на полуостровѣ, образуемомъ въ видѣ воловьего рога рѣками: Днѣпромъ и Друйцомъ. Отсюда, какъ полагаютъ, произошло и названіе *Рогачева*. Впрочемъ р. Друйць, протекавшая прежде возлѣ самаго города, гдѣ она впадала въ Днѣпръ, теперь перемѣнила свое ложе и удалилась отъ города на цѣлую версту, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде протекала, топкое болото и небольшія озера. Сверхъ того предаше говорить, что на возвышеніи, гдѣ построень городъ, былъ встарину увеселительный замокъ Королевы Боны, у которой была тамъ прекрасная *роговая* музыка, сообщившая названіе и Рогачеву. Изъ Нарбу-

товой исторіи видно, что близъ того мѣста, гдѣ нынѣ Рогачевъ, находился главный языческій храмъ, посвященный Богу *Святорогу*, которому въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій поклонялись Литовскіе народы; что около этого мѣста погребали богатыхъ людей и что отъ *Святорога* мѣсто это назваго Рогачевымъ. Не знаю, которое изъ этихъ трехъ предположеній о происхожденіи названія Рогачева болѣе основательно; замѣчу только, что въ гербѣ этого города находится *бараній рогъ*, а не воловій или музыкальный.—Какъ бы то ни было, но древность города не подлежитъ сомнѣнію, судя потому, что здѣсь сохранилось до сихъ поръ земляное укрѣпленіе, среди котораго находятся остатки огромнаго каменнаго строенія, которое было не что иное, какъ тотъ замокъ, о которомъ говорится выше.—Сначала Рогачевъ былъ частнымъ мѣстечкомъ, а въ 1778 г. наименованъ уѣзднымъ городомъ.

По положенію города, окруженаго сырыми и болотистыми мѣстами, жители Рогачева подвергаются различнымъ болѣзнямъ и въ особенноти упорнымъ лихорадкамъ.

Находясь на двухъ судоходныхъ рѣ-

кахъ, Рогачевъ могъ бы развить свою торговлю; между тѣмъ рѣдкія изъ проходящихъ мимо его 200 *большихъ* судовъ, останавливаются, и то лишь въ неурожайные годы, для продажи хлѣба и частью соли на незначительную сумму. Изъ города же отправляютъ, на возвращающихся судахъ, лозовой коры и рогожъ на сумму, не превышающую 600 р. въ годъ.— Въ 42 деревянныхъ ветхихъ лавкахъ продается разныхъ мелкихъ товаровъ на сумму до 5,000 р.

Въ Рогачевѣ двѣ церкви: одна Православная, а другая Римско-католическая, два училища: уѣздное дворянское и приходское, открытыя въ 1810 г., и сверхъ того частный пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ. Жителей, помѣщающихся въ 346 деревянныхъ домахъ, до 2,800. Домъ присутственныхъ мѣстъ каменный.

Господствующее здѣсь между простолюдинами нарѣчіе Бѣлорусское. Вотъ образчики его: «*Этѣ, не слухѣ его, татуля; мало чѣ онѣ каѣ, онѣ все свое тягнетѣ*» (не слушай его, бабушка, мало ли что онъ говоритъ, онъ все стоитъ на своемъ). «*Я каю того, а онѣ тоѣ*» (я говорю про то, а онъ свое).

По части жизненныхъ удобствъ, въ Рогачевѣ есть такъ называемая кондитерская и три трактира, содержимые Евреями. Судьба насъ завела въ одинъ изъ послѣднихъ, подъ фирмою: «Новый Свѣтъ», въ которомъ насъ угостили старой индѣйкой, приготовленной *à la juive*. При видѣ этого удивительнаго произведенія жидовской кухни, я вспомнилъ остроумныя чтенія Графа *Сюзора* о гастрономіи, гдѣ онъ исторически излагалъ развитіе новареннаго искусства у разныхъ народовъ. Спрашивается: какое разстояніе отдѣляетъ изящныя произведенія какого нибудь Вателя или Карема отъ стряпни Рогачевской жидовской кухни? Тутъ конечно такая же разница, какъ между портретами *Брюллова* и изображеніями на вывѣскѣ «Новаго Свѣта» двухъ франтовъ, въ допотопныхъ фракахъ, усердно играющихъ на бильярдѣ.

Въ Рогачевѣ шоссе оканчивается, и намъ пришлось продолжать путь по обыкновенному тракту. Это было тѣмъ болѣе неприятно, что послѣ дождя, дорога была довольно грязна и значительно замедляла ѣзду нашу. За то, начиная отъ Рогачева до слѣдующей станціи

Жлобина, почтовая дорога обсажена деревьями, въ видѣ аллеи, и проведена на правомъ берегу Днѣпра. Здѣсь виды со всѣхъ сторонъ живописные и разнообразные; самая рѣка оживлена барками, плотами и т. п.

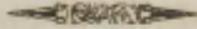
Версть за сорокъ отсель начинается Минская губернія и здѣсь первая особенность, обращающая на себя вниманіе — это волю, которыхъ крестьяне употребляютъ въ полевыхъ работахъ. Здѣсь поселяне говорятъ уже не Бѣлорусскимъ, а Малороссійскимъ нарѣчіемъ. Видъ деревень становится веселѣе: крестьянскія хаты осынены зелеными садиками; онѣ уже не похожи на Бѣлорусскія, а выкрашены бѣлымъ, и снабжены вездѣ дымовыми трубами. Словомъ, вѣздъ изъ Могилевской въ Минскую губернію производитъ самое пріятное впечатлѣніе.

Въ Евтушкевичахъ, Минской губерніи, рѣка Березина разлилась широко и течетъ быстро. Волны этой рѣки поглотили много сподвижниковъ отступавшей Наполеоновой арміи. Намъ предстояла здѣсь переправа на паромѣ, управляемомъ веслами. Когда мы подъѣхали сюда, паромъ былъ среди рѣки и его

уносило внизъ по теченію, такъ что, не смотря на всѣ усилія людей, работавшихъ веслами и баграми, они никакъ не могли привести наромъ къ нашему берегу. Дѣло было въ Пятницу, предъ захожденіемъ солнца, и въ числѣ переправлявшихся находился одинъ жидъ, спѣшившій на шабашъ. Чтобъ помочь горю, онъ хватался то за весло, то за багоръ, то бросался въ прикрѣпленную къ парому лодку, то вновь вооружался багромъ; но пуще всего онъ размахивалъ руками, суетился и въ особенности кричалъ громче всѣхъ. Но дѣло отъ того, разумѣется, нисколько впередъ не подвигалось. Когда солнце стало прятаться за горизонтъ, отчаяніе жиды достигло крайнихъ предѣловъ: въ изнеможеніи онъ сѣлъ среди парама и съ сокрушеніемъ только восклицалъ непрерывно: «*ой, вей миръ!*» Наконецъ мужичкамъ удалось кое-какъ выбраться на теченіе менѣе быстрое, и они причалили къ берегу, на которомъ мы ожидали переправы съ большимъ нетерпѣніемъ. Переправясь чрезъ Березину, мы прибыли ночью въ Дубовичи, послѣднюю станцію предъ Мозыремъ. Утомленные тревогами и бессонницею шестидневна-

го путешествія, мы рѣшились въ Дубовичахъ переночевать. Между тѣмъ станціонному сторожу приказано было поставить самоваръ. Спустя по крайней мѣрѣ три четверти часа явился вождедѣнный самоваръ. Поставивъ его на столъ, въ то время когда мы отъ усталости дремали, сторожъ считалъ, что уже свое дѣло исполнилъ, и отправился спать. Открывъ глаза, я послалъ за сторожемъ и потребовалъ отъ него чайника и стакановъ. Пошелъ мой сторожъ и чрезъ четверть часа возвратился съ чайникомъ. «А гдѣ же стаканы?» спросилъ я. Онъ вновь отправился прежнимъ мѣрнымъ шагомъ и принесъ одинъ стаканъ. «Принеси и другой стаканъ; вѣдь ты видишь: насъ двое».— Сторожъ опять исчезъ и чрезъ нѣсколько времени принесъ еще стаканъ. Такимъ точно порядкомъ, т. е. по одиночкѣ, приносимы были блюдечки, ложечки, сливки и всѣ прочія чайныя принадлежности. Когда я спросилъ у него салфетки и подноса, то онъ такъ этому удивился, какъ будто я потребовалъ у него птичьяго молока. Поутру, ни свѣтъ ни заря, онъ явился просить на водку, говоря, что онъ всю ночь для насъ бѣ-

галъ, что не слышитъ ногъ подъ собой, и проч. и проч. Наградивъ его за услуги, которыхъ достоинство состояло болѣе въ количествѣ нежели въ качествѣ, мы отправились въ дальнѣйшій путь.

ХІ.

М о з ы р ь . О в р у ч ь .

Новый Селифанъ. Исторія Мозыря. Уѣздное Дворянское Училище. Пансионъ благородныхъ дѣвиць. Промышленность и торговля. Статистика города. Въѣздъ въ Волянь. Распятія и другіе предметы поклоненія. Исторія Воляни. Овручъ. Развалины церкви Св. Василія.

(1851.)

Помните ли то мѣсто въ «Мертвыхъ душахъ», гдѣ кучеръ Чичикова Селифанъ обращаетъ рѣчь къ лошадямъ и упрекаетъ одну изъ нихъ въ лѣности и коварномъ поведеніи?— На послѣдней станціи предъ Мозыремъ намъ запрягли четверку лошадей, и ямщикъ, правившій ею, былъ, конечно, съ родни кучеру героя *Гоголевой* поэмы. Ямщикъ безпрестанно бормоталъ что-то. Сначала я не обращалъ на это вниманія; но вслушавшись въ его рѣчи, я

увидѣлъ, что онъ ведетъ съ своими лошадьми весьма назидательный разговоръ.

— Ну, дѣтки, ужъ тутъ вы возьмите дружище: вишь какой песокъ! А, *Дроздъ!* такъ ты слушаешь меня? Хорошо же! вотъ я тебѣ за то и не дамъ овса, такъ ты будешь знать какъ надо служить..... Видишь, вотъ *Котелочекъ*, такъ онъ везетъ какъ слѣдуетъ доброму коню. Онъ знаетъ свое дѣло: не заставляетъ понуждать себя кнутомъ. Ну, а ты *Акулина!* не видишь развѣ, что здѣсь плотина, что тутъ нужно поосторожнище, чтобъ не беспокоить господъ. Вѣдь господа и безъ того устали; я, чай, ужъ сколько дней въ дорогѣ; имъ, можетъ быть, и вздремнуть хочется, а тебѣ все равно: по бревнамъ такъ и валяешь себѣ; никакого уваженія у тебя нѣтъ къ господамъ; а *Жеребчикъ* туда же за тобой..... Эхъ, *Жеребчикъ*, *Жеребчикъ!* право, слово, стыдно тебѣ; а еще былъ курьерскимъ..... Ну, вотъ, теперь плотину проѣхали; теперь можете скакать всѣ вмѣстѣ. Только смотрите: гдѣ грязь, тамъ ступайте потише, а по-ровному валяйте во всю ивановскую, да дружище. Ты *Жеребчикъ*, и ты, *Котелочекъ*, знайте, что вы при-

стяжные, и потому должны помогать коренному: въ немъ вся сила; но и онъ ничего не сдѣлаетъ, если вы ему не станете помогать. А ты, *Акулина*, опять за свое! — И съ этимъ словомъ новый Селифанъ принялся стегать кобылу плетью.

— За что ты ее бьешь? спросилъ я.

— Да она немножко лукавить, ваше благородіе.

За тѣмъ онъ продолжалъ внушать ей наставленія, сопровождаемая ударами плети.

Между тѣмъ мы приближались къ р. Припети, недавно предъ тѣмъ вступившей въ свои берега. Разливъ ея весною бываетъ чрезвычайно великъ; такъ на прим. говорятъ, что тому восемь лѣтъ пространство, занимаемое пою водою, простиралось болѣе чѣмъ на четыре версты. Переправа въ это время производится посредствомъ парома.

Мозырь лежитъ на высококомъ берегу Припети и изъ за рѣки видъ его довольно живописенъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ исторіи этого города. Такъ какъ земли на бере-

гахъ Припети (*), въ древности населены были Древянами, то, вѣроятно, и Мозырь основанъ былъ ими. Въ 1018 году Св. Равноапостольный Князь Владиміръ, а въ 1038 году Ярославъ Мудрый, распространяя предѣлы своихъ владѣній, завладѣли и землями Древянскими. Ярославъ, уничтожая все, носившее на себѣ отпечатокъ язычества, пощадилъ Мозырь, подчинившійся владычеству Князей Русскихъ. Въ 1155 г. городъ этотъ отданъ былъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ брату Изяслава Черниговскаго Святославу Ольговичу. Въ 1205 г., Литовцы, подъ предводительствомъ Князей своихъ Живабунда и Монтвилла, вторглись въ предѣлы Русскихъ земель, и въ числѣ другихъ городовъ разграбили Мозырь, который въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ прочими завоеванными мѣстами, былъ отбитъ Ольговичами. (Хрон. *Стрыйковскаго* т. I стр. 215, Варшава. 1845). За тѣмъ сынъ Монтвилла Эрдживилль, покорилъ Русскія Княжества отъ

(*) Есть преданіе, что рѣка эта называлась *Три пять* и что такое названіе дано потому будто бы, что въ нее впадаетъ 15 рѣкъ, (3 × 5).

Вилли до Мозыря. Послѣ нашествія Татаръ, онѣ не хотѣлъ платить дани товарищу Батыя Кайдану и близъ Мозыря разбилъ его. Послѣ того Мозырь еще не разъ испытывалъ бѣдственную участь того времени: подвергался нападеніямъ Татаръ и переходилъ во власть то Русскихъ то Литовцевъ. Наконецъ, въ половинѣ 14 вѣка онѣ входитъ въ составъ Пинскаго Княжества, котораго основателемъ является Наримундъ, сынъ Гедиминовъ. Этотъ Князь, сражаясь съ Татарами, былъ взятъ ими въ плѣнъ. Выкупленный Московскимъ Княземъ, онѣ принялъ въ Св. крещеніи имя Глѣба, и скончался близъ Новгорода въ 1310 г.

Цвѣтущее состояніе Мозыря продолжалось до 1660 года, т. е. до того времени, когда ужасный пожаръ превратилъ въ развалины всѣ его строенія и нѣсколько монастырей и церквей.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Мозырь, какъ древнее наше достояніе, возвращенъ Россіи и теперь принадлежитъ къ числу уѣздныхъ городовъ Минской губерніи.

Просвѣщенію давно положено здѣсь основаніе. Еще въ XVII столѣтіи іезуиты содер-

жали здѣсь училище, которое въ 1773 г. было закрыто. Но съ того времени лезуиты содержали училище въ 20 верстахъ отъ Мозыря, въ м. Юревичахъ. Въ 1781 заведеніе это, состоявшее изъ трехъ классовъ, переведено было въ Мозырь. Въ 1818 оно было преобразовано въ шестиклассное и оставалось въ такомъ видѣ до 1834, т. е. до учрежденія бывшего Бѣлорусскаго учебнаго округа; при чемъ оно преобразовано въ уѣздное Дворянское пятиклассное училище. Теперь, благодаря неусыпной заботливости штатнаго смотрителя Е. Θ. *Казакина*, оно принадлежитъ къ числу самыхъ благоустроенныхъ учебныхъ заведеній Виленскаго учебнаго округа. Я посѣтилъ училище это во время классныхъ занятій, и не говоря о примѣрномъ во всѣхъ отношеніяхъ порядкѣ, я былъ въ особенности душевно порадованъ отличными успѣхами учениковъ въ Русскомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ прочли наизусть нѣсколько стихотвореній *Пушкина* и нѣкоторыя басни *Крылова*, и каждому стиху они умѣли сообщить истинный его смыслъ и значеніе; при томъ произношеніе у нихъ безукоризненное, хотя они и не принадлежатъ къ чи-

слу коренныхъ Русскихъ. Изъ отвѣтовъ учениковъ, я замѣтилъ, что обороты рѣчи у нихъ совершенно сообразны съ духомъ и требованіями нашего языка. Въ наружности учениковъ, ихъ непринужденныхъ приемахъ и движеніяхъ замѣтно также, что и на это обращается здѣсь вниманіе начальства, которому ввѣрено важное дѣло образованія юношества. Я посѣтилъ потомъ здѣшній Пансіонъ благородныхъ дѣвицъ. Здѣсь также я нашелъ успѣхи въ Русскомъ языкѣ изумительные. Хотя въ числѣ воспитанницъ нѣтъ ни одной Русской, но при усердіи содержательницы этого заведенія, Г-жи *Оздобной*, вполне сознающей важность своего призванія, каждая воспитанница, — при поступленіи въ заведеніе, иногда не знающая ни слова по Русски, — нѣсколько времени спустя, усваиваетъ всѣ особенности и тонкости прекрасной, изящной Русской рѣчи. Живые иностранные языки и искусства также не пренебрегаются, и я считаю за особенное удовольствіе упомянуть здѣсь объ этомъ, и пожелать полного и совершеннаго успѣха прекрасному заведенію Г-жи *Оздобной*.

Теперь позволю себѣ сказать нѣсколько

словъ о матеріальной части Мозыря. Извѣстно, что рѣка имѣетъ для города такое же значеніе, какъ жизненные артеріи въ человѣческомъ организмѣ. Выше я замѣтилъ уже, что Мозырь стоитъ на Припети. Рѣка эта, получивъ начало свое между Кобринскимъ и Ковенскимъ уѣздами, протекаетъ черезъ уѣзды Пинскій и Мозырскій и входитъ въ Кіевскую губернію, и за м Черныбылемъ (Радомысльскаго уѣзда) впадаетъ въ Днѣпръ. Припеть составляетъ главный путь сообщенія для транспортовъ, отправляемыхъ по Днѣпру, которымъ они плывутъ мимо Кіева до Кременчуга и Херсона. Этимъ нутемъ отправляется смола, лѣсъ, хлѣбъ, грибы и горячее вино, что и составляетъ главный предметъ здѣшней промышленности. Количество смолы составляетъ въ годъ болѣе 10.000 бочекъ. Рыбный промыслъ заслуживаетъ также вниманія: такъ наприм. въ имѣніи помѣщика *Горвата-Рудни*, въ небольшой рѣчкѣ, впадающей въ Припеть, ловится иногда въ зиму рыбы болѣе чѣмъ на 4.000 р. Жители Мозыря принимаются за рыбную ловлю обыкновенно тотчасъ по вскрытіи рѣки. Замѣчательно, что между мелкою рыбою попадаются иногда осетры до двухъ пудовъ

вѣсомъ. Въ Мозырѣ двѣ ярмарки: Крещенская и Спасская; привозятъ красные и колониальные товары, галантерейныя вещи и т. п. Торговый оборотъ простирается отъ 15 до 25,000 р. Разумѣется, кто вся торговля въ рукахъ Евреевъ.

Въ Мозырѣ три Православныя церкви и двѣ Римско - Католическія.

Какъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, здѣсь есть также: больница, аптека, трактиръ, кондитерская съ билльярдомъ, булочная, свѣчной заводъ, двѣ спгарныя фабрики и два кирпичные завода. Домовъ до 700, а жителей болѣе 1,000 душъ мужеска пола. Ремесленники здѣсь почти исключительно Евреи.

Любовь къ чтенію довольно здѣсь развита. Доказательствомъ тому служить то, что Мозырскіе жители получаютъ Отечественныя Записки, С. Петербургскія Вѣдомости, Сѣверную Пчелу, Русскій Инвалидъ и нѣкоторыя другія газеты и журналы. Сверхъ того при училищѣ находится бібліотека, заключающая въ себѣ до 1,000 книгъ разныхъ названій.

Здѣсь есть даже театръ, устроенный въ 1840 г., въ которомъ играютъ во время Спас-

ской ярмарки прїѣзжающіе изъ Минска актеры.
Въ это время удивительно

Какъ оживляется глухая сторона,

Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!

Тутъ являються со всѣхъ сторонъ музыканты, шарманщики, вольтижеры, кукольная комедіи, модистки, виртуозы, концертисты; иногда учреждаются такъ называемыя кассино или редуты, т. е. просто балы по подпискѣ или ликники.

Мозырь, отстоящій отъ Петербурга на 980 верстъ, пользуется очень хорошимъ климатомъ. Какъ принадлежность юга, здѣсь впервые встрѣчается Италіянская тополь. Самый городъ построенъ частію на высокихъ берегахъ Принети, откуда виды на противоположный берегъ чрезвычайно картинны: Припеть вьется голубой лентой и исчезаетъ между крутыхъ, далекихъ береговъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ.

Дорога отъ Мозыря до Овруча чрезвычайно песчаная, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось ѣхать шагомъ. Проливной дождь, преслѣдовавшій меня почти отъ самаго Петербурга, предъ Овручемъ пересталъ, но за то сдѣлалось такъ холодно (20 Мая), что моя по-

что зимняя одежда не могла достаточно согрѣвать меня и я принужденъ былъ прибѣгать къ согрѣванію внутреннему, т. е. на каждой почти станціи выпивалъ по нѣскольку глотковъ рому, которымъ необходимо запастись ѣдущимъ въ Русскій далекій путь. Верстахъ въ двадцати отъ Овруча, мы разстались съ Минскою губерніею и въѣхали въ Волинскую. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то, что при деревняхъ и вообще на перекресткахъ дорогъ стоятъ высокіе деревянные кресты съ изваяннымъ, а иногда живописнымъ изображеніемъ распятія. Крестъ вѣнчаетъ деревянный раскрашенный пѣтухъ, въ воспоминаніе словъ Спасителя, сказанныхъ Петру: «Прежде, нежели пѣтухъ пропоетъ, ты три раза отречешься отъ меня». Внизу; у ногъ Божественнаго страдальца, прибивается продолговатая черная досочка, съ изображеніемъ десяти серебрянниковъ, цѣною которыхъ Іуда предалъ Спасителя міра. Кресты эти воздвигаются обыкновенно усердіемъ мѣстныхъ жителей. Сверхъ того, при въѣздѣ въ города или мѣстечки, встрѣчаются изваянія нѣкоторыхъ Святыхъ, особенно чтимыхъ Римскими Католиками, наприм. Св. Яна

Непомуцына, Св. Антонія и др. Изваянія эти, въ натуральную величину, бываютъ изъ алебастра, но чаще всего изъ дерева и всегда раскрашены. Это раскрашиванье происходитъ, конечно, отъ ложно понимаемаго подражанія природѣ въ изящныхъ искусствахъ. Между тѣмъ изваяніе изъ бронзы или мрамора, не смотря на одноцвѣтность матеріала, изъ котораго оно произведено, пріятно дѣйствуетъ на эстетическое чувство.

Но обращаюсь къ Воляни, замѣчательной между прочимъ и въ томъ отношеніи, что начало ея исторіи предшествуетъ началу ея населенія. И въ самомъ дѣлѣ, Геродотъ говоритъ, что по 300 годъ до Р. Х., отъ Неровъ, обитавшихъ у истоковъ Днѣстра, не было жителей по направленію къ Сѣверу. Начинающіяся у Днѣстровскихъ истоковъ необитаемыя степи шли черезъ мѣста, гдѣ теперь Волянь, Бѣлоруссія, Калуга, Москва и Владимірская губернія. Степи эти отдѣляли Скиѳовъ отъ Рифеевъ или *Славовъ* (*), извѣстныхъ Грекамъ подъ именемъ Ги-

(*) Это показаніе извѣстнаго изыскателя историческихъ древностей Графа *Потоцкаго*. Но оно противурѣчитъ лѣтови-

перборейцевъ. Въ верховьяхъ Волги кочевали Геты, которые, оставивъ въ послѣдствіи свои кочевья, раздѣлились на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ главнѣйшее извѣстно подъ именемъ *Басторновъ*. Большая часть сихъ послѣднихъ поселилась въ нынѣшней Галиціи, вдоль Карпатскихъ горъ; нѣкоторая же часть этого племени заняла южную часть Волыни. Отсюда идетъ начало населенія въ Волынской землѣ, начало, относящееся къ періоду отъ 300 года до Р. Х. по 150 годъ по Р. Х. Страбонъ говоритъ еще о двухъ другихъ народахъ, Сидонійцахъ и Атмонійцахъ, которые также жили на Волыни, судя потому, что онъ даетъ имъ мѣсто между Басторнами и Роксоланами. Съ другой стороны, Птоломей назначаетъ на лѣвомъ берегу Вислы, около Випрца, мѣстожителство Булановъ или *Вулановъ*. Изъ соображенія показаній древнихъ историковъ оказывается, что въ промежутокъ времени между Тацитомъ и Птоломеемъ, составляющій полвѣка,

си *Нестора*, этому краеугольному камню нашей исторіи. Желательно, чтобы ученые наши обратили вниманіе на гипотезу *Потоцкаго* и опредѣлили степень ея основательности.

поколѣніе Вулановъ или Волянцевъ перешло на Волынь и дало этой странѣ свое имя. Латинскіе писатели, какъ видно изъ нѣкоторыхъ изданій Иорнанда, называютъ Волынь — Оліумъ или Скифія — Оліумъ. Готы, пришедшіе отъ береговъ Вислы, чрезъ Пинскія болота, вошли въ Скифію — Оліумъ, но не трогая Волянцовъ, старались подвинуться къ Черному морю и къ границамъ Имперіи. Гунны также оставили въ покоѣ Волянцовъ; но Болгары, одного съ Гуннами племени, дѣлали набѣги почти до самой Вислы. Въ то же время Сѣверяне и Кривичи поселились въ Бѣльскѣ. Преподобный Несторъ называетъ ихъ Сѣверо-Бужанами и говоритъ, что они жили на берегахъ Буга за Волянцами. Въ слѣдъ за тѣмъ возникли Княжества Галицкое и Владимірское, изъ которыхъ послѣднее заключало въ себѣ часть Воыни.

Приведенному предположенію о происхожденіи Воыни, противорѣчитъ мнѣніе *Стрыйковскаго*, который думаетъ, что Воынія или *Волгинія* получила свое названіе отъ того, что первые обитатели этой страны пришли изъ за *Волги*. *Русовъ*, въ своихъ Воыньскихъ запискахъ, производитъ названіе *Воынь* отъ словъ

волз и *гонз* (по Малороссійски *гинз*), основываясь на томъ, что здѣшніе обитатели, пользуясь тучными пастбищами, искони производили торговлю рогатымъ скотомъ, выгоняя его на сѣверъ, въ Польшу и Литву. Какъ бы то ни было, но *Воляняне* или по Нестору *Вельняне*, происходившіе изъ *Древлянскаго* племени, съ незапамятныхъ временъ были обитателями нынѣшней западной Волини.

Дальнѣйшая исторія Волини тѣсно связана вообще съ Русскою исторіею. Я укажу здѣсь лишь на главныя событія, имѣвшія наибольшее вліяніе на судьбу этого края.

По смерти Рюрика (879), обладателемъ Русской земли дѣлается Олегъ, который, по убіеніи Аскольда и Дира, овладѣваетъ Кіевомъ и обращаетъ оружіе свое на западъ, гдѣ ему покоряется между прочимъ и народъ Древлянскій. Въ 912 году Олегъ умираетъ, и въ слѣдъ за тѣмъ Древляне свергаютъ съ себя владычество Игоря, принявшаго достоинство Великаго Князя. Но они тогда же были покорены и обложены большею данью, которую Игорь отдалъ любимцу своему Свѣнельду. Вельможи, завидя Свѣнельду, говорили, что отроки его имѣ-

ють оружіе, одежду, а у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго. Игорьъ пошелъ въ землю Древлянскую и собралъ дань для своей дружины вооруженною рукою; едва кончился поборъ, онъ пришелъ къ Древлянамъ вторично: жители главнаго города ихъ *Коростена* озлобились и умертвили Игоря. Древляне отложились отъ Кіева и провозгласили Княземъ своимъ Мала. Но они не долго считали себя независимыми: Ольга отомстила Древлянамъ смерть мужа своего Игоря, сожгла Коростень и навсегда присоединила ихъ къ своимъ владѣніямъ. Преемникъ Ольги, Святославъ, отдалъ Древлянскую землю въ удѣлъ Олегу, который убилъ случайно на охотѣ сына Кіевскаго вельможи Свѣнelda, Люта. Отець требовалъ мести отъ Великаго Князя Ярополка, который, въ наказаніе брату, хотѣлъ, кажется, лишить его Древлянской области; но судьба устроила иначе: побѣжденный въ битвѣ, Олегъ спасся бѣгствомъ въ городъ *Овручъ*. Тѣснившіеся воины столкнули его съ мосту; тѣло его, раздавленное конями, едва могли отыскать подъ грудю мертвыхъ. Ярополкъ предалъ съ честію землѣ его останки и надъ могилою его велѣлъ насыпать холмъ, который существуетъ до сихъ

поръ въ Овручѣ, подъ именемъ Олеговой мо-
гилы.

Въ 989 году народъ Воыньскій озарился свѣтомъ христіанской вѣры. За тѣмъ, начи-
ная съ 1000 г., исторія Воыни, какъ и осталь-
ной Русской земли, раздѣленной Владиміромъ
между своими сыновьями, наполняется безотрад-
ной картиной кровавыхъ междоусобій и неу-
стройствъ. Къ внутреннимъ бѣдствіямъ присо-
единяется опасность извнѣ: въ 1169 г. Полов-
цы, ограбивъ Кіевъ, пришли искать добычи и
на Воыни, которую потомъ не разъ опусто-
шали Поляки и Венгры. Къ довершенію бѣд-
ствій, въ 1240 г. Батый, завоевавъ восточную
Русь, обратилъ оружіе свое на западъ: всѣ го-
рода Воыньскіе, начиная съ Житомира, превра-
тились въ груды развалинь.

Потомъ Воынь переходитъ подъ власть
Литовцевъ и съ этихъ поръ исторія ея пред-
ставляетъ печальное зрѣлище жестокихъ пре-
слѣдованій, направленныхъ противъ жителей Во-
ыни, исповѣдывавшихъ Православную вѣру.
Съ присоединеніемъ въ 1569 г. Литвы къ Польшѣ,
преслѣдованія за вѣру еще болѣе усили-
лись. — Въ 1649 г. *Богданъ Хмельницкій*, от-

торгнувъ отъ Польши вмѣстѣ съ Кіевомъ и Во-
лынь, призналъ власть Царя Алексія Михаило-
вича; но спустя пять лѣтъ, Волынь, съ други-
ми городами на правой сторонѣ Днѣпра, при-
соединена была опять къ Польнѣ. Съ этихъ
поръ начинается рядъ нападений на Волынь Ма-
лороссійскихъ казаковъ и гайдамаковъ; но бо-
лѣ всѣхъ боялись Польскіе паны знаменитаго
Полковника *Палля*. Въ 1706 происходило на
Волини сраженіе между войсками Петра Вели-
каго и Карла XII, а въ 1711 г. вѣнчанный по-
бѣдитель сѣвернаго героя находился нѣкоторое
время около Луцка и Заславля, для свиданія
съ Польскимъ Королемъ Августомъ.

Въ 1713 г. послѣдній Волинскій Право-
славный Епископъ Кириллъ Шумлянскій былъ
изгнанъ Уніятами изъ своей Епархіи, въ про-
тивность трактату, заключенному въ 1686 г.
между Россією и Польшею, по которому дол-
женствовали быть въ Польшѣ четыре Право-
славныя Епархіи. Религіозныя преслѣдованія
наконецъ простерлись до того, что въ 1775
состоялось постановленіе Сейма: всѣхъ дисси-
дентовъ и неунитовъ, т. е. исповѣдывавшихъ
Православную вѣру, обитавшихъ въ Волини и

во всей Польшѣ, исключить изъ Сената и Министерства Короннаго и Литовскаго.

Въ 1792, подѣ м. Шепетовкою (Заславскаго уѣзда) было кровопролитное сраженіе между Русскими и Поляками, послѣ чего Поляки, подѣ предводительствомъ *Костюшки*, отступили на Варковицы, Дубно и Владиміръ. Генераль *Щенный-Попоцкій*, слѣдуя за нимъ подѣ прикрытіемъ Русскихъ войскъ, учредилъ въ Житомирѣ, Кременцѣ и др. городахъ присутственныя мѣста подѣ названіемъ конфедераціонныхъ, для рѣшенія уголовныхъ и долговыхъ дѣлъ.

Въ слѣдующемъ 1793, заключено перемиріе, и за тѣмъ вся Волынь возвращена прежнему отечеству своему, Россіи, и получила названіе Изяславскаго и Брацлавскаго Намѣстничества. Житомиръ избранъ центральнымъ ихъ городомъ. Русскіе жители, принужденные при Польскомъ Правительствѣ принять Унію, возвратились на лоно Православія.

Въ 1796, Изяславское Намѣстничество переименовано въ Волинскую губернію. Въ 1841, она вполнѣ сравнена въ правахъ и преимуществахъ съ губерніями Великороссійскими.

Обращаясь собственно къ Овручу, перво-

му городу Волынской губерніи на пути отъ Петербурга въ Житомиръ, остается прибавить къ сказанному уже выше, что городъ этотъ, подпавъ подъ владычество Польши, былъ уѣзднымъ городомъ Кіевскаго воеводства. Въ Овручѣ жили старосты, которымъ подчинялись околичныя дворяне, обязанныя нести военную службу и содержать стражу въ Овручскомъ Королевскомъ замкѣ. Въ послѣдствіи Іезуиты учредили здѣсь аббатство ордена Св. Василя, состоявшее изъ Римско-католическихъ и униатскихъ монаховъ; такимъ образомъ въ Овручѣ былъ потомъ центръ Уніи. Монастырь, воздвигнутый іезуитами, стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ и поражаетъ громадностью размѣровъ и строгимъ стилемъ архитектуры. Въ зданіи этой обители помѣщалось іезуитское училище: послѣ высылки Іезуитовъ за границу, имущество ихъ отдано Польскимъ правительствомъ Базиліанамъ, съ обязанностию содержать и училище. Въ 1832 году базиліанскій монастырь упраздненъ.

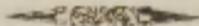
Овручъ обладаетъ драгоцѣннымъ памятникомъ древности, какихъ немного найдется на Руси. Я разумѣю развалины церкви Св. Василя, построенной Св. Равноапостольнымъ В.

К. Владиміромъ. Уцѣлѣвшіе остатки внутреннихъ стѣнъ расписаны фресками; кромѣ того въ наружныхъ стѣнахъ вставлены, вѣроятно для красоты, камни краснаго шифера. Для соблюденія акустическихъ условій, своды церкви построены были изъ горшковъ. Кирпичъ и цементъ, употребленные на постройку, одного свойства съ найденными въ развалинахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ, т. е. оба эти матеріала образовали одну сплошную, нераздѣльную массу. Въ 1814 году Графъ *Замойскій*, съ разрѣшенія Императора Александра I, по просьбѣ Княгини *Чарторижской*, пріѣзжалъ изъ Варшавы для изслѣдованія этого памятника. Все, что было найдено замѣчательнаго *Замойскимъ*, вырыто, увезено и срисовано. Теперь сохранились только косяки и часть сводовъ. Надъ этимъ храмомъ пронеслось восемь вѣковъ, ознаменованныхъ бурными и кровавыми событіями. Остатки церкви Св. Василя намъ въ особенности драгоцѣнны и потому еще, что храмъ этотъ воздвигнутъ былъ Св. Равноапостольнымъ В. К. Владиміромъ, Просвѣтителемъ Русскаго народа.

Кромѣ историческаго своего значенія, ны-

нѣшній Овручъ принадлежитъ къ самымъ незначительнымъ уѣзднымъ городамъ Волынской губерніи. Онъ преисполненъ жидами съ ихъ циническою неопрятностью, неправильными деревянными домиками и кривыми грязными переулками.

Гораздо интереснѣе и поэтичнѣе сосѣдній съ Овручемъ Искорость или древній Коростень, съ воспоминаніями объ Ольгѣ и Игорѣ.

ХІІ.

Искорость или Коростень.

Рѣка Уша. Ольгины Купальни. Зеркало Ольги. Чертово плечо.
Городище. Колодезь *Древлянской*. Древнія могилы. Курганъ
надъ прахомъ Игоря. Корчмы. Село Топорищи. Случай изъ
жизни листовъ.

Въ одинъ прекрасный Іюльскій день въ 1849 году, возвращаясь съ юга на сѣверъ, я, на пути отъ Житомира къ Овручу, свернулъ вправо съ почтоваго Петербургскаго тракта, и сдѣлавъ версты двѣ, вѣхалъ въ селеніе, ни чѣмъ не отличавшееся отъ другихъ селеній, передъ тѣмъ попадавшихся. Какъ тамъ, такъ и здѣсь разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ крестьянскія хаты, крытыя соломой и блистающія бѣлизною своихъ наружныхъ стѣнъ. Хаты эти осѣнены вишневыми или черешневыми деревьями, за ко-

торами раскинуты пространные огороды, богатые растительностию, представителями которой тутъ являлись золотистые подсолнечники. — Я спустился на мостъ, соединяющій крутые, каменные берега небольшой рѣчки, которой воды шумно ниспадали по каменнымъ порогамъ или уступамъ. Вдали, на значительномъ возвышеніи, стоялъ господскій домъ, простой, но изящной архитектуры, а за домомъ огромная зеленая роща. — Селешіе, о которомъ я говорю, было ни больше ни меньше, какъ Искорость, то есть древній Коростень, нѣкогда Древлянская столица, съ своими поэтическими воспоминаніями объ Игорѣ и Ольгѣ, своимъ курганомъ, который, по мѣстному преданію, насыпанъ этою Княгинею надъ прахомъ ея супруга, убитаго Древлянами въ 945 г.

Желая посѣтить историческіе памятники Искорости, я отправился въ домъ тамошняго владѣльца К. Э. *Сьдротскаго*, которымъ былъ принятъ, хотя не былъ знакомъ съ нимъ, со всевозможнымъ радушіемъ и вниманіемъ. Узнавъ причину моего посѣщенія, любезный и обязательный хозяинъ повелъ меня чрезъ садъ свой на берега Уши, къ Ольгинымъ купальнямъ. Пред-

ставьте себѣ огромныя динія скалы, между которыми стремительно несется рѣка, не широкая, но мѣстами чрезвычайно глубокая. Ложбина рѣки завалена огромными различной формы камнями; вода то покрываетъ ихъ, то пролагаетъ себѣ путь между ними, то ниспадаетъ съ однихъ камней на другіе. Оттого издали еще слышенъ вѣчный ревъ и шумъ, увеличивающійся еще болѣе отъ эха, раздающагося отъ высокихъ отвѣсныхъ скалъ, между которыми течетъ рѣка. Скалы эти какъ будто изсѣчены искуснымъ мастеромъ и брошены одна на другую руками человѣческими. На правомъ берегу Уши расположенъ садъ, изобилующій большими тѣнистыми деревьями, фруктами и цвѣтами. Но вотъ *Ольгины купальни*. Онѣ состоятъ изъ двухъ полукруглыхъ углубленій, выбитыхъ природою отъ ската воды, въ теченіе вѣковъ, или руками человѣка, почти среди рѣки, въ камнѣ или, правильнѣе, скалѣ. Оба отдѣла или уступа купальни слѣдуютъ, подобно ступенямъ лѣстницы, одно за другимъ по теченію рѣки, такъ что изъ верхняго можно спуститься въ нижній, а изъ нижняго подняться въ верхній. Верхнему отдѣлу ванны, аршина въ три

въ окружности, придана такая форма, что вершина камня образуетъ надъ нижнимъ отдѣломъ родъ навѣса или зонтика; въ срединѣ же ванны выдолблено мѣсто для сидѣнья, какъ бываетъ и въ обыкновенныхъ мраморныхъ ваннахъ. Вы садитесь въ эту ванну какъ въ вольтеровскія кресла и васъ обдаетъ широкая студеная волна; если же вы хотите освободиться отъ объятій ласкающей васъ стихіи, то стоитъ только прислониться къ стѣнѣ камня, и тогда вы недосыгаемы для воды, которая продолжаетъ литься только надъ вашею головою и передъ вами. Но если сидящему въ ваннѣ вздумается попробовать купанья по системѣ *Присница*, и подвергнуть ударамъ воды спину или плечи, то это легко сдѣлать, наклонясь и опираясь руками о переднюю часть камня. Глубина этой ванны въ полтора аршина. За нею идетъ внизъ другая ванна; сюда вы переходите изъ верхней ванны, перешагнувъ чрезъ ту часть камня, о которую, сидя въ верхней, вы упирались ногами. Глубина этой второй ванны около двухъ аршинъ. Здѣсь вы садитесь также какъ въ кресло: вода съ необыкновенной силой льется вамъ на спину, стекая по камню изъ верхней

ванны. Сила иаденія воды происходитъ отъ того, что вторая ванна ниже первой на полтора аршина. Ощущеніе, испытываемое здѣсь, совсѣмъ не то, какое можно испытать, стоя подъ струями воды въ душахъ, устраиваемыхъ по *Присницовой* системѣ: въ *Ольгиныхъ купальняхъ* васъ обдаеть водою всего и производитъ какую-то пріятную раздражительность во всемъ вашемъ организмѣ. При томъ вы здѣсь окружены разнообразной, живописной природой, и слухъ вашъ нѣжитъ неумолкаемый ропоть гнѣвной рѣки, на пути своемъ встрѣтившей препоны, которая она какъ будто силится но не можетъ одолѣть въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій.— За ваннами, внизъ по теченію рѣки, тянутся пороги и скалы еще сажени на четыре: вода съ ревомъ и пѣною стремится по нимъ, и вдругъ, какъ будто утомленная въ неравной борьбѣ, утихаеть, разстиляется широкой пеленой и становится неподвижною. Эта часть рѣки образуетъ родъ зеркала, которое отражаетъ въ себѣ дикія и угрюмыя красоты окрестностей. Народное преданіе называетъ эту часть Уши бездоннымъ омутомъ, жилищемъ нечистой силы и громаднхъ сомовъ, которые будто бы увле-

каютъ людей въ бездну. Омуть этоѡ тянется по крайней мѣрѣ на версту. Лѣвый его берегъ составляетъ скала, которой сторона, обращенная къ рѣкѣ, такъ пряма и гладка, что похожа на стѣну каменнаго колоссальнаго зданія и составлена какъ будто изъ цвѣтныхъ полуполированныхъ мраморно-гранитныхъ монолитовъ. Скала эта извѣстна здѣсь подѣ именемъ *Зеркала Ольги*. И въ самомъ дѣлѣ, изъ купальни Ольги взоръ вашъ падаетъ прямо на эту скалу, такъ какъ рѣка, при началѣ ея, дѣлаетъ поворотъ слѣва на право и образуетъ тупой уголъ. Отъ засухи вода въ Ольгиныхъ купальняхъ иссякаетъ, говорятъ, до того, что онѣ соединяются съ берегами. Впрочемъ достаточно нѣсколько обильнаго дождя, чтобъ ванны опять наполнились водою. Когда я былъ въ Искорости, недостатка въ водѣ тамъ не было.— Освѣжаясь купаньемъ въ водахъ Ольгиныхъ ваннъ, я пошелъ на каменный берегъ одѣваться, и тутъ-то замѣтилъ еще одну неожиданность: къ самому мѣсту одѣванья идетъ по камнямъ небольшая рѣчная струя и почти касается ногъ вашихъ, которыя можно здѣсь умытъ какъ въ тазу. Струя эта несется далѣе къ рѣкѣ и исче-

заетъ въ ней, какъ будто она уклонялась отъ прямого теченія единственно для того, чтобъ омыть ваши ноги.

Но направленіе вѣка, духъ скептицизма проникли и сюда. Нашлись невѣрующіе, которые хотятъ оспорить данное преданіемъ названіе *Ольгиныхъ купаленъ*, говоря, что Ольга устраивать ихъ не могла, такъ какъ она приходила сюда для отмщенія Древлянамъ за смерть своего супруга, а не для основанія здѣсь своей резиденціи. Скорѣе, говорятъ они, допустить можно, что углубленія въ скалѣ, называемыя теперь купальнями, высѣчены были для укрѣпленія каменной плотины для мельницы, которой слѣды остались въ углубленіяхъ, вырубленныхъ въ скалѣ для спуска воды на колеса. Но Древляне ли заботились объ устройствѣ здѣсь мельницы или постройка ея относится къ позднѣйшему времени — это рѣшить мудрено.

Подлѣ купаленъ Ольги, въ скалистомъ берегу, видна длинная пещера; надъ входомъ въ нее виситъ оконечность выдавшейся скалы, образующая родъ навѣса. Пещера идетъ далеко внутрь берега въ видѣ терассы. Ступеньки и

ноль въ ней состоятъ изъ плитъ, лежащихъ одна надъ другою.

Ниже Ольгина зеркала, вода, пройдя между высокихъ утесистыхъ скалъ, образуетъ бассейнъ, въ родѣ озера, которое въ народѣ слыветъ подъ именемъ Святые. Глубина здѣсь простирается до нѣсколькихъ сажень; но народное преданіе приписываетъ этому озеру неизмѣримую глубину.

Близъ этого мѣста есть скалистый утесъ, называемый Чертовымъ Плечемъ. Рассказываютъ, что когда-то, очень давно, черти вздумали попробовать своихъ силъ, и запрудивъ камнями рѣку, затопить жившихъ на берегахъ ея людей. Но когда они принялись ночью за работу — вдругъ запѣлъ пѣтухъ и они исчезли, превратясь въ смолу и оставивъ послѣ себя, кромѣ слѣдовъ смолы и сѣры, еще въ скалѣ 12 знаковъ, имѣющихъ форму плечъ. Это сказка, выдуманная для старухъ и дѣтей; но весьма замѣчательно то, что всѣ здѣшнія скалы и окаменѣлости, отъ тренія, издають сѣрный запахъ; тутъ же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются сѣрные источники. Но это дѣло геологовъ, которые обратятъ, конечно, на это вниманіе.

На правомъ берегу Уши до-нынѣ существуютъ слѣды двухъ крѣпостей, которыхъ В. К. Ольга не могла взять приступомъ. На лѣвомъ же берегу есть мѣсто, называемое *Городище* и заключающее въ себѣ шесть десятинъ земли. Оно окружено съ двухъ сторонъ природными ущелями, соединенными двойнымъ рядомъ валовъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ. Валы эти построены были изъ пластовъ мелкаго камня, смѣшаннаго съ землею, известью, глиною и пескомъ. Теперь на валахъ растутъ вѣковые дубы. — Первая изъ этихъ крѣпостей, входящая въ составъ нынѣшняго помѣщичьяго сада, на основаніи привилегіи Короля Польскаго *Сигизмунда*, 1589 г., предоставлена была тогдашнему владѣльцу Искорости *Мержвинскому* для защиты отъ Татарскихъ набѣговъ; но въ послѣдствіи, переходя изъ рукъ въ руки, уничтожена и отъ нея остался теперь только одинъ валъ, на которомъ посажены фруктовыя деревья, другой же валъ сохранился только вполувину. — Другая крѣпость, отстоящая отъ первой почти на версту, равно какъ и самое *Городище*, не была поддерживаема со временъ Древлянскихъ; окружавшіе ее валы однакожъ

сохранились въ цѣлости. Здѣсь до сихъ поръ видны слѣды каменнаго моста, сединявшаго это укрѣпленіе съ Городищемъ. Сверхъ того есть признаки воротъ, соединявшихъ обѣ крѣпости.

Въ послѣдней крѣпости есть колодезь, выкопанный на болотистомъ мѣстѣ и окруженный каменною стѣною. Онъ называется здѣсь *Древлянскимъ*. Народное преданіе утверждало, что въ колодезѣ этомъ три дна, изъ которыхъ каждое покрыто углемъ, смѣшаннымъ съ шелухою проса, и что подъ третьимъ дномъ, въ землѣ, зарыто столовое серебро Древлянскаго Князя. Въ 1846 г. колодезь былъ разрытъ: когда выброшены были камни, угли и просо, то оказалось, что колодезь обложенъ былъ дубовымъ деревомъ шириною въ квадратную сажень, а глубиною въ полторы сажени. По снятіи дна, нашли подъ нимъ, на глубинѣ болѣе сажени, другое дно: здѣсь стѣны колодезя обложены были камнемъ, который, разрушаясь отъ прилива воды, производилъ сильные звуки. Народъ, толкуя звуки эти по своему, радовался, что Княжеское серебро будетъ наконецъ вынуто. Когда наконецъ сняли второе дно, то нашли, что стѣны колодезя

обложены были деревомъ на поларшина глубины, послѣ чего слѣдовало новое дно. По снятіи этого послѣдняго дна, когда всѣ увѣрены были, что подъ нимъ должны быть сокровища,— вмѣсто того увидѣли бѣлый песокъ. Дальнѣйшее разрытіе оказалось невозможнымъ по обилію подземныхъ ключей, быстро наполнявшихъ колодезь, такъ что рабочіе не могли выкачивать всей воды. Хотя разрытіе это не принесло большой пользы, не менѣе того, оно представляетъ ясное доказательство достовѣрности народнаго преданія о томъ, что колодезь вырытъ еще Древлянами, потому что въ новѣйшее время, жилищъ въ той сторонѣ не было; а еслибъ и были жилища, то какая надобность была строить колодезь съ тремя днами и притомъ такъ прочно, что требовалось большихъ усилій, чтобъ ихъ разрушить?

Противъ Городища, которое взято было приступомъ войсками В. К. Ольги, вдоль нынѣшней почтовой дороги, находится множество кургановъ или могилъ, въ которыхъ погребены тѣла погибшихъ при защитѣ Коростена Древлянъ, которыхъ число, по свидѣтельству Преподобнаго Нестора, простиралось до 10,000. Могилы, раз-

сѣянныя въ окрестностяхъ Искорости, можно раздѣлить на три отдѣла: во 1-хъ на могилы *Ведетныи*, которыя окружаютъ Искорость, въ нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи. При разрытіи въ нихъ никогда ничего не находили. Во 2-хъ на могилы, посвященныя Древлянскимъ языческимъ богамъ: *Бльз-Богу* и *Чернз-Богу*, потому что народъ Древлянскій приносилъ жертвы своимъ божествамъ на могилахъ, собственно имъ посвященныхъ. Могилы эти составляютъ группы и находятся на берегахъ рѣки, и вышиною равняются могиламъ *Ведетнымъ*. Въ 3-хъ на могилы въ собственномъ смыслѣ этого слова, изъ которыхъ однѣ наполнены множествомъ человѣческихъ костей и относятся, разумѣется, ко временамъ народныхъ войнъ; другія же воздвигнуты надъ прахомъ одного какого нибудь человѣка. При разрытіи этихъ послѣднихъ могилъ находимы были кости одного человѣка, положеннаго на землѣ и покрытаго песчанымъ курганомъ; при костяхъ находили на правомъ плечѣ и на бедрахъ серебряныя небольшія пряжки. Но могилы эти едва ли можно признать Древлянскими, такъ какъ образъ подобнаго погребенія былъ въ обыкновеніи гораздо позже. Соб-

ственно же Древлянскими могутъ быть признаны тѣ могилы, которыя насыпались на каменной площади, въ которой высѣчено небольшое квадратное углубленіе, наполненное землею и покрытое камнями. Могилы эти относятся къ тѣмъ временамъ, когда мертвыя тѣла подвергались сожженію. Владѣлецъ Искорости К. Э. *Сьдротскій*, присутствовавъ при разрытіи одной изъ такихъ могилъ, удостовѣрился, что Древляне дѣйствительно сжигали тѣла умершихъ.

Въ высней степени замѣчательно, что память о Вел. Кн. Ольгѣ до сихъ иоръ живетъ въ народѣ не только въ окрестностяхъ Коростена, но и за Овручемъ, далѣе въ Житомиру: многіе колодези называются Ольгиными потому, какъ гласитъ преданіе, что она пила изъ нихъ воду; нѣкоторыя урочища также носятъ названіе Ольгиныхъ, потому что она въ нихъ останавливалась, идя походомъ противъ Древлянъ. Указываютъ камни, положенные въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она молилась Богу и проч. Преданія, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, служатъ безсмертными памятниками любви народной къ своимъ властелинамъ.

Что касается до Коростена, то послѣ перевода изъ него Древлянской столицы въ Ов-

ручь, и въ особенности послѣ раззоренія его войсками Ольги, онъ пришелъ не только въ совершенный упадокъ, но даже мѣсто, гдѣ былъ городъ, оставалось ненаселеннымъ, и получило названіе урочища Древлянки. Въ послѣдствіи Польское Правительство, желая населить нѣкоторыя малолюдныя мѣста, раздавало земли преимущественно Татарамъ, отличившимся въ войнахъ съ неприятелемъ. Такимъ образомъ и Древлянка отдана была какому-то солдату Тереху, изъ Брянска. Этотъ Терехъ, поселившись на Коростенскихъ земляхъ, былъ названъ Искоростинскимъ, и отъ него новое поселеніе названо Искоростинъ, называемое теперь народомъ Искоростью. Наслѣдники этого господина Искоростинскаго долго жили въ Искоростинѣ; но потомъ одна изъ его наслѣдницъ вышла замужъ за Проккопа Мержвинскаго, которому Сигизмундъ Ш. 22 Мая 1589 г. даровалъ право, какъ сказано выше, учредить тамъ мѣстечко и крѣпость для защиты отъ Татаръ.

Въ 5 верстахъ отъ Искорости, за рѣкою Ушью, находится курганъ, насыпанный, какъ говоритъ преданіе, Вел. Кн. Ольгою надъ прахомъ супруга своего Игоря, убитаго въ сраженіи съ

Древлянами. Несторъ объ этомъ говоритъ: «и погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоростеня града въ деревѣхъ и до сего дне». По разрытіи этой могилы въ 1846 г., найдены были въ ней камни, покрытые звѣриными костями: козлиные рога, и кости, похожія на медвѣжьи лапы, употреблявшіяся при погребеніи язычниковъ. Между камнями отысканы также разные образа, мѣдныя и желѣзныя стрѣлы, куски глиняной посуды, смѣшанные съ углемъ.

Въ этотъ разъ мнѣ не удалось заѣхать въ Искорость. Главною причиною тому была дождливая погода, мучившая меня отъ самаго Петербурга. Но ѣдущимъ по этому тракту я совѣтую посѣтить это любопытное и въ высшей степени живописное мѣсто, какихъ въ Россіи найдется не много.

Чрезвычайно пріятное чувство пробуждается въ душѣ путешественника, ѣдущаго съ сѣвера на югъ, при вѣздѣ въ предѣлы Волыни, особенно когда онъ миновалъ Овручъ и подвигается ближе къ Житомиру. У путника еще свѣжи въ памяти недавніе пески, еловый лѣсъ, однообразныя кругомъ равнины, и вдругъ природа предъ нимъ какъ будто оживаетъ: почтовая дорога

окаймлена чудесными италіянскими тополями; далѣе поля, покрытыя тучными злаками, въ вышину человѣческаго роста. Ничего не можетъ быть красивѣе этихъ безконечно длинныхъ полосъ цвѣтущей грѣчи, бѣлѣющей молочнымъ цвѣтомъ съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, ярко зеленого льна, и наконецъ пшеницы и ржи, которыхъ налившіеся и близкіе къ зрѣлости колосья блестятъ на солнцѣ какъ червонное золото. Невыразимо прекрасны эти пестрыя, теряющіяся вдали нивы, волнуемая теплымъ южнымъ вѣтромъ, который проводитъ на нихъ поминутно измѣняющіеся, разнообразныя, вѣчно прекрасныя узоры, подобныя волнамъ моря, послушно отпечатлѣвающимъ на зыбкой поверхности своей малѣйшее движеніе воздуха.— Эти обработанныя поля, такъ щедро вознаграждающія трудъ земледѣльца, пересѣкаются въ иныхъ мѣстахъ превосходнымъ лѣсомъ, пестрѣющимъ всѣмъ разнообразіемъ богатой растительности умѣренной полосы. Изъ глубины лѣса вѣетъ ароматами свѣжихъ, еще не опаленныхъ южнымъ солнцемъ, цвѣтовъ. Тысячи разнородныхъ птицъ наполняютъ массу лѣса и напѣваютъ всѣ въ одно время свои безискусственныя пѣсни, сливающіяся

въ какой-то нестройный, но не менѣ того не лишенный истинной поэзіи, концертъ. Кузнечики, въ свою очередь, оглашаютъ воздухъ своимъ пронзительнымъ чирканьемъ; гдѣ-то далеко, въ полѣ, раздаются голоса перепеловъ; — слышенъ звонъ желѣзныхъ косъ, точимыхъ поселянами, или раздаются громкія пѣсни крестьянокъ — Здѣсь кстати замѣтить, что мужики-малороссіяне, составляющіе главное народонаселеніе юго-западныхъ губерній, поютъ чрезвычайно рѣдко, между тѣмъ какъ женщины-крестьянки большія охотницы до пѣсень: въ полѣ, на сѣнокосѣ, въ огородѣ, дома за пряжей, даже стряпая у печи, онѣ непремѣнно заводятъ любимыя свои пѣсни. Голоса у нихъ по большей части сильные и звучные и репертуаръ изобилуетъ пѣснями заунывными, веселыми и даже плясовыми. Во внутреннихъ губерніяхъ — совершенно на обороты тамъ пѣсни поютъ гораздо чаще мужчины, чѣмъ женщины, и притомъ по большей части хоромъ. Это явленіе должно имѣть въ основаніи какія нибудь причины; но отыскать ихъ я не берусь. — Въ качествѣ туриста я рассказываю читателямъ мои путевыя замѣтки, передаю факты, явленія и событія, не принимая на

себя труда доискиваться ихъ дѣйствительной причины.

Проѣзжающаго по Волинской губерніи поражаютъ попадающіяся на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ одна отъ другой, такъ называемыя здѣсь корчмы. Это не что иное, какъ постоянные двory. Корчма принадлежитъ обыкновенно помещику, на землѣ котораго построена за известную арендную плату. Архитектура этихъ корчемъ какая-то допотопная. Представьте себѣ пространство сажень отъ 30 до 40 въ длину и отъ 5 до 8 въ ширину, огороженное и покрытое соломенной крышей; подъ ней, на переднемъ фасадѣ, двѣ комнаты на право и двѣ комнаты на лѣво, называемыя по здѣшнему станціями; между этими комнатами громадныя, неуклюжія деревянныя ворота, въ которыя обыкновенно въѣзжаютъ въ корчму; такія же ворота и на противоположной сторонѣ. Въѣхавъ въ ворота, экипажъ останавливается подъ навѣсомъ и пріѣхавшій выходитъ изъ него прямо въ комнату. Такимъ образомъ мѣсто подъ воротами, куда въѣзжаютъ экипажи, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и корридормъ, потому что двери каждой комнаты обращены сюда. Обыкновенно двѣ комнаты наз-

начаются для публики высшаго разряда, а изъ остальныхъ двухъ комнатъ одна занимается содержателемъ корчмы и его семействомъ, а послѣдняя предоставляется низшей публикѣ, т. е. крестьянамъ, которыхъ услужливый хозяинъ угощаетъ здѣсь водкой. Мебель всѣхъ этихъ комнатъ самая незатѣйливая: комнаты, назначенныя для господъ, снабжены простыми деревянными столами, такими же стульями и наконецъ чѣмъ-то среднимъ между диванами и кроватями, покрытыми сѣпомъ. Остальная постельная принадлежность надобно имѣть свои Единственное украшеніе этихъ покоевъ — висящее на стѣнѣ небольшое зеркало, въ которое страшно посмотреть на себя, до такой степени оно искажаетъ человеческое лицо и сообщаетъ ему такое свѣрѣное выраженіе, что, какъ говорится, «за человека страшно». Остальное пространство подъ навѣсомъ безъ потолка образуетъ конюшню и вмѣстѣ сарай: по-срединѣ этой огромной площади ставятъ экипажи, а по обѣимъ сторонамъ привязываютъ лошадей. Кромѣ водки и пива, въ корчмахъ этихъ, разумѣется, ничего нельзя достать. Самоваръ здѣсь вещь неслыханная, а когда разъ я спросилъ *салфетка*, чтобъ покрыть столъ,

на которомъ я собирався пить чай, то это поставило совершенно въ тупикъ хозяина корчмы, и онъ признался мнѣ, что онъ «слова Богу осмнадцать лѣтъ держитъ ее на арендѣ, а еще въ первый разъ слышитъ, что отъ него требуютъ подобной вещи» Патриархальность, которая многимъ покажется невѣроятною въ нашъ вѣкъ комфорта и всеобщаго просвѣщенія.

За двѣ станціи отъ Житомира, замѣчательно принадлежащее Г. Галенскому село Топорищи, съ приходской православною церковью и римско-католическимъ костеломъ. Крестьянскіе дома, правильной однообразной постройки, проведены прямыми линіями и образуютъ широкія улицы, обведенныя канавами. Почти каждый домъ оцѣненъ тѣнистымъ садикомъ и отдаленъ одинъ отъ другаго на значительное разстояніе, что особенно важно въ случаѣ пожара. Въ губерніяхъ Великороссійскихъ кое гдѣ сохранился старинный обычай не оставлять вовсе промежутковъ между крестьянскими избами; отчего, въ случаѣ несчастія отъ огня, вся деревня дѣлается жертвою пламени.

Во многихъ мѣстахъ, на самомъ гребнѣ высокихъ крышъ, а иногда на высокихъ деревь-

яхъ видны гнѣзда, сложенные изъ мелкихъ прутьевъ. Это гнѣзда аистовъ, которыхъ въ другихъ мѣстахъ не водится. Мнѣ рассказывали странный случай объ этихъ птицахъ. Крестьянину, у котораго на домѣ было гнѣздо аиста, вздумалось, въ отсутствіе самки, подмѣнить яйца ея на гусяныя. Самка аиста, не замѣтивъ подлога, высидѣла птенцовъ, гусятъ. Она испугалась при видѣ своихъ дѣтенышей и на ея крикъ прилетѣлъ самецъ. Его отчаяніе было невыразимо: осмотрѣвъ внимательно птенцовъ и не найдя между ними ни одного аиста, онъ сталъ кружить вокругъ своего гнѣзда, испуская пронзительные жалобные крики, на которые слетѣлись сосѣдніе аисты. Оскорбленный аистъ составилъ возлѣ гнѣзда на крышѣ родъ вѣча, продолжавшагося, сказываютъ, болѣе получаса. Тутъ, вѣроятно, произнесенъ былъ самкѣ, обвиненной въ преступной измѣнѣ, смертный приговоръ, потому что всѣ аисты, числомъ около пятнадцати, съ яростію бросились на виновную и растерзали ее на части. Потомъ всѣ они разлетѣлись, каждый въ свою сторону, не тронувъ гусятъ, виновниковъ этой катастрофы.

Подъѣзжая къ Черняхову, послѣдней станціи предъ Житомиромъ, амщикъ мой ускорилъ ѣзду и сталъ справляться; потомъ, указывая на ѣхавшаго впереди насъ на открытой бричкѣ сѣдаго пана въ четвероугольной шапкѣ, сказалъ въ полголоса, обращаясь ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ: «Отъ панъ комиссаръ» (*) — А ты боишься его? спросилъ я. — «А якъ же? боюсь: на то винъ панъ». — Да онъ развѣ вашъ комиссаръ? — «Ни, пане, не нашъ, я изъ другого села, а у насъ есть свой комиссаръ» — Поравнявшись съ сѣдымъ господиномъ, амщикъ снялъ почтительно шапку. Надо замѣтить, что здѣсь, также какъ и въ Малороссіи, крестьяне при встрѣчѣ съ проѣзжими господами, всегда кланяются, не разбирая кто ѣдетъ, откуда и куда. Евреи не менѣе вѣжливы: часто попадаются они, тащась на своей *блдь*: такъ называется легкая тѣлѣжка на двухъ колесахъ, запряженная въ одну лошадку. Въ ней могутъ помѣститься два человѣка, изъ которыхъ одинъ правитъ конемъ, въ родѣ того, какъ дѣлають Чу-

(*) Управляющій имѣніемъ.

хонцы, живушіе въ окрестностяхъ Петербурга. Встрѣчающіеся въ такой *блдь* Евреи непременно отвѣшиваютъ обязательный поклонъ господамъ, въ особенности ѣдущимъ на почтовыхъ лошадяхъ.

к о н е ц ъ .